

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 2 (29) / 2023

Серия: Исторические и филологические науки

ВОЛОГДА
2023

№ 2 (29) / 2023 / ИЮНЬ. Выходит 4 раза в год.

Рецензируемый научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» предназначен для ознакомления российской и зарубежной научной общественности, аспирантов и студентов с новыми научными результатами, имеющими значение в области фундаментальной и прикладной науки. С 2016 года включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). С 21.02.2022 включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Полнотекстовые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Реестровая запись от 13 июня 2019 г. серии ПИ № ФС77-75973. Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Серия: Исторические и филологические науки.

Специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Главный редактор *В.А. Саблин*, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики ВоГУ.

Заместитель главного редактора *Л.В. Егорова*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ.

Секретарь *А.С. Столетова*, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ, доцент кафедры философии и истории ВГМХА им. Н.В. Верещагина.

Члены редколлегии:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

О.А. Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ,

Л.О. Володина, доктор педагогических наук, доцент, директор ВолНЦ РАО, профессор кафедры психологии, педагогики и социальной работы ВоГУ,

С.Х. Головкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

В.А. Квашинин, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры юриспруденции ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,

Г.Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского,

Р.Л. Красильников, доктор филологических наук, преподаватель автономной некоммерческой организации «Общественно-образовательная школа Центра педагогического мастерства»,

С.А. Мызников, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики Исл РАН,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания МГОПУ,

Ж.И. Подоляк, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка ВоГУ,

Я.В. Сарычев, доктор филологических наук, доцент, заместитель директора Института филологии по научной работе, профессор кафедры русского языка и литературы ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,

Г.В. Судаков, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

В.А. Черкасов, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства БелГУ.

Переводчик *О.А. Бурсина*.

Редакторы *О.М. Ванчугова, Н.Н. Постникова*.

Оригинал-макет *С.В. Кудрявцев*.

Адрес редакции: 160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, каб. 212. Тел.: 8 (8172) 72-52-00, e-mail: vestnik@vogu35.ru. Сайт: <http://vestnik.vogu35.ru>.

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 160000, Российская Федерация, Вологодская область, город Вологда, улица Ленина, дом 15.

Отпечатано: ООО РА «Эпатаж», 160004, 160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленинградская, 38. Тел.: (8172) 724-800, 70-25-77, e-mail: ra-epatazh@mail.ru.

Подписано в печать 29.05.2023 г. Выпуск в свет 30.06.2023 г. Формат А4 (60 x 84/8).

Уч.-изд. л. 14,5. Усл. печ. л. 15,0. Тираж 38 экз. Заказ № 435. Цена свободная.

ISSN 2658-7254

© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2023

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«VOLOGDA STATE UNIVERSITY»

BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY

SCIENCE JOURNAL

First published in 2016

No. 2 (29) / 2023

Series: History and Philology

VOLOGDA
2023

No. 2 (29) / 2023 / June. 4 issues a year.

'Bulletin of Vologda State University' is a peer-reviewed scholarly journal published by Vologda State University. It is issued four times a year and is aimed at Russian and international researchers, post-graduate and undergraduate students who wish to familiarize themselves with new fundamental and applied research. 'Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology' has been fully indexed by Russian Science Citation Index since 2016. 'Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology' is included in the List of peer-reviewed scientific journals approved for publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science since February 21, 2022. Full-size versions of the issue can be found in free access at Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru).

Registration Certificate ПИ № ФС77-75973 of June 13, 2019. It's registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Series: History and Philology.

Academic areas: 5.6.1. National History (Historical Sciences), 5.6.2. Global History (Historical Sciences), 5.9.1. Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences), 5.9.2. World Literature (Philological Sciences), 5.9.3. Literature Theory (Philological Sciences), 5.9.5. Russian. Languages of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences), 5.9.6. Foreign Languages (Germanic Languages), (Philological Sciences), 5.9.8. Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Sciences).

Editor-in-Chief *Vasily A. Sablin*, Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University.

Deputy Chief Editor *Ludmila V. Egorova*, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English, Vologda State University.

Executive Secretary *Anna S. Stoletova*, Candidate of History, Associate Professor of the Department of National History, Vologda State University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin.

Editorial Board:

Sergey Yu. Baranov, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Vologda State University,

Olga A. Bursina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University,

Larisa O. Volodina, Doctor of Pedagogy, Head of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Education, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Vologda State University,

Svetlana Kh. Golovkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University,

Larisa V. Izyumova, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Vologda State University,

Vladimir A. Kvashnin, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of Jurisprudence, Vologda State University,

Irina Ye. Kolesova, Candidate of Philology, Academic Secretary of Vologda Regional Research Academic Library named after I.V. Babushkin,

Gennady N. Kocheshkov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,

Roman L. Krasilnikov, Doctor of Philology, Lecturer, Autonomous Non-Profit Organization «Comprehensive School at the Center for Pedagogical Excellence»,

Sergey A. Myznikov, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Centre of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of History of Russian and General Linguistics, History and Philology Institute, Moscow State Regional Pedagogical University,

Zhanna I. Podolyak, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English, Vologda State University,

Yaroslav V. Sarychev, Doctor of Philology, Assistant Professor, Deputy Director for Research at the Philological Institute, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semyonov-Tyan-Shanskiy,

Gury V. Sudakov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University,

Valery A. Cherkasov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Belgorod State National Research University.

Editor of English Texts *O.A. Bursina*.

Editors, proofreaders *O.M. Vanchugova, N.N. Postnikova*.

Making up and technical editing *S.V. Kudryavtsev*.

Address of the Editorial Office: Office 212, Lenin Street, 15, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000. Tel.: 8 (8172) 72-52-00, e-mail: vestnik@vogu35.ru. Bulletin website: <http://vestnik.vogu35.ru>.

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State University», Lenin Street, 15, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000.

Address of the Printing House: «Epatazh», Leningradskaya Street, 38, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160004. Tel. (8172) 724-800, 70-25-77, e-mail: ra-epatazh@mail.ru.

Passed for printing 29.05.2023. Date of Publication 30.06.2023. Format A4 (60 x 84/8).

Conventional printed sheets 14,5. Published pages 15,0. Number of copies 38. Order 435. Open price.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Саблин В.А.</i> ВОЛОГОДЧИНА – ИСКОННАЯ ОПОРА РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ: ИСТОРИКО-ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС XV–XVII ВЕКОВ.....	7
--	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Белов Н.В.</i> БЫЛА ЛИ ОПАЛА КНЯЗЯ С.И. МИКУЛИНСКОГО В 1554–1558 ГОДАХ? К ВОПРОСУ О СЛУЖЕБНОМ СТАТУСЕ ДВИНСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА И КАЗАНСКОГО ВОЕВОДСТВА В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА.....	9
<i>Дианова Е.В.</i> КИНОРАБОТА ВОЛОГОДСКОЙ КООПЕРАЦИИ В 1920-Е ГОДЫ.....	17
<i>Жукова В.С.</i> ПРИПОЛЯРНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1926/27 ГОДА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О НАСЕЛЕНИИ И ЗАНЯТИЯХ НЕНЦЕВ.....	23
<i>Кориунков В.А.</i> «В ЭКИПАЖЕ БЕЗ КОЛЕС»: ОСОБЕННОСТИ ЗИМНИХ ПОЕЗДОК ПО ДОРОГАМ РОССИИ В XIX ВЕКЕ.....	26
<i>Нестеров Д.А.</i> ТРАНСФЕР КОЛОНИАЛЬНОГО ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ В КОНТРАПАРТИЗАНСКИХ ОПЕРАЦИЯХ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД И КОРПОРАЦИЯ РЭНД.....	30
<i>Перевоицков Д.В.</i> ТЕРРОР НЕ ПРИГОВОР: СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ИЗ УДМУРТИИ В КОНЦЛАГЕРЕ МАУТХАУЗЕН (1941–1945 ГГ.).....	34
<i>Ситников К.А.</i> ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ УРЯДНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В 1911–1917 ГГ.	39
<i>Столетова А.С.</i> ТВОРЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ А.Я. ЯШИНА: ОБ УКРЕПЛЕНИИ УВАЖЕНИЯ К СЕВЕРУ И ЕГО ЛЮДЯМ (К 110-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ).....	48

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Блинов К.А.</i> ГРОТЕСК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. ПЕЛЕВИНА «ОМОН РА» И «ЖИЗНЬ НАСЕКОМЫХ» КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ФАНТАСТИКИ.....	54
<i>Брусиловская Я.В.</i> ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ПОЭЗИИ Н. РОМАНОВОЙ (ДИПТИХ «ЗВЕРСТВО» И «ЛЮДОЕДСТВО»).....	59
<i>Бытко С.С.</i> СТАРОБРЯДЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В РОМАНЕ П.И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «В ЛЕСАХ».....	64
<i>Краснова О.Н.</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РАСКРЫТИЯ ГЛУБИННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ОБРАЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ «БЕДНОЙ ЛИЗЫ» Н.М. КАРАМЗИНА.....	69
<i>Маслова А.Г.</i> ИНТЕРМЕДИАЛЬНАЯ ПОЭТИКА ПОВЕСТИ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «АПЕЛЛЕСОВА ЧЕРТА».....	73
<i>Сафрон Е.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ЛИТЕРАТУРЫ УЖАСОВ (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА О. КОЖИНА «ЗВЕРИНЕЦ»).....	79
<i>Шарапенкова Н.Г., Бахлаева М.А.</i> СКАНДИНАВСКИЕ ЯЗЫЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА О. СКОТТА «TWILIGHT OF THE GODS»).....	82

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Акбаева Ф.Б.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МАССМЕДИЙНОГО ТЕКСТА О ЗДОРОВОМ ПИТАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КУЛИНАРНЫХ РЕЦЕПТОВ).....	86
<i>Романовская И.В.</i> АНГЛИЗАЦИЯ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА, ЕЁ ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ.....	91
<i>Судаков Г.В.</i> «ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС» КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ «ЖИТИЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО»).....	95
<i>Червяков А.А.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРНЕТ-МЕМЕ КАК ЯЗЫКОВОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ЯВЛЕНИИ.....	100
<i>Черемных Ю.А.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СОБАКА» В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	106

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Громыко С.А.</i> О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 999.014.03 В 2022 ГОДУ.....	112
<i>Егорова Л.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЗЕЛЕЗИНСКАЯ Н.С. ГДЕ БУМАЖНОЕ СТАНОВИТСЯ РЕАЛЬНЫМ: НОВЫЕ МОТИВЫ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: Монография. Минск: Изд. центр БГУ, 2022. 144 с.	115
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	117

CONTENTS

<i>Sablin V.A.</i> VOLOGDA REGION – THE ANCESTRAL SUPPORT OF THE RUSSIAN STATE: HISTORICAL AND PATRIOTIC DISCOURSE OF THE 15th–17th CENTURIES.....	7
--	---

HISTORY

<i>Belov N.V.</i> WAS PRINCE SEMEN I. MIKULINSKY DISGRACED IN 1554–1558? ON OFFICIAL STATUS OF DVINA VICEGERENTY AND KAZAN PROVINCE IN THE MIDDLE OF THE 16TH CENTURY	9
<i>Dianova E.V.</i> CINEMA CIRCUIT DEVELOPMENT AND PROMOTION BY THE VOLOGDA COOPERATION IN THE 1920S.....	17
<i>Zhukova V.S.</i> CIRCUMPOLAR CENSUS OF 1926–27 IN THE EUROPEAN NORTH AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT THE POPULATION AND OCCUPATIONS OF THE NENETS.....	23
<i>Korshunkov V.A.</i> «IN A CARRIAGE WITHOUT WHEELS»: THE FEATURES OF WINTER JOURNEYS ALONG THE ROADS OF RUSSIA IN THE 19TH CENTURY	26
<i>Nesterov D.A.</i> TRANSFER OF COLONIAL EXPERIENCE IN USING THE AIR FORCE DURING COUNTER-GUERRILLA OPERATIONS IN THE INTERWAR PERIOD AND THE RAND CORPORATION	30
<i>Perevoshchikov D.V.</i> TERROR IS NOT SENTENCE: SOVIET PRISONERS OF WAR FROM UDMURTIA IN MAUTHAUSEN CONCENTRATION CAMP (1941–1945).....	34
<i>Sitnikov K.A.</i> THE EXPERIENCE OF THE VOLOGDA RURAL POLICE SCHOOL FUNCTIONING IN 1911–1917	38
<i>Stoletova A.S.</i> A.Ya. YASHIN’S CREATIVE AND PUBLIC INITIATIVES: ON STRENGTHENING RESPECT FOR THE NORTH AND ITS PEOPLE (TO THE 110TH ANNIVERSARY OF THE WRITER)	48

LITERATURE STUDY

<i>Blinov K.A.</i> GROTESQUE AS AN INSTRUMENT OF SOCIAL FICTION IN V. PELEVIN'S «THE LIFE OF INSECTS» AND «OMON RA».....	54
<i>Brusilovskaya Ya.V.</i> THE LYRICAL SUBJECT IDENTIFICATION IN N. ROMANOVA’S POETRY (BASED ON THE DIPTYCH «ATROCITY» AND «CANNIBALISM»)	59
<i>Bytko S.S.</i> OLD BELIEVER EDUCATIONAL PRACTICES IN THE NOVEL BY P.I. MELNIKOV-PECHERSKY «N THE WOODS»	64
<i>Krasnova O.N.</i> SYNTACTIC MEANS OF REVEALING THE DEEP ARTISTIC AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE NARRATOR’S IMAGE IN «POOR LISA» BY N.M. KARAMZIN	69
<i>Maslova A.G.</i> THE INTERMEDIAL POETICS OF B. L. PASTERNAK’S NOVELLA «THE APelles TRAIT»	73
<i>Safron E.A.</i> SOME FEATURES OF HORROR LITERATURE POETICS (ON THE EXAMPLE OF THE STORYBOOK BY O. KOZHIN «THE MENAGERIE»)	79
<i>Sharapenkova N.G., Bakhlaeva M.A.</i> SCANDINAVIAN PAGAN RITUALS IN THE ODEN SCOTT’S NOVEL «TWILIGHT OF THE GODS»	82

LINGUISTICS

<i>Akbaeva F.B.</i> LINGUISTIC FEATURES OF THE ENGLISH MASS MEDIA TEXT ON HEALTHY NUTRITION (BASED ON CULINARY RECIPES).....	86
<i>Romanovskaya I.V.</i> THE PROCESS OF BORROWING FROM ENGLISH INTO SWEDISH: CAUSES AND CONSEQUENCES	91
<i>Sudakov G.V.</i> «WEAVING WORDS» AS A WAY TO CREATE TEXT (BASED ON THE MATERIAL OF «THE LIFE OF STEFAN PERMSKY»)	95
<i>Chervyakov A.A.</i> ON INTERNET MEME AS LINGUISTIC AND SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENON	100
<i>Cheremnykh Yu.A.</i> REALIZATION OF THE CONCEPT «DOG» IN RUSSIAN POETIC DISCOURSE.....	106

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

<i>Gromyko S.A.</i> DISSERTATION COUNCIL (Д 999.014.03) CONTINUES TO WORK: 2022 RESULTS	112
<i>Egorova L.V.</i> BOOK REVIEW: ZELEZINSKAYA N. S. WHERE THE WORD ON PAPER TURNS REAL: NEW MOTIFS OF ENGLISH-LANGUAGE YOUNG ADULT LITERATURE: MONOGRAPH. Minsk: Belarusian State University Publishing Center, 2022. 144 p.	115
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	119



В.А. Саблин

главный редактор научного журнала
«Вестник Вологодского государственного университета.
Серия: Исторические и филологические науки»,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики
Вологодского государственного университета

ВОЛОГОДЧИНА – ИСКОННАЯ ОПОРА РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ: ИСТОРИКО-ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС XV–XVII ВЕКОВ

Продолжим наше повествование по данной проблеме, начатое в 4 номере журнала «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» за 2022 год.

27 февраля 1425 года скончался московский князь Василий I, оставив великое княжение своему единственному сыну Василию (1415–1462). Неожиданно это повлекло за собой кровавую усобицу между членами великокняжеской семьи. Права на власть за Василием II не признал его родной дядя галичский князь Юрий Дмитриевич. После его смерти борьбу с двоюродным братом продолжают его сыновья Василий Косой и Дмитрий Шемяка.

Волею обстоятельств Вологодский край сыграл одну из ведущих ролей в затянувшейся династической войне.

В начале февраля 1446 года Шемяка захватил Москву и сел на московский престол, а плененного великого князя ослепили (отсюда его прозвище – Темный). Добившись от него клятвы не бороться больше за власть (*и укрепил Великого князя Василья Васильевича крестным целованием и проклятыми грамотами, и выпустил его из поиманья и з детми сентября в 15 день*), Шемяка выделил ему в удел Вологду, куда тот прибыл в 1447 году.

Вскоре он поехал на богомолье в Кирилловский монастырь. И там произошло событие, которое резко изменило ход политической истории страны. Так же как и в 1380 году, когда преподобный Сергей Радонежский своим духовным авторитетом укрепил Дмитрия Донского в вере в правоту общерусского дела, настоятель монастыря *изумен же Трифон и со всею братьею благослови Великого князя Василья Васильевича и его детей на великое княжение, а ркучи так: «Государь тот грех на мне буди и на моей братии и на главах наших, что еси целовал крест и крепость дал на себя князю Дмитрею Шемяке: поиде, Государь, з Богом и с своею правдою на свою вотчину на великое княжение на московское, а мы, государь, за тебя Бога молимся и за твоих детей и благословляем»*. Освободившись от крестного целования, Василий II вновь ввязался в борьбу и одержал в конце концов победу. Последним Вологодским князем был его младший (седьмой) сын Андрей Васильевич Меньшой (Молодой). В 1480 году князь Андрей со своими войсками оказал неоценимую поддержку своему старшему брату великому князю московскому Ивану III в противостоянии хану Большой

Орды Ахмату на реке Угре, закончившемся свержением монголо-татарского владычества на Руси. С его смертью в 1481 году Вологодский удел отошел к Москве.

Следующим шагом централизации государственного управления стала губная реформа, проведенная в 1530–1550-х годах. Самыми ранними памятниками правовой мысли этой эпохи, известными исторической науке, стали Белозерская и Каргопольская губные грамоты, выданные 23 октября 1539 года, губная грамота Вельского стана Важского уезда 1539/1540 года, губная грамота Слободскому городку на Вятке, выданная в феврале 1540 года, и уставная губная грамота в Устюжский уезд от 4 апреля 1540 года.

Основу реформы составляло то, что суд по важнейшим уголовным делам изымался из ведения княжеских наместников и передавался в руки губных органов, которые в условиях Европейского Севера формировались как из феодального сословия, так и представителей волостных и посадских миров. В частности, устюжанам предлагалось *учинить себе в тех волостях в головах детей боарских в волости человека три или четыре, которые б грамоте умели, и которые б пригоже, да с ними старост и десятицких лутчих людей крестьян человек пять или шесть, да промеж бы есте у себя, в станех и в волостех, лихих людей розбойников сами обыскивали по нашему крестному целованью в правду без хитрости*.

При Иване Грозном наиболее развитые в экономическом и политическом плане города Европейского Севера: Белоозеро, Вологда, Устюг вошли в состав опричных земель, превратившись в личные владения царя. Известна легенда о намерениях Ивана Грозного превратить Вологду в столицу своего государства.

В начале XVII века, во времена Смуты, когда нависла угроза существованию самого Русского государства, население Вологодского края внесло неоценимый вклад в дело освобождения страны от польско-шведских интервентов и восстановления нормальных основ политической жизни.

В ноябре 1608 года поднялись восстания против нового ставленника польской шляхты Лжедмитрия II («тушинского вора») в городах Верхнего Поволжья и Поморья. Восставшие тотмичи и вологжане арестовали тушинцев и поляков, произвели сбор ратных людей, разослали письма с призывом к борьбе в другие города, установили связь с правительством в Москве и М.В. Скопиным-Шуйским (1586–1610), ве-

дущим в Новгороде переговоры о поддержке со шведами. Вскоре им на помощь пришли устюжане.

В начале декабря 1608 года поднялось восстание на Белоозере. С победой его белозерцы высылают 400 ратных людей на помощь восставшей Устюжне Железопольской. Автор «Сказания о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую» отмечал, что во время третьего приступа к городу *бысть брань (битва) зла и преужасна... градстии людие многое и неизчетное множество врагов своих избиха... еще и знамя у них взяша... Они же от острога побегоша посрамлении.*

Восстание, поднявшееся в Верхнем Поволжье в ноябре – декабре 1608 года, было подавлено. Важнейшие города этого района – Галич, Кострома, Ярославль – вновь были захвачены тушинцами. Им на помощь пришло ополчение поморских городов Вологды, Тотьмы, Устюга, Сольвычегодска, Белоозера, Каргополя, Яренска, объединенное под началом воевод Никиты Вышеславцева, Овсея Рязанова и Федора Лаверьева. В апреле 1609 года повстанцы вошли в Ярославль.

В начале 1610 года под ударами войск М. Скопина-Шуйского, основную часть которых составляли ополчения поморских и верхневолжских уездов и городов, тушинцы были вынуждены оставить часть Замосковья, снять осаду Троице-Сергиева монастыря.

В 1612 году, когда народное ополчение, сформированное в Нижнем Новгороде, двинулось к Ярославлю, к нему постоянно примыкали ратники северных

уездов страны. Поморские города снабжали ополченцев деньгами и вооружением. Их представители вошли в состав «Совета вся Земли» и участвовали в освобождении Москвы от поляков.

В завершение следует подчеркнуть, что в XV–XVII веках Вологодский край был связан торговыми путями с основными экономическими центрами страны. Особое значение имел древний водно-волоковый путь из Белого озера в Поморье. Это обеспечило экономический и культурный расцвет края. Открытие в XVI веке морского пути в Европу через Холмогоры и Архангельск содействовало формированию Сухоно-Двинского речного транзитного пути, обслуживавшего заморскую торговлю. Города, лежащие на этом пути – Вологда, Тотьма, Великий Устюг – приобретают статус важнейших центров международных торговых связей России и вплоть до конца XVII века определяют вектор экономического развития страны.

Открытие и освоение русскими Сибири послужило дополнительным импульсом к экономическому расцвету края. Именно через его территорию пролегал долгое время единственный путь, соединявший европейскую и азиатскую части страны, по рекам Сухоне – Двине – верховьям Вычегды. От Москвы до Верхотурья путь пролегал через Вологду, Устюг, Кайгородок и Соль Камскую. От Верхотурья по Туре путь пролегал в Тоболу, в Тобольск, от Тобольска вниз по Иртышу, затем вверх по Оби и далее в необъятные просторы Сибири. Имена землепроходцев Сибири тесно связаны с Вологодчиной и Европейским Севером России...

УДК 94(47); 5.6.1. Отечественная история



Н.В. Белов

Санкт-Петербургский государственный университет

БЫЛА ЛИ ОПАЛА КНЯЗЯ С.И. МИКУЛИНСКОГО В 1554–1558 ГОДАХ? К ВОПРОСУ О СЛУЖЕБНОМ СТАТУСЕ ДВИНСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА И КАЗАНСКОГО ВОЕВОДСТВА В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

В статье анализируется финальный этап служилой биографии кн. С.И. Пункова Микулинского. Автор полагает, что часть этого периода князь Семен Микулинский провел в опале. Через год после боярского «мятежа» 1553 г. он был сослан на наместничество в Холмогоры («на Двину»). К весне 1557 г. князя простили и назначили «большим» воеводой Казани. Окончательная реабилитация Микулинского состоялась в конце 1558 г., когда он возглавил поход в Ливонию. Схожим образом протекала опала другого участника «мятежа» 1553 г., кн. П.М. Щенятева. По ходу статьи рассматривается вопрос о статусе Холмогор и Казани в городской иерархии Русского царства.

Двина, Холмогоры, Казань, наместники, воеводы, служилая аристократия, князья Микулинские, Иван IV Грозный.

Князь Семен Иванович Пунков Микулинский – один из наиболее удачливых воевод Московского царства времени правления царя Ивана IV Грозного. За свою четвертьвековую службу он успел повоевать на крымском, казанском и ливонском «театрах боевых действий». И всюду – насколько позволяют судить источники – одерживал громкие победы над неприятелем¹.

Начав службу в 1533 г. воеводой в Туле, князь завершил боевой путь в одном из ливонских походов. От полученной на поле боя тяжелой раны 12 августа 1559 г. полководец испустил дух на пятидесятом году жизни.

1. Нерешенный спор: опала или пожалование?

В 26-летней служилой биографии князя Микулинского есть неясный эпизод, трактовка которого вызывает споры среди исследователей.

Первая половина 1550-х гг. – звездный час в «карьерере» Семена Ивановича. Он – наравне с князьями А.Б. Горбатым Суздальским и М.И. Воротынским – становится известен как один из героев «Казанского взятия». Полтора года спустя – как усмиритель татарско-черемисского восстания в Казанском крае. Наконец, в 1554 г. в жизни князя Микулинского происходит перелом. Его «разряжают» наместником «на Двину» (в Холмогоры), а позднее – первым («большим») воеводой в Казань. Вновь на полковой службе он появляется только с началом Ливонской войны, в декабре 1558 г.

В исторической литературе период жизни Семена Микулинского с 1554 по 1558 гг. оценивается с диаметрально противоположных позиций.

Д.М. Володихин предположил, что «блистательная карьера князя Микулинского прервалась по политическим причинам». Историк отметил, что летом 1554 г. пойманный при попытке бегства в Литву кн. С.В. Лобанов Ростовский назвал имя Микулинского в числе лиц, склонявшихся к присяге удельному князю Владимиру Старицкому во время боярского «мятежа» марта 1553 г. С этого времени Семен Микулинский был заподозрен в неблагонадежности и на четыре года лишен возможности занимать государственные и военные посты [13, с. 153–154]².

М.А. Зинько обратила внимание, что в эти годы князь Семен служил двинским наместником, причем повторно: впервые он побывал в Холмогорах несколько месяцев в 1552/53 г., сразу после триумфального взятия Казани. Исследовательница видит в назначении князя на Двину добрую волю Ивана IV: «отправление царем <...> на северную, стратегически важную границу государства одного из своих лучших воевод, знакомого с регионом, в годы появления там английских купцов представляется закономерным решением». Указала Зинько и на последующую воеводскую службу Микулинского в Казани, что также скорее «говорит о высокой степени доверия к нему со стороны государя». Наблюдения Д.М. Володихина М.А. Зинько сочла ошибочными: по ее словам, «ложные показания» кн. С.В. Ростовского «не повлияли на дальнейшую карьеру» кн. С.И. Микулинского [19, с. 76–77].

¹ Наиболее подробные биографические очерки о кн. С.И. Микулинском созданы Д.М. Володихиным [13, с. 123–156; 14, с. 236–269] и М.А. Зинько [19].

² Аналогично в переизданиях 2014 и 2016 гг.

В новейшем издании очерка о князе Микулинском Д.М. Володихин парировал упрек М.А. Зинько, заключив, что длительные «сидения» Семена Ивановича на Двине и в Казани – в городах, чрезвычайно удаленных от Москвы – все же свидетельствуют в пользу опалы служилого аристократа. «К важнейшим государственным и военным делам, – заключает историк, – его больше не допускали» [14, с. 265].

Ранее об опале кн. С.И. Микулинского в связи с его отправкой на Двину писали Н.Е. Носов [32, с. 352] и С.Н. Попов [45, с. 74–75]. Другие авторы оставили без внимания пятилетний «люфт» между активными полковыми службами воеводы [8, с. 146; 12, с. 265].

Полемика между Д.М. Володихиным и М.А. Зинько, важная для понимания внутривосточных процессов середины 1550-х гг., зашла в методологический тупик. Участники спора произвольно, без каких-либо конкретных аргументов, признают Двину (Холмогоры) и Казань то местами политической ссылки, то, напротив, «стратегически важными» пунктами.

II. Предполагаемая опала: исходные данные

Вопрос о том, соответствовал ли статус двинского наместничества и казанского воеводства уровню прежних служебных назначений князя Микулинского, историками не ставится³. Между тем представляется, что решение этой проблемы может стать ключом к интересующей нас «загадке Семена Микулинского»⁴.

Прежде чем перейти к рассмотрению данного вопроса, скажем пару слов о времени службы кн. С.И. Микулинского в означенных городах.

Срок пребывания Микулинского в Холмогорах установлен Н.Е. Носовым: князь вступил в свои права после июля 1554 г. и оставался наместником до сентября 1556 г. [32, с. 352]. Нижнюю границу можно уточнить: в Холмогорской летописи Микулинский назван наместником зимой 1554/55 г. [44, с. 138]. Скорее всего, он прибыл в Холмогоры осенью 1554 г.: до 1 сентября с двинских волостей были собраны деньги «на дворную поделку наместнича двора» [53, с. 42] – описанная реконструкция, очевидно, затевалась в ожидании приезда на Двину нового наместника [32, с. 354].

С Казанью дело обстоит труднее. В официальном «Государевом разряде» из-за текстовых лакун Микулинский воеводой не показан. В частных же разрядных книгах время его воеводства привязано к разным датам⁵. Отбросив дублетные записи⁶, обнаруживаем,

что во всех разрядах кн. С.И. Микулинский отмечен казанским воеводой под 7066 г. (1 сентября 1557 г. – 31 августа 1558 г.) [50, с. 16; 51, с. 78]. По традиции перемена воевод в Казани происходила в весенние месяцы, чаще всего в апреле или мае⁷. Остается узнать, началось или же завершилось в 7066 (1557/58) г. «годование» в городе князя Семена Микулинского. В Пространной разрядной книге «смена» кн. С.И. Микулинского помещена после январского, а его преемника кн. А.И. Воротынского – после мартовского разрядов 1558 г. [50, с. 16]. Третий воевода в «смене» Микулинского, окольный С.В. Шереметев, умер во время службы в Казани (Там же, с. 16–17). Известно, что это произошло 8 октября 1557 г. [19, с. 77]. Предшественник Микулинского на посту первого казанского воеводы, кн. П.И. Шуйский, «годовал» в 7065 (1556/57) г. [50, с. 6]. В мае 1556 г. он остался служить в Казани [48, с. 159], а к июлю 1557 г. достоверно покинул город (Там же, с. 162). Исходя из этих хронологических выкладок, Семен Микулинский должен был заступить на воеводскую службу весной 1557 г. и оставить свой пост до весны 1558 г.

Итак, кн. С.И. Микулинский скорее всего не возвращался в Москву с осени 1554 г., когда началось его двинское наместничество, и вплоть до середины 1558 г., когда завершилось его пребывание на воеводстве в Казани.

Каких служебных высот достиг к этому времени Семен Микулинский?

В полевой армии князь неоднократно занимал должности первого воеводы Большого полка и других «титовых» полков. Во время осады Казани в 1552 г. он возглавлял Левую руку, уступая воеводское первенство лишь четырем аристократам: князьям И.Ф. Мстиславскому, П.М. Щенятеву, И.И. Пронскому и В.С. Серебряному Оболенскому; примерно равный с ним статус имел кн. М.И. Воротынский (Там же, с. 137).

В списке бояр Тысячной книги 1550 г. имя Семени Микулинского стоит на шестой позиции из двенадцати: впереди него записаны князья Д.Ф. Бельский, И.Ф. Мстиславский, П.М. Щенятев, Д.Ф. Палецкий, А.Б. Горбатый [60, с. 54].

Его служебная страта – первый десяток бояр и воевод. Политическая и военная элита страны.

Кто же занимал посты двинских наместников и «больших» казанских воевод до и после кн. С.И. Микулинского?

III. «Почетная ссылка»: Двина, 1554–1556

Вот списочный состав известных по источникам наместников «на Двине», от рождения Ивана IV до середины 1550-х гг., когда эта должность была упразднена⁸:

и В.В. Головина осенью 1579 г. [51, с. 300]. Случаи отмечены М.А. Зинько [19, с. 77].

⁷ Соответствующие наблюдения изложены в моей статье «Князь Петр Михайлович Щенятев – воевода Свяжска (1559–1560). К вопросу о служебном статусе Свяжской крепости в третьей четверти XVI века», принятой к публикации в 24-м выпуске ежегодного альманаха «Историческое обозрение».

⁸ Персональный состав двинских наместников установлен Н.Е. Носовым [32, с. 327–366], А.А. Зиминым [16, с. 274] и Т.И. Пашковой [36, с. 137–138]. Приведенный ниже список лишь уточняет отдельные датировки и ссылки на источники.

³ Проблема местничества отдельных городовых воеводских назначений XVI в. рассмотрена в новейших работах Ю.М. Эскина [62, с. 263], А.А. Богомазовой и Д.М. Володихина [9], К.Э. Аксаяна [2], Н.В. Белова [6].

⁴ Результативность сравнительного подхода при изучении служебных назначений русской знати конца XV – начала XVII вв. продемонстрирована в новейших исследованиях Н.А. Подчасова [40], К.Э. Аксаяна [3], Н.В. Белова [7].

⁵ В связи с этим в исследовательской литературе существует разногласие. В.Д. Корсакова отнесла службу Микулинского в Казани к 1558 г. [24, с. 2], И.П. Ермолаев – к 1-й половине 1557 г. [15, с. 29], М.А. Зинько – к зиме 1557/58 г. [19, с. 77], Д.М. Володихин – к 1557/58 г. [14, с. 265].

⁶ В РК 1550–1636 г. дублет под 7068 г. [51, с. 101–102]. Эта же ошибочная дата фигурирует в местническом «деле» Р.Д. Бутурлина

кн. П.Ф. Охлябинин (VI.1530; 1531/32; X.1547; весна 1548) [52, стб. 20; 49, с. 232; 20, с. 402–403]⁹;
 И.А. Чеботов (VIII.1530) [54, стб. 221];
 В.Д. Шеин (1531/32) [49, с. 232];
 кн. И.В. Токмак Ноздреватый (VIII.1532) [54, стб. 205];
 кн. И.М. Шуйский (1533/34; XII.1535) [44, с. 136, 149, 167; 57, стб. 69];
 И.Д. Шеин (XII.1535) [57, стб. 69];
 В.М. Воронцов (1542/43) [44, с. 149, 167]¹⁰;
 И.В. Полев (1542/43) [44, с. 149, 167];
 Г.В. Морозов (V.1547; X.1547) [20, с. 401, 402–403];
 кн. Д.М. Жижемский (VIII.1547) [57, стб. 118]¹¹;
 кн. И.М. Курбский (1548/49) [44, с. 137, 149, 168];
 кн. Ю.И. Деев (XII.1548) [53, стб. 24]¹²;
 кн. С.И. Пунков Микулинский (зима 1554/55) [44, с. 138].

Из 12-ти предшественников Семена Микулинского ни один не имел боярского чина и ни разу не возглавлял «титulyные» полки, тем более – самостоятельные полевые соединения. Каков был карьерный «потолок» этой группы служивцев на момент их отправки на Двину? По «лестнице придворных чинов» выше прочих стоял Григорий Морозов, обладатель думного чина окольничего. В военной иерархии наиболее почетное место занимал князь Петр Охлябинин, несколько раз дослужившийся до ранга второго полкового воеводы. Прочие же на подобные высоты не претендовали. Это по большей части дети боярские или измелъчавшие князья – как, например, Иван Курбский и Юрий Деев, в 1550-е гг. записанные в тысячники 2-й статьи. Их положение в армейской структуре – должность полкового головы либо, в случае с князем Дмитрием Жижемским, второстепенного городского воеводы. Исключение в этом ряду составляет князь Иван Шуйский по прозвищу Плетень. Блестящий аристократ, боярин, воевода очень высокого порядка, близкий к особе царя. Таковым Иван Плетень стал в 1550-е гг. – по праву рождения [1, с. 72–73]. Его же наместничество в Холмогорах – одно из первых назначений молодого неопытного вельможи¹³. Более того: по предположению Х. Рюсса [63, с. 409], поддержанному М.М. Кромом [25, с. 139] и К.Э. Аксаныном [3, с. 53], князь Иван Михайлович получил этот пост в связи с опалой старшего брата Андрея Честокола, обвиненного в попытке «отъезда» к удельному князю Юрию Ивановичу Дмитровскому.

Получается, что князь Семен Микулинский не просто превосходил всех прежних двинских наместников по служилому статусу, но – превосходил многократно. Едва ли кто-то из них в момент своей службы на Двине мог даже помыслить о тех назначениях и политическом весе, которыми обладал Микулинский.

Все они – либо третьестепенные члены Государева двора, представители среднего командного состава, либо, как князь Иван Шуйский и отчасти Григорий Морозов, молодые и не поднаторевшие в административной и военной деятельности аристократы. Находившийся в зените славы и на пике своей служебной активности, Микулинский явно не приходился им ровней.

Двухлетнее пребывание кн. С.И. Микулинского в Холмогорах трудно расценивать иначе как опалу. Тем более в контексте летописного известия об упоминании имени Семена Ивановича арестованным князем Ростовским¹⁴. Между показаниями Ростовского и вероятной отправкой Микулинского в Холмогоры менее двух месяцев – совсем небольшой срок.

Говоря о двинской «посылке» Семена Микулинского, М.А. Зинько подчеркнула, что князь уже служил в далеком северном крае сразу после победоносного Казанского взятия, в 1552/53 г. Исследовательница опирается на известия поздних двинских летописей. Аргументы Н.Е. Носова о невозможности этой службы Микулинского и, соответственно, ошибке летописца, Зинько отвергает как «в целом неубедительные» [19, с. 77]¹⁵. Зинько полемизирует с отдельными доказательствами Носова, фактически игнорируя комплексные наблюдения историка. Главный довод Н.Е. Носова состоит в следующем. В начале 1552 г. в Двинской земле была осуществлена земская реформа, сопровождавшаяся отменой института наместничества, – это хорошо видно из активной документации последующих лет. Наместничество было восстановлено лишь с прибытием в 1554 г. на Двину князя Семена Микулинского [32, с. 350–354; 33, с. 70–73].

Прибавим к этому соображения иного рода. 2 октября 1552 г. Микулинский участвовал в штурме Казани, во время которого был «уязвлен <...> ранами многими, но не смертными» [43, стб. 155]. Царь Иван IV вернулся в Москву 29 октября [41, с. 314] – едва ли раньше из Казанского похода мог возвратиться князь Микулинский. Уже 2 июня 1553 г. Семен Микулинский стоит с войсками в Серпухове, на южной границе страны [48, с. 141]. Если верить путаному летописному сообщению, Семен Иванович должен был наместничать в Холмогорах где-то в промежутке с ноября по май. За вычетом времени на дорогу до Двины и обратно выходит – считанные месяцы. Это сильно непохоже на традиционное наместничье «годование». Кроме того, князь должны были еще успеть «разрядить» воеводой на южные рубежи, следовательно, он появился в Москве задолго до начала июня. То есть максимально возможный срок гипотетического наместничества Микулинского на Двине сокращается еще более.

Присмотримся, наконец, к источнику, на который в данном случае опирается М.А. Зинько. Известие о пребывании кн. С.И. Микулинского в Холмогорах в 1552/53 г. отразилось в ряде памятников севернорусского летописания. Из несохранившейся Двинской

⁹ В двух последних случаях упомянуто только имя, атрибуция предложена Т.И. Пашковой.

¹⁰ Без даты в Житии Антония Сийского [55, с. 282].

¹¹ Без даты в Житии Антония Сийского [55, с. 281].

¹² В работах Н.Е. Носова и Т.И. Пашковой ошибочно: декабрь 1549 г.

¹³ Кн. И.М. Шуйский в 1531–1532 гг. возглавлял отряды на крымской «украине» – у «Сенькина перевоза» и на р. Угре [48, с. 76, 77, 81].

¹⁴ О «деле» кн. С.В. Ростовского и его показаниях см., напр. [58].

¹⁵ Об этом первом «сидении» Микулинского на Двине теперь, вслед за М.А. Зинько, пишет и Д.М. Володихин [14, с. 263, 265].

летописи (либо связанной с ней местной хроники) оно перешло в поздние сочинения XVII в.¹⁶: Летописец Иова Иванова [64, р. 18], Краткий летописец Двинских воевод [44, с. 145] (оба – 1650–1660-х гг.) и Двинской летописец [44, с. 149, 168] (1670-е гг.). Конец этой летописной статьи, как верно заметил Н.Е. Носов, говорит об установлении на Двине земского самоуправления [31, с. 154–155; 32, с. 355–358; 33, с. 72; 34, с. 71–72]. Если летописное сообщение верно, получается, что, едва освободив двинян от власти наместников в начале 1552 г., Иван IV в том же году вновь вводит наместничье управление с тем, чтобы еще через несколько месяцев опять его отменить и снова ввести к осени 1554 г.! Подобная административная чехарда кажется маловероятной. Скорее всего, под пером северного летописца объединились два одновременных события: первое дарование двинянам местного самоуправления в 1552 г. и окончательная реализация на Двине земской реформы, свершившаяся в 1556 г. после отъезда князя Микулинского.

Таким образом, у нас нет серьезных оснований считать, что в 1552/53 г. Семен Микулинский пребывал на посту двинского наместника¹⁷. Впервые он оказался в Холмогорах осенью 1554 г., причем для этого по царскому приказу на Двине было временно восстановлено наместничье управление. Несоответствие высокого статуса Микулинского сравнительно низкому служебному рангу других двинских наместников вкуче с известием о его «выдаче» царю князем Семеном Ростовским подсказывает, что он был сослан в Двинскую землю в результате политической опалы.

IV. «Политический карантин»: Казань, 1557–1558

После возвращения с Двины кн. С.И. Микулинский получает пост первого («большого») воеводы Казани – фактического главы новоприсоединенного Казанского края.

Для того чтобы ответить на вопрос, продолжал ли Семен Микулинский находиться под тяжестью царской немилости, рассмотрим социальный состав «больших» казанских воевод в 1552–1565 гг.: от взятия Казани до учреждения опричнины и превращения территории Среднего Поволжья в место ссылки неугодных царю аристократов.

Список воевод Казани надежно задокументирован разрядными книгами и актовым материалом. Наиболее полный его вариант реконструировал И.П. Ермолаев [15, с. 28–30].

¹⁶ Текстология двинских летописей рассмотрена в работе Я.С. Лурье [26, с. 145–146].

¹⁷ В диссертационном исследовании М.А. Зинько содержится еще один аргумент в пользу службы кн. С.И. Микулинского на Двине в 1552/53 г. Зинько пишет, что «князь Семен Иванович не присягал царевичу Дмитрию Ивановичу во время болезни царя Ивана IV Васильевича в марте 1553 г., поскольку наместничал в г. Холмогоры» [18, с. 146]. Однако князь Семен Ростовский прямо называл Микулинского участником мартовского «мятежа» в Думе. Несмотря на то что князь Ростовский, кажется, славился скромными умственными способностями [58], перепутать местонахождение Микулинского в марте 1553 г. было едва ли возможно. Тем более трудно обвинить в «скудости разума» царя Ивана IV, являвшегося инициатором внесения в Синодальный том Лицевого свода приписки о поимке и допросе Семена Ростовского и не сомневавшегося в причастности Микулинского к боярскому «мятежу».

В рассматриваемый период «большими» казанскими воеводами являлись¹⁸:

кн. А.Б. Горбатый Суздальский – боярин, в ТК 5-й, в ДТ 12-й;

кн. Ю.М. Голицын Булгаков – боярин, в ДТ 9-й;

кн. М.В. Глинский – боярин, в ТК 8-й; в ДТ 21-й;

кн. П.И. Шуйский – боярин, в ТК 7-й, в ДТ 13-й;

кн. С.И. Пунков Микулинский – боярин, в ТК 6-й, в ДТ 23-й;

кн. А.И. Воротынский – боярин, в ДТ 60-й;

кн. Ю.И. Темкин Ростовский – боярин, в ДТ 15-й;

кн. И.А. Куракин Булгаков – боярин, в ДТ 18-й.

Как видим, все они – бояре (причем зачастую первостепенные), на регулярной основе занимавшие высшие места в административной и военной сферах. Некоторые из них не только равны по «чести» Семену Микулинскому, но и превосходят его, как, например, князь Александр Горбатый [12, с. 269–271].

Усматривать в этом назначении кн. С.И. Микулинского признаки продолжавшейся опалы едва ли возможно. В доопричный период Казань – один из наиболее статусных городов Русского царства, администраторы которого стояли вровень с наместниками Великого Новгорода и других крупнейших центров страны [2, с. 5; 14, с. 145]. Период казанской службы князя Семена Ивановича – еще не амнистия. Скорее – «политический карантин». Микулинского уже простили, но до поры до времени решили придержать подальше от Москвы и полевой армии.

V. Амнистия и гибель: от Ливонии до Оки, 1558–1559

Пребывание Семена Микулинского в Казани длилось около года. Скорее всего, он вернулся в столицу весной 1558 г., когда должна была произойти перемена на казанских воевод.

В декабре этого года после пятилетнего перерыва князь Микулинский вновь оказывается на полковой службе. На северо-западной границе Русского царства началась война с Ливонским орденом, и военный талант Микулинского опять стал востребован. Семен Иванович встает во главе пятиполковой рати и совершает фантастически успешный поход в ливонские земли [48, с. 175]¹⁹. Увы, последний в своей жизни. В одной из схваток князь получил серьезное ранение шеи, от которого и скончался несколько месяцев спустя.

Блистательного полководца не стало 12 августа 1559 г. в возрасте 49-ти лет²⁰.

¹⁸ В приведенном ниже перечне указывается место аристократа в боярских списках Тысячной книги (ТК) и Дворовой тетради (ДТ), по изданию [60, с. 54, 111–113].

¹⁹ Наиболее подробно события этого похода рассмотрел В.В. Пенской [38, с. 90–100].

²⁰ По словам автора Казанской истории, кн. С.И. Микулинский «мужественно воевал на ливонских немцы, и смертную язву отгуду на вые своей принесе, и скончался на Москве, в пятидесятое лето века своего» [43, стб. 137]. Ливонский поход князя Семена завершился 17 февраля 1559 г. [47, с. 238]. В Москву он вернулся не ранее марта [42, с. 317]. Весной, сразу по приезде в столицу, Микулинский был назначен первым дворцовым воеводой на крымский рубеж [48, с. 182]. Умер князь Семен Иванович 12 августа того же года, почти через шесть месяцев после возвращения из похода на Ливонию [39, с. 145], что отмечено М.А. Зинько [19, с. 73]. На эту дату в Кирилловом монастыре по душе князя установлен корм [56, с. 85; 23, с. 131, 321, 337].

Обстоятельства кончины Семена Микулинского стоит прояснить. Весной 1559 г. он еще на военной службе – возглавляет царский Двор на Оке, в ожидании возможного столкновения с крымскими татарами [48, с. 182]²¹. Очевидно, полученная в боях с ливонцами рана привела к серьезным осложнениям. Где-то в летние месяцы, незадолго до своей смерти, князь Семен решил на иноческий постриг²². Синодик Троице-Сергиева монастыря на исходе 7067 (1559) г. отмечает преставление «князя инока Сергия» с киноварной пометой: «князь Семен Иванович Микулинской» [30, л. 81 об.].²³ Аналогичные указания встречаются в синодиках, вкладных и кормовых книгах других монастырей [56, с. 85; 23, с. 131, 145, 321, 337; 59, с. 53; 4, л. 26]; иноческое имя князя высечено и на его каменном надгробии [39, с. 145]. Князь Семен шел по стопам своего старшего брата Дмитрия, смертельно раненого при штурме Казани 2 октября 1552 г. и принявшего, вероятно, на смертном одре, постриг с именем Дионисий [10, с. 175; 30, л. 209 об.; 35, л. 53]. Где именно Семен Микулинский надел на себя иноческий клобук – неясно. Однако же огромный земельный вклад его вдовы, княгини Евдокии, в Троице-Сергиев монастырь «по приказу мужа своего»²⁴, а также упоминание в троицкой вкладной книге духовной грамоты князя [11, с. 83] дают основание полагать, что свои дни он завершил в подмосковной обители Св. Троицы. Тело Семена Ивановича было погребено в белокаменном Архангельском храме Микулина, сердце его родовой вотчины [39, с. 145].

VI. Еще раз об опале: свидетельства боярских списков

Оглянемся еще раз на финал жизни кн. С.И. Микулинского. Кажется, что он был прощен Иваном IV сполна и вполне искренне. Во всяком случае, позднее, в эпоху Особого двора (а именно в 1574 г.), царь вспоминал полководца добрым словом. Он ценил его воеводское умение очень высоко [46, с. 194]. На похоронах князя Иван IV проводил гроб усопшего «с плачем и слезами» [43, стб. 137]²⁵.

²¹ Об этом разряде см. у В.В. Пенского [37, с. 89–91].

²² Этот факт не отмечен биографами князя: В.А. Волковым, Д.М. Володихиным и М.А. Зинько. Между тем он хорошо известен исследователям синодиков и других церковных поминальных книг. Писал о нем и С.Н. Попов, правда, со ссылкой не на источники, а на краеведческое сочинение середины XIX в., т.н. «Микулинскую летопись» [45, с. 75].

²³ То же в родовых «памятях» князей Микулинских других троицких помятников: синодика 1630-х гг. [29, л. 63], синодика 1660 г. [28, л. 66] и др.

²⁴ См. копию вкладной грамоты [27, л. 270 об.–271 об.] и запись во вкладной книге [11, с. 83]. О земельных владениях князя см. [61, с. 126, 136, 216; 17]. Земельный вклад княгини Евдокии «по муже своем князе Семене и по его родителех, и по себе» датирован 1566/67 г. Связано ли его совершение с царской политикой опричнины – неясно. Скорее возможен другой вариант: в недатированной части древнейшего Троицкого синодика имя Евдокии Микулинской записано вскоре после имени другой Евдокии, жены боярина И.В. Большого Шереметева, умершей где-то на исходе 1567 г. [30, л. 113 об., 114; 11, с. 78]. А значит, Евдокия Микулинская могла дать вклад в предчувствии своей скорой кончины – за считанные месяцы до ее наступления.

²⁵ Эти «свидетельства об уважительном отношении к князю царя Ивана IV», по М.А. Зинько, лишь подчеркивают, что кн. С.И. Микулинский не подвергся опале и был доверенным лицом монарха [19, с. 77–78]. Однако считать так – значило бы сильно упрощать

Так, быть может, опалы 1554 г., приведшей Микулинского на двинское наместничество, и не было вовсе?

К счастью, у нас есть и другие свидетельства царской немилости, помимо озвученных выше «социологических» выкладок. И свидетельства эти не менее красноречивы.

Сравним положение Семена Микулинского в боярских списках Тысячной книги и Дворовой тетради. Первый из этих документов появился на свет в 1550 г., то есть за три-четыре года до предполагаемой опалы князя [22, с. 50]. В нем Микулинский занимает шестое место из 18-ти [60, с. 54]. Перечень бояр Дворовой тетради гораздо более обширен и включает имена 66-ти аристократов. Отчасти это связано с длительным периодом использования этого учетного документа, отчасти – с расширением состава Думы в 50-е гг. XVI столетия [21, с. 12, 22]. Интересующий нас фрагмент Дворовой тетради был составлен приблизительно между июлем 1553 г. – августом 1554 г., когда князя Микулинского постигла царская немилость²⁶. В списке бояр Дворовой тетради Семен Иванович указан 23-м [60, с. 112].

За считанные годы Микулинского обошли в «честь» многие из тех вельмож, что были прежде записаны на более низких позициях. Это – практически все стоявшие после князя Семена бояре: кн. В.М. Глинский, кн. И.И. Пронский, И.С. Воронцов, Г.В. Морозов, В.М. Юрьев. В боярской иерархии Семен Микулинский опустился на тот уровень, который в Тысячной книге 1550 г. соответствовал 13–14-му местам, чуть выше И.В. Меньшого Шереметева, И.П. Федорова и Д.Р. Юрьева.

Формальное понижение придворного статуса кн. С.И. Микулинского в 1-й половине 1550-х гг. очевидно. К сожалению, невозможно оценить реальный уровень его воеводских назначений после снятия государственной опалы, поскольку князь скончался в скором времени после возвращения на службу.

VII. Ссылки 1553/54 г.: от частного случая к политической модели

Подведем итоги наших разысканий. Князь Семен Иванович Микулинский, один из первейших бояр и воевод Российского государства, в результате следствия по «делу» князя Семена Ростовского летом 1554 г. был заподозрен в связях с удельным князем Владимиром Старицким. Очевидно, осенью этого года Микулинского отправляют на Двину, в Холмогоры. Анализ социального состава двинских наместников 1-й половины XVI в. показывает, что это назначение являлось для Семена Микулинского в местническом отношении, несомненно, ущербным. На Двине князь пробыл до сентября 1556 г. Весной

отношения Ивана Грозного с русской знатью. Нам известен пример главы Думы, кн. И.Д. Бельского, схваченного при попытке бегства в Литву, проведшего некоторое время в опале и впоследствии полностью вернувшего себе кредит доверия и уважение со стороны царя [5, с. 48–52].

²⁶ Датировка документа предложена А.Л. Корзининым. По наблюдению историка, ядро боярского списка Дворовой тетради фиксировало имена думных людей в порядке их местнического старшинства [21, с. 20, 22].

следующего 1557 г. Микулинский становится первым («большим») воеводой Казани. Этот пост всецело соответствовал прежнему уровню служебных назначений Семена Ивановича, а потому представляется, что к этому времени князь был прощен, хотя еще и не до конца – на протяжении года он по-прежнему оставался вдали от Москвы и полевой армии²⁷. Окончательная реабилитация Микулинского происходит в конце 1558 г., когда его назначают первым воеводой Большого полка в Ливонии. В этой экспедиции он получает смертельную рану и умирает 12 августа 1559 г. Последствия временного падения Семена Микулинского видны из сопоставления боярских списков Тысячной книги 1550 г. и Дворовой тетради 1553/54 г. – в результате опалы князя обошли «в чести» по меньшей мере пятеро думских бояр.

Судьба кн. С.И. Микулинского напоминает аналогичный случай из жизни другого высокородного аристократа, кн. П.М. Щенятева. Последний также был уличен Иваном IV в политической неблагонадежности во время мартовского «мятежа» 1553 г. Произошло это незадолго до попытки бегства в Литву кн. С.В. Ростовского. До июня 1554 г. Петр Щенятев был сослан на наместничество в Устюг. К осени 1555 г. Щенятева простили и назначили первым воеводой Большого полка в поход против шведов, хотя какое-то время он и занимал в военной иерархии менее почетные места, чем до устюжской ссылки [6, с. 23–24].

Из этого можно сделать вывод, что опалы обоих вельмож, произошедшие в одно время, по одной причине и имевшие сходные итоги, протекали по единому сценарию, авторами которого были царь Иван IV и его ближайшее окружение.

Литература

1. Аксанын, К. Э. К вопросу о словах Ивана IV относительно периода «Боярского правления»: противоречие между заявлениями царя и карьерой князя И. М. Шуйского / К. Э. Аксанын // Историческое обозрение. – Москва : НП «Историко-просветительское общество “Радетель”» ; Издательство Национального института бизнеса, 2018. – Вып. 19. – С. 70–73.
2. Аксанын, К. Э. К вопросу о статусе городских воеводских назначений в конце XV – начале XVII в. (по разрядным записям назначений в Великие Луки) / К. Э. Аксанын // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2020. – № 4. – С. 3–16.
3. Аксанын, К. Э. Военно-служилая деятельность князей Шуйских в зеркале разрядных источников (1560-е – 1610 г.) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Аксанын К. Э. – Москва : [б. и.], 2021. – 283 с.
4. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Колл. 2. – Оп. 1. – № 125. – Вкладная книга Соловецкого монастыря 1601 г.
5. Белов, Н. В. О новейшей гипотезе происхождения Галактиона Вологодского / Н. В. Белов // Вестник «Альянс-

Архео». – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2018. – Вып. 26. – С. 47–55.

6. Белов, Н. В. Князя Щенятевы – наместники Великого Устюга XVI века. К вопросу о статусе устюжского наместничества в правление Василия III и Ивана IV / Н. В. Белов // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2020. – № 4 (19). – С. 21–26.

7. Белов, Н. В. Еще раз о Федоре Юрьевиче Щуке Кутузове, воеводе Василия III / Н. В. Белов // Novogardia. – 2021. – № 1 (9). – С. 116–146.

8. Богданов, А. П. Опальные воеводы / А. П. Богданов. – Москва : Вече, 2008. – 352 с.

9. Богомазова, А. А. К вопросу о роли Соловков как военного форпоста России в XVI веке. Первые соловецкие военачальники – оценка их статуса в исследовательской литературе / А. А. Богомазова, Д. М. Володихин // Историческое обозрение. – Москва : НП «Историко-просветительское общество “Радетель”» ; Издательство Национального института бизнеса, 2018. – Вып. 19. – С. 74–80.

10. Бычкова, М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование / М. Е. Бычкова. – Москва : Наука, 1986. – 220 с.

11. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Издание подготовили Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. – Москва : Наука, 1987. – 440 с.

12. Волков, В. А. Войско грозного царя : в 2 томах / В. А. Волков. – Москва : Прометей, 2016. – Т. 1. – 322 с.

13. Володихин, Д. М. Воеводы Ивана Грозного / Д. М. Володихин. – Москва : Вече, 2009. – 320 с.

14. Володихин, Д. М. Полководцы Московского царства / Д. М. Володихин. – Москва : Молодая гвардия, 2020. – 343 с.

15. Ермолаев, И. П. Государственное управление Средним Поволжьем во второй половине XVI–XVII вв. : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Ермолаев И. П. – Казань : [б. и.], 1982. – Приложение I: Список воевод и дьяков городов, подведомственных Приказу Казанского дворца (Поволжско-Приуральский регион). – С. 3–150.

16. Зимин, А. А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. / А. А. Зимин // Исторические записки. – Москва : Наука, 1974. – Т. 94. – С. 271–301.

17. Зинько, М. А. Вотчина князя Семена Ивановича Микулинского: опыт изучения / М. А. Зинько // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции, 17–19 ноября 2011 г. – Москва : Московский государственный университет, 2011. – С. 59–63.

18. Зинько, М. А. Крупная княжеская вотчина и ее окружение в конце XV – середине XVI вв. (на примере рода князей Микулинских) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Зинько М. А. – Москва : [б. и.], 2012. – 500 с.

19. Зинько, М. А. «Не человек, но аггел Божий»: опыт изучения биографии князя Семена Ивановича Микулинского / М. А. Зинько // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2012. – № 1 (47). – С. 73–78.

20. Копанев, А. И. Куростровские столбцы XVI в. / А. И. Копанев // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. – Вологда : [б. и.], 1970. – Вып. 1: Труды Вологодской научной конференции по историографии и источниковедению. Декабрь 1969. – С. 398–431.

21. Корзинин, А. Л. К вопросу о датировке Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. Часть 1 / А. Л. Корзинин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия. 2: История. – 2009. – Вып. 1. – С. 12–29.

²⁷ Таким образом, мне трудно согласиться как с М.А. Зинько, отрицающей опалу Микулинского, так и с Д.М. Володихиным, полагающим, что казанское воеводство стало для князя Семена прямым продолжением царской опалы. В то же время вывод С.Н. Попова и Д.М. Володихина о посылке Микулинского на Двину в результате царской немилости, на мой взгляд, находит подтверждение в источниках.

22. Корзинин, А. Л. Служилые люди Русского государства по данным Тысячной книги 1550 г. / А. Л. Корзинин // Клио. – 2014. – № 3 (87). – С. 50–55.
23. Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное Предисловие, Книга Кормовая, Синодик Кормовой / подготовка текстов и исследование Т. И. Шабловой. – Санкт-Петербург : Реноме, 2012. – 404 с.
24. Корсакова, В. Д. Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии с 1553 г. до образования Казанской губернии в 1708 г., а также губернаторов, наместников, генерал-губернаторов и военных губернаторов, управлявших Казанской губернией с 1708 года по 1908 г. включительно / В. Д. Корсакова. – Казань : Типо-литография Императорского университета, 1908. – 54 с.
25. Кром, М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века / М. М. Кром. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 888 с.
26. Лурье, Я. С. Холмогорская летопись / Я. С. Лурье // Труды Отдела древнерусской литературы. – Москва ; Ленинград : Наука, 1970. – Т. 25. – С. 135–149.
27. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 303/Л. Грамоты, копияные книги Троице-Сергиевой Лавры. Кн. 532. Копийная книга 1641 г.
28. НИОР РГБ. Ф. 304/Л. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры. № 814. Троицкий синодик 1660 г.
29. НИОР РГБ. Ф. 304/Л. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры. № 818. Троицкий синодик 1630-х гг.
30. НИОР РГБ. Ф. 304/Ш. Собрание ризницы Троице-Сергиевой Лавры. № 25. Троицкий синодик 1575 г.
31. Носов, Н. Е. Земская реформа на русском Севере XVI в. (Об отмене кормлений и введении земских учреждений) / Н. Е. Носов // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти Ивана Ивановича Смирнова. – Ленинград : Наука, 1967. – С. 131–156.
32. Носов, Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного / Н. Е. Носов. – Ленинград : Наука, 1969. – 602 с.
33. Носов, Н. Е. К вопросу о проведении земской реформы в Двинской земле XVI в. / Н. Е. Носов // Из истории феодальной России : статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1978. – С. 60–76.
34. Носов, Н. Е. Уложение о кормлениях и службе 1555–1556 гг. / Н. Е. Носов // Вспомогательные исторические дисциплины. – Ленинград : Наука, 1985. – Т. 17. – С. 58–87.
35. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 550. ОСПК. – F.IV.196. – Синодик Московского Богоявленского монастыря, 1670-е гг.
36. Пашкова, Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели / Т. И. Пашкова. – Москва : Древлекхранилище, 2000. – 216 с.
37. Пенской, В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей / В. В. Пенской. – Москва : Вече, 2012. – 320 с.
38. Пенской, В. В. Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. / В. В. Пенской. – Москва : Центрполиграф, 2017. – 255 с.
39. Плетнев, В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии / В. А. Плетнев. – Тверь : Тверская ученая архивная комиссия, 1903. – 519 с.
40. Подчасов, Н. А. Разрядные документы как источник по военно-административной деятельности рода князей Трубецких на службе Московского государства (вторая половина XVI – начало XVII века) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Подчасов Н. А. – Москва : [б. и.], 2018. – 207 с.
41. Полное собрание русских летописей. Том 6. Софийские летописи. – Санкт-Петербург : Типография Э. Праца, 1853. – 358 с.
42. Полное собрание русских летописей. Том 13. Часть 2. Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1906. – 303–532 с.
43. Полное собрание русских летописей. Том 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1903. – 304 с.
44. Полное собрание русских летописей. Том 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. – Ленинград : Наука, 1977. – 250 с.
45. Попов, С. Н. Тверская знать на московской государственной службе в конце XV – первой половине XVI вв. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / С. Н. Попов. – Санкт-Петербург : [б. и.], 2006. – 203 с.
46. Послания Ивана Грозного / подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; перевод и комментарии Я. С. Лурье. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1951. – 715 с.
47. Псковские летописи / под редакцией А. Н. Насонова. – Москва : АН СССР, 1955. – Вып. 2. – 364 с.
48. Разрядная книга 1475–1598 гг. / подготовил В. И. Буганов. – Москва : Наука, 1966. – 616 с.
49. Разрядная книга 1475–1605 гг. Том 1. Часть 2 / составил Н. Г. Савич. – Москва : [б. и.], 1977. – 189–406 с.
50. Разрядная книга 1475–1605 гг. Том 2. Часть 1 / составил Н. Г. Савич. – Москва : [б. и.], 1981. – 219 с.
51. Разрядная книга 1550–1636 гг. Том 1 / составила Л. Ф. Кузьмина. – Москва : [б. и.], 1975. – 430 с.
52. Русская историческая библиотека. Том 14. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Часть 2. – Санкт-Петербург : Типография А. Катанского и К°, 1894. – 736 с.
53. Русская историческая библиотека. Том 25. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Книга 3. – Санкт-Петербург : Типография М. А. Александрова, 1908. – Приложение: Акты Лодомской церкви. – 213 с.
54. Русская историческая библиотека. Том 32. Архив П. М. Строева. Том 1. – Петроград : Типография Главного управления уделов, 1915. – 478 с.
55. Рыжова, Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского (Книжные центры Русского Севера) / Е. А. Рыжова. – Сыктывкар : Издательство Сыктывкарского государственного университета, 2000. – 371 с.
56. Сахаров, И. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря / И. Сахаров // Записки Отделения русского языка и славянской археологии Императорского археологического общества. – Санкт-Петербург : Типография Я. Трея, 1851. – Т. 1. – С. 46–105.
57. Сборник Грамот Коллегии экономии. Том 1: Грамоты Двинского уезда. – Петроград : [б. и.], 1922. – 498 с.
58. Сергеев, А. В. «К такому дураку добрый кто пристанет?»: Дело князя Семена Ростовского / А. В. Сергеев // Родина. – 2012. – № 5. – С. 58.
59. Титов, А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI в. / А. А. Титов // Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. – Москва : Издание И. А. Вахрамеева, 1906. – Вып. 5. – С. 1–115.
60. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подготовил к печати А. А. Зимин. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1950. – 456 с.
61. Черкасова, М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. / М. С. Черкасова. – Москва : Археологический центр, 1996. – 335 с.

62. Эскин, Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. / Ю. М. Эскин. – Москва : Квадрига, 2009. – 512 с.

63. Rüß, H. Einige Bemerkungen zum Namestničestvo-Problem in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts / H. Rüß //

Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. – 1972. – Bd. 20. – Hf. 3 (September). – S. 403–411.

64. Waugh, D. Two Unpublished Muscovite Chronicles / D. Waugh // Oxford Slavonic Papers. New series. – 1979. – Vol. 12. – P. 1–31.

N.V. Belov

**WAS PRINCE SEMEN I. MIKULINSKY DISGRACED IN 1554–1558?
ON OFFICIAL STATUS OF DVINA VICEGERENCY AND KAZAN PROVINCE
IN THE MIDDLE OF THE 16th CENTURY**

The article analyzes the final period of Prince Semen I. Punkov Mikulinsky' biography as a serviceman. The author supposes that Prince Semen Mikulinsky spent part of this period in disgrace. A year after the boyar mutiny in 1553 he was exiled to the governorship in Kholmogory («to the Dvina river»). By the spring 1557 Prince was pardoned and appointed a great voivode (governor) of Kazan. Mikulinsky's final rehabilitation happened at the end of 1558, when he headed a campaign to Livonia. Another participant of the mutiny of 1553, Prince Peter M. Shenyatev fell into disgrace in a similar way. The article is devoted to the question of the status of Kholmogory and Kazan in the town hierarchy of the Russian State.

Dvina, Kholmogory, Kazan, governors, voivods, service aristocracy, Princes Mikulinsky, Ivan IV the Terrible.



Е. В. Дианова

Петрозаводский государственный университет

КИНОРАБОТА ВОЛОГОДСКОЙ КООПЕРАЦИИ В 1920-Е ГОДЫ

В статье говорится об участии вологодских кооперативных союзов в развитии кинодела в Вологодской губернии и Северном крае. На основе архивных материалов раскрывается роль кооператоров в культурной модернизации вологодской деревни путем кинофикации.

Кинофикация, кооперация, фильмы, зрители, кинообслуживание.

В настоящее время значительно вырос интерес ученых к истории отечественного кинематографа XX века [2; 11; 13]. В центре внимания оказались проблемы становления и развития советской киноиндустрии [1; 18], деятельность кинематографических организаций в 1920-е гг. [19], развитие кинодела в различных регионах, в том числе и на Европейском Севере [10], влияние кино на социокультурный облик крестьянства [17], специфика деревенского кино [5] и кинорепертуара для сельской местности [9; 25].

К истории кинематографа как многогранного понятия относятся сюжеты, связанные с деятельностью общественных организаций, в том числе и кооперативных, занимавшихся устройством киносеансов и внесших вклад в кинофикацию отдельных регионов. Можно назвать публикации, посвященные изучению роли кино в культурно-просветительной работе кооперативных организаций на Европейском Севере в дореволюционный период и первые годы советской власти [8].

В данной статье идет речь о киноработе вологодских кооперативных обществ и союзов в 1920-е гг. Цель публикации состоит в том, чтобы показать вклад кооперативных организаций в кинофикацию сельской местности Вологодской губернии и Северного края. В качестве источников привлекаются документы из Вологодского областного архива новейшей политической истории и Государственного архива Вологодской области. В Вологодском областном архиве новейшей политической истории (ВОАНПИ) в фондах Вологодского губернского комитета РКП(б) (ф. 1853) и Северо-Двинского губернского комитета ВКП(б) (ф. 2) просмотрены дела, в которых оказались сведения об участии кооперации в кинообслуживании лесозаготовителей и рабочих лесосплава. В Государственном архиве Вологодской области (ГАВО) найдены материалы о киноработе Вологодского губернского союза кооперативов «Северосоюз» (ф. 140), Вологодского окружного союза потребительских обществ «Северосоюз» (ф. 413). Наряду с архивными материалами изучены кооперативные и кинематографические журналы 1920-х гг.

В 1920-е гг. в РСФСР действовало несколько кинематографических организаций «Госкино», «Про-

леткино», «Совкино», «Кино-Москва», «Кино-Север», «Севзапкино», «Межрабпом-Русь», «Межрабпом-фильм». Прокатные конторы «Госкино», «Совкино» и «Пролеткино» обеспечивали прокат фильмов в городах. Сельская местность, как правило, оставалась вне сферы обслуживания кинопрокатными организациями. В 1926 г. создано товарищество по кинофикации деревни «Сельское кино» («Селькино»). Основные проблемы в кинофикации деревни сводились к покупке передвижных и стационарных киноаппаратов, подбору фильмов и формированию деревенского репертуара. Товарищество «Селькино» не выполнило поставленных перед ним задач, прежде всего, по изысканию средств для приобретения кинооборудования, поэтому с 1928 г. работу по кинофикации деревни государство возложило на потребкооперацию.

В конце 1920-х гг. произошло прикрепление районных и областных союзов потребкооперации к определенному отделению или агентству «Совкино». Акционерное общество «Советское кино» имело свои агентства и отделения на Европейском Севере. К Северному отделению «Совкино» (Вологда) относились союзы, расположенные на территории Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской и Иваново-Вознесенской губерний, в том числе Вологодский союз и Архангельский губернский союз. Вятское агентство обслуживало союзы, расположенные на территории Вятского и Северо-Восточного районов, в том числе Вятский, Северо-Двинский, Котласский, Верхне-Вохомский, Югский районные союзы потребительской кооперации [12, с. 28].

Кинофикация сельской местности осуществлялась путем продажи в кредит кооперативным союзам, органам народного образования и учреждениям политпросвета передвижных портативных кинопроекторов «ГОЗ» с динамо-приводами, выпускаемых Государственным оптическим заводом в Ленинграде. Комплект портативного киноаппарата «ГОЗ» состоял из проектора, динамо-привода, алюминиевого экрана, набора инструментов и упаковочного сундука.

Для деревенского проката устанавливался льготный тариф как для игровых картин, так и кинохроники и научно-популярных фильмов. Кооперативные союзы вносили плату за прокат кинолент в губерн-

ские политпросветы или отделения «Совкино» и обеспечивали доставку кинопередвижки и проезд киномеханика. На местах работники сельпо (сельских потребительских обществ) занимались организацией киносеансов, оповещением населения, расклейкой афиш, продажей билетов. Кооператоры заранее подыскивали помещение для проведения киносеанса в школе, избе-читальне или крестьянском доме.

В Вологодской губернии кинофикация деревни силами кооперации развернулась с приобретением в 1925 г. Вологодским губернским союзом кооперативов («Северосоюзом») кинопередвижки. В 1925/26 г. на местах удалось организовать 37 киносеансов с фильмами на общеполитические темы. На всех сеансах присутствовало 3240 мужчин, 2738 женщин, 1242 подростка, всего 7220 человек. Из-за отсутствия нужного количества киноаппаратов для обслуживания всей периферии некоторые члены правления «Северосоюза» считали, что кинофикацию деревни необходимо «проводить через Вологодский губернский политико-просветительный комитет», который утверждал календарный план культурно-массовой работы потребительской кооперации и мог предоставить кинопередвижки и ленты [6, д. 321, л. 42]. Так, в соседней Северо-Двинской губернии кинообслуживанием сельской местности занимались 18 передвижек губполитпросвета. Кроме того, три киноаппарата имелись в распоряжении Северо-Двинского губсоюза кооперативов, но они не работали из-за дороговизны проката и «за неимением хорошего репертуара» [22, с. 22].

Некоторые сельские потребительские общества самостоятельно обращались в Вологодский губполитпросвет с заявками на устройство киносеансов. В 1924 г. в Шуйской волости Вологодского уезда культурно-просветительный кружок «Победный луч», созданный при Новосельском обществе потребителей, пригласил передвижку из Вологды и в помещении сельской избы-читальни устроил два киносеанса. Алекинское общество потребителей Бирюковской волости Тотемского уезда смогло один раз провести киносеанс в кооперативной избе-читальне, открытой в сентябре 1924 г. Для демонстрации кино также из Вологды приглашен киномеханик вместе с киноаппаратом [7, д. 47, л. 29].

В просветительных целях в связи с нехваткой, а то и полным отсутствием стационарных киноустановок и кинопередвижек широко использовался диапроектор «волшебный фонарь». В 1925/26 г. правление «Северосоюза» приобрело «волшебный фонарь» и диапозитивы по 30 темам по естествознанию, географии, литературе. Для проведения бесед по истории революционного движения приобретены диапозитивы «Жизнь В.И. Ленина», «Парижская Коммуна», «События 9 января 1905 г.», «От 9 января до 17 октября 1905 г.», «Декабрьское восстание 1905 г.», «Февральская революция», «Октябрьская революция» [6, л. 42, 43].

Кооперативные союзы по мере сил занимались приобретением киноаппаратов, увеличивая количество кооперативных киноустановок. В 1926/27 г. в Вологодской губернии более или менее регулярно работало только 4 кинопередвижки. С 7 ноября 1926 г. по

10 мая 1927 г. они провели 419 сеансов (42 045 человек). В 1927/28 г. работала уже 21 кинопередвижка, ими дано 1751 сеанс (142 392 зрителя). В 1928/29 г. в губернии имелось 65 кинопередвижек, регулярно работали 57 аппаратов, они за период с 1 ноября 1928 г. по 1 мая 1929 г. за 4639 экранодней обслужили 370 тыс. зрителей [15, 6 мая, с. 6].

На 15 августа 1930 г. в распоряжении Вологодского окружного союза потребительских обществ «Северосоюз» имелось 52 кинопередвижки. По районным потребительским обществам (райпо) они распределялись так: Вологодское – 3, Грязовецкое – 9, Шуйское – 3, Кокшеньгское – 6, Леденгское – 3, Харовское – 3, Вожегодское – 2, Свердловско-Сухонское – 3, Усть-Кубенское – 2, Кубенское – 5, Чебсарское – 3, Шевденицкое – 6, Тотемское – 1, Биряковское – 1, Уфтюжское – 2 кинопередвижки. Сямженское и Заборское райпо не имели киноустановок. Из 52 кинопередвижек работало только 34 аппарата. В 1930 г. в Вологодском округе Северного края в системе «Северосоюза» на каждые 20 тыс. зрителей была одна кинопередвижка, по плану 1930/31 г. следовало добиться того, чтобы одна кинопередвижка приходилась на 5 тыс. зрителей. Наряду с кино в деревню «продвигалось» радио. Радиопередвижки имелись в каждом районном потребительском обществе (райпо), а радиоузлы – в Грязовецком, Вожегодском, Чебсарском и Тотемском райпо [7, д. 201, л. 4].

В деревенский репертуар кинопередвижки Вологодского губсоюза входили фильмы различных жанров: авиационные агитки «Как мужик Пахом в столице в небеса летал на птице» и «Эскадрилья Ленина», «Бедняку впрок – кулаку в бок» (страховая агитка), историко-революционные фильмы «Октябрьская и Февральская революции» и «Красный партизан», приключенческая советская лента «Сердца и доллары». В фильме «На боевом посту» (Пролеткино, 1923) соединялись постановочные кадры (инсценировка убийства В.В. Воровского) с хроникой (похороны Воровского) и рисованной анимированной картой.

Вологодские кооператоры, признавая, что «мещанская мораль им не подходит», тем не менее, выпускали в деревенский прокат старые зарубежные киноленты и дореволюционные отечественные фильмы, например: «Мстительница» (авантюрная драма), «Погибшие миры» (сентиментальная драма), американские комедии «Школьники» и «Свадьба с препятствиями» (1917), итальянская комическая короткометражка «Дядюшка Полидора» (1916), комедия А.А. Ханжонкова «Покушение на губернатора» (1917) [4, л. 110]. Надо сказать, что в столице русские дореволюционные картины, старые иностранные комедии и мелодрамы стали уже редким явлением, а «провинция все еще питалась этой слащавой пошлостью, воспытаяв свой вкус на салонных сентиментальных драмах подобного рода» [22, с. 8].

Кино оказалось хорошим средством кооперативной агитации и пропаганды, наилучшим способом осуществления задач кооперативного строительства. Для проведения разъяснительной работы среди членов сельских потребительских обществ систематически использовались игровые, документальные и агитационные фильмы, мультипликация на кооператив-

ные темы. К созданию кооперативных фильмов привлекались известные режиссеры, в них снимались выдающиеся артисты театра и кино. Киноотдел Центросоюза составил рекомендательный список кооперативных фильмов для деревенского проката, куда вошли картины «Всем на радость», «Трагедия Евлампия Чиркина», «На верном следу», «Шпундик-кооператор» («Кто – кого?»). Демонстрация немых фильмов сопровождалась громким чтением титров и объяснением незнакомых для сельских зрителей явлений, возникавших на экране.

Кооперативные союзы сами приобретали копии картин или брали их напрокат в агентствах «Совкино» и губернских политико-просветительных комитетах. В Вологодскую губернию северное агентство «Совкино» высылало кооперативные картины, которые на периферии получали хорошие отзывы. В 1926 г. в низовой сети Вологодского союза кустарно-промышленных кооперативов, или «Артельсоюза», демонстрировались фильмы «Всем на радость», «Трагедия Евлампия Чиркина», «На верном следу», «Шпундик-кооператор» («Кто – кого?»). А правление Северосоюза в 1925/26 г. «с кооперативными фильмами работы не вело ввиду дороговизны проката». В целях кооперативного просвещения приобретены диапозитивы «В единении – сила», «История кооперации», «Кооперация в Англии», «Кооперация в Германии», «Кредитная кооперация», «Сельскохозяйственная кооперация», «Счетоводство» [6, л. 43].

Визуальные средства кооперативной агитации и пропаганды применялись для усиления заготовительной деятельности и сбыта продукции сельского хозяйства с участием крестьянских кооперативов. В 1924 г. Северо-Западный союз потребительской кооперации и «Госкино» вели переговоры о выпуске кинофильма «Кооперация и лен», где был бы изображен весь процесс производства, обработки и реализации льна, а также способы расчета с крестьянином-производителем путем выдачи ему премии за сданное сырье. Параллельно с кооперативным сбытом предполагалось «дать ряд картинок, характеризующих работу кулаков и частных скупщиков сырья, наживающихся на крестьянах» [24, с. 235].

Всероссийский Центральный союз льноводов и коноплеводо-вод (Льноцентр) и «Совкино» также собирались, сняв все процессы, связанные с развитием льноводства, выпустить киноленту. По льноводству уже были созданы фильмы «Обработка льна», «Обработка льняного семени», «Сельская электрификация в первичной обработке льна». В льноводческих районах демонстрацию фильмов в избах-читальнях устраивали сельскохозяйственные товарищества, в Домах крестьянина их показывали работники местного отделения Льноцентра и Льноправления [14, с. 38]. Данные фильмы могли заинтересовать крестьян-льноводов и членов Вологодского союза кустарно-промышленных кооперативов. «Артельсоюз» к началу рабочего сезона заготавливал материал – льняную и катушечную кружевную нитку, для чего заключал договор с Льноправлением (объединенным правлением льняных фабрик), что гарантировало планомерное поступление сырья на весь сезон для кружевного промысла.

В работе кооперативных кинопередвижек имелись недостатки, прежде всего, «хроническое запаздывание на две недели доставки кинопрограмм». Несвоевременное поступление кинокартин нарушало планы кооператоров по проведению мероприятий по кооперативной агитации и пропаганде. Правление Вологодского союза потребительских обществ сообщало: «Кинопередвижка работает у нас слабо. Во всех волостях Грязовецкого района потерпела убытки. Нет опыта работы» [4, л. 109]. Население, отказываясь покупать входные билеты, предпочитало посещать бесплатные сеансы, которые устраивались по случаю праздников или общественно-политических кампаний.

До конца 1920-х гг. не смогли наладить «бесперебойное снабжение деревенских кинопередвижек удовлетворительными по содержанию и в техническом отношении лентами». Это отбивало у населения интерес к кино и делало передвижки убыточными. Крестьяне единодушно жаловались на «кино-рванину» в газету «Красный Север», где приводились выдержки из писем с жалобами и требованиями сельского населения: «Не шлите в деревню рваных лент». Так, из Толшемской волости Тотемского уезда сообщали: «Картинами толшемскую кинопередвижку снабжает Вологодское отделение “Совкино” и берет за две недели проката 63 руб. Сумма для деревни немаленькая. По пятачкам ее надо долго выручать. Но это бы не беда, если бы киноленты были доброкачественные». Однако все полученные до сих пор картины в волости были с технической пригодностью не более 50% [15, 9 января, с. 6].

В конце 1928 г. в Толшемскую волость в плохом состоянии отправлена картина «Леон Кутюрье» (1927), снятая режиссером В.П. Касьяновым по мотивам «Рассказа о простой вещи» Бориса Лавренева. В нем говорится о событиях Гражданской войны на Украине, о работе большевистского подполья в небольшом городке, захваченном отрядами Добровольческой армии. По заданию Ревкома в городе остался под видом француза Леона Кутюрье бывший председатель губчека Дмитрий Орлов, проживший до революции шесть лет в эмиграции в Париже и хорошо говоривший по-французски. Его подпольная работа была нарушена, когда в контрразведку попал приехавший из Юзовки крестьянин Емельчук, которого патруль принял за Орлова, бывшего начальника губернского отдела ВЧК. Однако скоро контрразведка схватила и Леона Кутюрье, настоящего Орлова. Военно-полевой суд приговорил его к смертной казни через повешение. Внезапное возвращение в город Красной Армии спасло подпольщика от смерти [21, с. 206].

К сожалению, фильм «Леон Кутюрье» не произвел должного впечатления на сельских зрителей, поскольку «картина в дороге была подмочена», ее техническая пригодность составляла всего 40%. В результате, как сообщал селькор в газету, «когда ее смотришь, то совсем нельзя понять, что происходит на экране». Поэтому, «не желая из-за этой рванины отучать население от кино, Толшемский волполитпросветком (волостной политико-просветительный комитет) вынужден был ленту “Леон Кутюрье” сдать

сосплаве участвовали комсомольские и партийные ячейки, профсоюзы, потребкооперация, учреждения народного образования и здравоохранения, избы-читальни, добровольные общества и другие организации. В бараках, где жили сплавщики, при помощи потребительских обществ создавались красные уголки и клубы – «очаги классового воспитания». С опорой на «лучшую», «передовую часть сплавщиков» (батраки, беднота, колхозники), клуб и красный уголок помогали остальным рабочим сплава «осознать политику партии, ее генеральную линию» [16, с. 9].

В Вологодском округе Северного края культурное обслуживание рабочих сплава осуществлялось при участии сельских потребительских обществ. Весной 1930 г. на различных работах по сплаву леса было занято приблизительно 400 тыс. человек. Кооперативные кинопередвижки работали на лесосплаве на реках Кизьма, Кубина, Лежа, Сить, Чивица. Заборское общество потребителей Кокшеньгского района обслуживало рабочих лесосплава на реке Коченьге. Оно не только снабжало продуктами питания и промтоварами, но и во все пункты сплава отправляло книги и газеты, посылало кинопередвижки и громкоговорители. В районе деятельности Харовского общества потребителей кинообслуживание рабочих, занятых на лесосплаве, осуществлялось в деревнях Усть-Река, Папино, Бабино, Панеповская, Подлесная, Макаровская, Полутиха, Зародиха, Злобиха, Матюшиха, Лещево, Пашучиха, Семеновская, Подошариха, Козлиха, Негодяиха, а также в лесных бараках, построенных у запаей на лесосплаве [7, д. 188, л. 1, 3, 5]. Потребкооперация Северо-Двинского округа Северного края «отказалась дать кинопередвижки на лесосплав, а сама обслуживала сельскую интеллигенцию», поэтому весной 1930 г. в Подосиновском районе Северного края для рабочих был устроен всего один киносеанс [3, л. 72].

Дальнейшее участие кооперативных организаций в кинофикации деревни прекратилось, так как 12 мая 1931 г. принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О потребительской кооперации». Постановление предусматривало разгрузку системы потребкооперации от несвойственных ей функций, в частности передачу культурного обслуживания другим ведомствам, но сохраняя соответствующие отчисления кооперации на культурное обслуживание своих пайщиков. Кооперативная киносеть, стационарные киноаппараты и деревенские кинопередвижки передавались из Центросоюза в ведение «Союзкино» [20, ст. 224].

Таким образом, кооперативные организации Вологодской губернии участвовали в «продвижении кино в деревню», т. е. кинофикации сельской местности. Приобретая на средства пайщиков кинопередвижки, кооператоры способствовали появлению на селе технических новшеств и культурной модернизации деревни. Наряду с кинообслуживанием сельских жителей потребительские общества занимались организацией культурного отдыха и проведением киносеансов на лесозаготовках и лесосплаве. Социокультурная динамика зрительской аудитории свидетельствовала о росте требований к качеству кинолента и содержанию картин, изменении культурных предпо-

чтений деревенской публики. С выходом в 1931 г. постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О потребительской кооперации» кино-работа вологодских кооперативов и их участие в кинофикации сельской местности были свернуты. Находившаяся на балансе союзов потребительских обществ киноаппаратура переходила к государственным учреждениям культуры и кинематографии.

Литература

1. Анискин, М. А. Становление советской системы кинопроизводства (1920–1930-е гг.) / М. А. Анискин // *Власть*. 2016. – № 10. – С. 154–159.
2. Беленький, И. В. История кино. Киносъемки, кинопромышленность, киноискусство / И. В. Беленький. – Москва : Альпина Паблишер, 2019. – 402 с.
3. Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2168. Л. 44, 72.
4. ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 8. Д. 182. Л. 110.
5. Горбачев, О. В. Кино для деревни: советский художественный кинематограф и крестьянский зритель в 1920-е – начале 1950-х гг. / О. В. Горбачев // *Документ. Архив. История. Современность*. – 2017. – № 17. – С. 230–244.
6. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 140. Оп. 1. Д. 321. Л. 42, 43.
7. ГАВО. Ф. 413. Оп. 1. Д. 47, 188, 201.
8. Дианова, Е. В. Кино в культурно-просветительной работе северной кооперации / Е. В. Дианова // *Клио*. – 2016. – № 7 (115). – С. 153–162.
9. Дианова, Е. В. Кино для деревни: репертуар сельских кинопередвижек 1920-х гг. / Е. В. Дианова // *Столица и провинция: взаимоотношения центра и регионов в истории России : материалы XII Всероссийской научной конференции с международным участием*. – Санкт-Петербург : ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2021. – Вып. 12. – С. 129–133.
10. Заозерская, Т. В. Кинематограф в провинциальном городе в годы Первой мировой войны (по материалам газеты «Архангельск», июль 1914 – март 1917 гг.) / Т. В. Заозерская // *XX век и Россия: общество, реформы, революции*. – 2017. – № 5. – С. 131–149.
11. Зоркая, Н. М. История отечественного кино. XX век / Н. М. Зоркая. – Москва : Белый город, 2014 г. – 512 с.
12. Информационный бюллетень Центросоюза СССР и РСФСР. – 1929. – № 2. – С. 28.
13. История отечественного кино / ответственный редактор Л. М. Будяк. – Москва : Прогресс-Традиция, 2005. – 523 с.
14. Кооперативное строительство. – 1928. – № 13. – С. 38.
15. Красный Север. – 1929. – 9 января. – С. 6; 14 марта. – С. 4; 6 мая. – С. 6.
16. Культработу на лесосплаве: Инструктивно-методическое письмо для просветительных учреждений Северного края. – Архангельск : Огиз РСФСР. Северное краевое отделение, 1931. – 44 с.
17. Полянская, Л. Ю. Влияние радио- и кинофикации деревни на социокультурный облик крестьянства Среднего Поволжья (1921–1929 гг.) / Л. Ю. Полянская // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – Тамбов : Грамота. – 2010. – № 1 (5). – С. 130–132.
18. Русина, Ю. А. История советского кино / Ю. А. Русина. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2019. – 102 с.
19. Рябчикова, Н. С. «Пролеткино»: от «Госкино» до «Совкино» / Н. С. Рябчикова // *Киноведческие записки*. – 2010. – № 94/95. – С. 90–108.

20. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1931. – № 29.
21. Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог. Том 1. Немые фильмы (1918–1935). – Москва : Искусство, 1961. – 529 с.
22. Советский экран. – 1925. – № 2 (12). – С. 8, 22.
23. Советское кино. – 1926. – № 3. – С. 22.
24. Союз потребителей. – 1924. – № 11. – С. 235.
25. Федюк А. В. Деревенский и клубный кинопрокат в СССР в условиях новой экономической политики / А. В. Федюк // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2008. – Т. 7. – Вып. 1: История. – С. 147–154.

E.V. Dianova

**CINEMA CIRCUTE DEVELOPMENT
AND PROMOTION BY THE VOLOGDA COOPERATION IN THE 1920S**

The article considers the participation of Vologda cooperative organisations in cinema promotion in the Vologda province and in the Russian North. The role of cooperators in the cultural modernization of the Vologda village through cinematography is revealed on the basis of archival documents.

Cinematography, cooperation, films, spectators, cinema service.



В.С. Жукова
Вологодский государственный университет

ПРИПОЛЯРНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1926/27 ГОДА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О НАСЕЛЕНИИ ТУНДРЫ И ЗАНЯТИЯХ НЕНЦЕВ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00238 а
«Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920–1930-е годы»*

В статье рассматриваются данные Приполярной переписи, которые позволяют охарактеризовать количество ненцев, проживающих на территории Европейского Севера в середине 1920-х годов, их грамотность, владение русским языком, а также промысловую деятельность и другие занятия.

Приполярная перепись, Европейский Север, административно-территориальное устройство, ненцы, промыслы, занятия.

В 1920-х годах уделялось большое внимание изучению развития различных территорий. Во многом данные исследования заимствовали методику земских обследований. Среди них были материалы по статистике сельскохозяйственного производства, динамические (гнездовые переписи), бюджетные обследования крестьянских хозяйств. Материалы по статистике сельскохозяйственного производства включают материалы весенних и осенних выборочных переписей (опросов). В них производился учет всех важнейших элементов крестьянских хозяйств по довольно широкой программе. Динамические (гнездовые) переписи – ежегодные обследования одних и тех же хозяйств в одних и тех же волостях (гнездах-районах). Они являлись наиболее массовым источником среди выборочных обследований деревни. К данным статистическим источникам автор неоднократно обращалась в своих исследованиях [3]. Кроме этого, характеризовала как исторический источник для изучения эволюции крестьянства [2].

Статистические публикации первых лет советской власти большей частью были отрывочны, неполны и лишь приблизительно передавали состояние дел в эти годы. Наиболее оперативной формой была статистическая периодика. В центре и на местах выходили специальные статистические сборники. Так, Архангельским губернским статистическим отделом был выпущен статистический сборник за 1927 год в приложении к нему содержатся территориальные итоги Приполярной переписи 1926/27 года [7, с. 324–347].

Перепись проводилась по довольно широкой программе, в результате которой были получены данные о коренном населении северных районов России. Во время проведения переписи между Архангельской губернией и образованной в 1921 г. Автономной областью Коми были существенные разногласия по поводу разграничения территорий. Соперничество шло в основном из-за Большеземельской тундры, где кочевали и ненцы и коми-ижемцы [1]. В итоге в 1929 г. из Канино-Тиманского района Архангельской губер-

нии и Ненецкого района Коми АО был образован Ненецкий округ в составе Северного края.

Приполярная перепись интересует исследователей разных направлений и регионов. Встречаются исследования этнографического плана [6]. Другие исследования касаются народонаселения, природопользования, особенностей хозяйствования [5]. Автор уже обращалась к анализу становления колхозно-совхозного строя в Ненецком округе Северного края [4, с. 153–159]. В статье анализируются опубликованные статистические показатели по указанному региону. Данные материалы включают в себя сведения по следующим территориям: острова Северного Ледовитого океана, Канинско-Тиманская, Мезенская, Дорогорская, Нижне-Печорская, Устьцилемская и Пустозерская волости. Выделяются оседлые и кочующие народности и среди них самоеды. Данным термином раньше именовали ненцев, энцев, селькупов и игнасан (которые проживали в северных регионах Архангельской и Тюменской областей и Красноярского края). На территории Европейского Севера проживали ненцы.

Следует отметить, что публикацией материалов переписи занимался Архангельский губернский статистический отдел, и указанные территории они относили к Архангельской губернии. Так, Приполярной переписью 1926/27 года в Архангельской губернии было зафиксировано всего 453 хозяйства, из них оседлых 54 хозяйства. Большая часть оседлых хозяйств зафиксирована на территории островов Ледовитого океана – 25 хозяйств, 17 хозяйств находилось в Мезенской волости, 12 – Дорогорской волости. Статистические данные, размещенные в сборнике, дают возможность охарактеризовать половой состав ненцев. Так, среди оседлых мужчин и женщин их было почти равное количество – соответственно 127 и 124 человек, в возрасте от 18 до 59 лет – 55 и 65 человек соответственно. Среди мужского оседлого населения один человек был зафиксирован как неработоспособный, исходя из данных, мы не можем выявить причи-

ну неработоспособности. Среди оседлых хозяйств 33 было с грамотными, что составило 61%, с говорящими по-русски – 90,7%. Мужчин грамотных было выявлено существенно больше, чем женщин (42 и 12 человек соответственно). Говорящих по-русски мужчин и женщин было практически равное количество (80 и 78 человек).

Большая часть хозяйств ненцев в Архангельской губернии вело кочевой образ жизни – 399 хозяйств. Больше всего кочующих было зафиксировано в Канино-Тиманской волости – 199 хозяйств, в Нижне-Печерской волости – 146, 54 – на островах Ледовитого океана. Всего в хозяйствах было 2370 человек, из них 1218 – мужчин и 1152 – женщин, в возрасте от 18 до 59 лет – 509 и 551 человек соответственно. Неработоспособных среди мужчин был зафиксирован один, среди женщин – 7 человек. Довольно небольшое количество было хозяйств с грамотными – 27, что составило 6,8% от всех кочующих хозяйств, мужчин грамотных было существенно больше, чем женщин (24 и 5 соответственно). Говорили по-русски большинство в 363 хозяйствах, что составило 91%, в них говорящих по-русски мужчин было 566 человек и женщин – 477.

Можно проследить некоторое движение населения за 1924–25 г. (с 1 октября 1924 г. по 30 сентября 1925 г.). Так, на 1 октября 1924 г. и в оседлых, и в кочевых хозяйствах мужчин было 1248, женщин 1214 человек. В данный период времени вошло в хозяйство 17 мужчин и 29 женщин, ушло из хозяйств 12 человек мужского пола и 24 – женщины, родилось 71 и 46 человек соответственно, умерло 32 мужчины и 7 женщин. В данный период времени состоялось 16 браков.

На 1 октября 1925 г. было зафиксировано 1292 мужчины и 1258 женщин. Таким образом, мы видим прирост как мужского, так и женского населения. В данный период времени вошло в хозяйство 14 муж-

чин и 29 женщин, ушло из хозяйств 13 человек мужского пола и 39 женщин, родилось 64 и 43 человек соответственно по полам, умерло 12 мужчин и 15 женщин. В данный период времени состоялось 18 браков.

Приполярная перепись 1926/27 г. фиксировала занятия и промыслы населения. Исходя из данных статистики, в Архангельской губернии всего среди оседлых и кочевых самоедов промыслами и другими занятиями были заняты 798 мужчин и 160 женщин [7, с. 326–327]. В таблице 1 рассмотрим промыслы и занятия мужского населения.

Большая часть ненцев была занята в своем хозяйстве, лишь 19 мужчин (15 кочевых и 4 оседлых) были заняты вне своего хозяйства, они работали по найму или служили. Службой была занята очень небольшая часть ненцев. Среди занятий мужского оседлого и кочевого населения в своем хозяйстве отмечалось большее упоминание занятием оленеводством (625 упоминаний), охотой (521) и рыболовством (545). Значительно меньше ненцы занимались морским звериным промыслом (181 – упоминаний). Остальными промыслами ненцы еще меньше были заняты. Например, упоминаний, что занимались извозом, было 58, сельским хозяйством – 19, кустарными промыслами – 1. Следует отметить некоторые особенности в занятиях оседлого и кочевого населения. Так, описанный ранее рейтинг занятий формировался именно за счет кочевого населения. У оседлого населения большее количество занятий приходилось на охоту (54 упоминания), на втором месте стояло рыболовство (50), далее шел морской звериный промысел (31), сельское хозяйство было упомянуто 13 раз, оленеводство занимало пятую позицию (6 упоминаний), и встречалось одно упоминание о прочих кустарных промыслах.

В таблице 2 рассмотрим женские занятия и промыслы.

Таблица 1

МУЖСКИЕ ПРОМЫСЛЫ И ЗАНЯТИЯ ПО ПРИПОЛЯРНОЙ ПЕРЕПИСИ 1926/1927 Г.

Территории	Острова Ледовитого океана		Канино-Тиманская волость	Мезенская волость	Дорогорская волость	Нижне-Печерская волость	Всего	
	оседлые	кочевые					оседлые	кочевые
Виды занятий и промыслов	оседлые	кочевые	кочевые	оседлые	оседлые	кочевые	оседлые	кочевые
Число занятых	33	79	373	15	13	285	61	737
Вне своего хозяйства								
Работа по найму	1	9	17	5	3	15	9	41
Служба	0	1	2	0	0	0	0	3
В своем хозяйстве								
Сельским хозяйством	0	0	4	5	8	2	13	6
Оленеводством	1	66	312	3	2	241	6	619
Рыболовством	32	35	219	7	11	150	50	404
Морским звериным промыслом	31	61	57	0	0	32	31	150
Охотой	32	67	230	10	12	180	54	477
Извозом	0	0	58	0	0	0	0	58
Кустарными промыслами	0	0	0	1	0	0	1	0
Прочие занятия и промыслы	2	0	1	0	1	2	3	3

ЖЕНСКИЕ ПРОМЫСЛЫ И ЗАНЯТИЯ ПО ПРИПОЛЯРНОЙ ПЕРЕПИСИ 1926–1927 Г.

Территория	Острова Ледовитого океана		Канино- Тиманская волость	Мезенская волость	Дорогорская волость	Нижне- Печерская волость	Всего	
	оседлые	кочевые					оседлые	кочевые
Виды занятий и промыслов								
Число занятых женщин	0	0	57	20	18	65	38	122
Вне своего хозяйства								
Работа по найму	0	0	6	0	0	6	0	12
В своем хозяйстве								
Сельским хозяйством	0	0	3	12	14	1	26	4
Оленеводством	0	0	14	1	3	43	4	57
Рыболовством	0	0	33	1	10	12	11	45
Охотой	0	0	1	0	0	5	0	6
Извозом	0	0	2	0	0	0	0	2
Прочими занятиями и промыслами	0	0	7	7	1	5	8	12

Несмотря на то что среди женщин не фиксируется работа вне своего хозяйства, тем не менее, по данным статистики мы видим, что среди кочевых хозяйств встречаются упоминания работы по найму среди женщин (12 упоминаний). Видимо, они носили нерегулярный характер. Среди женских занятий в кочевых и оседлых хозяйствах, вместе взятых, в своем хозяйстве первое место занимает оленеводство (61 упоминаний). Хотя следует отметить, что это получается исключительно за счет кочевых хозяйств – 57, т.к. в оседлых хозяйствах данное занятие занимает лишь 4 место (всего 4 упоминания). В оседлых хозяйствах первое место занимает сельское хозяйство – 26 упоминаний. В общей статистике занятие сельским хозяйством занимает третье место – всего 30 упоминаний. На втором месте, среди всех хозяйств, идет занятие рыболовством, всего 56 упоминаний, из них в кочевых хозяйствах – 45, в оседлых – 11. Занятие кустарными промыслами насчитывает 20 упоминаний, из них в оседлых хозяйствах – 8, в кочевых – 12.

Таким образом, вы видим, что в Приполярной переписи содержится информация о демографической ситуации и о промысловой деятельности ненцев Европейского Севера в 1926/27 г. Исходя из данных, мы видим, что среди ненцев наблюдается положительная динамика среди народонаселения. Также мы можем сделать вывод, что хозяйство у них было не узкоспециализированным, а комплексным. Это обстоятельство затем повлияет на особенности формирования коллективных тундровых хозяйств. Большинство населения говорило по-русски, но при этом процент грамотных был очень незначительным.

Источники и литература

1. Жеребцов, И. Л. Формирование внешних административных границ Коми автономии в XX веке / И. Л. Же-

ребцов, Н. П. Безносова // Материалы к Научным чтениям памяти академика Ю. А. Полякова «Население России: историко-демографическое измерение» (Краснодар, 23–24 сентября 2014 г.). – Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2014. – Том. 33. – Сер. Материалы к научным конференциям. – С. 4–16.

2. Жукова, В. С. Крестьянские бюджеты 1920-х годов как источник по истории раскрестьянивания деревни Европейского Севера / В. С. Жукова // Государственная власть и крестьянство в XX – начале XXI века. – Коломна, 2007. – С. 215–219.

3. Жукова, В. С. Материальное положение крестьян Европейского Севера России в 1920-х гг. / В. С. Жукова. – Вологда : ВГПУ, 2014. – 226 с.

4. Жукова, В. С. Становление колхозно-совхозного строя в Ненецком округе Северного края / В. С. Жукова // Судьбы российского крестьянства (к 160-летию отмены крепостного права) : материалы Всероссийской научной конференции (Киров, 21 октября 2021 г.). – Киров, 2022. – С. 153–159.

5. Клоков, К. Б. Приполярная перепись 1926/27 гг. как источник данных по коренному населению и традиционному природопользованию Европейского северо-востока / К. Б. Клоков, И. А. Семенов, И. А. Ступин. – URL: Klokov et al 2006.pdf – Яндекс.Документы (yandex.ru) (дата обращения: 11.12.2022). – Текст : электронный.

6. Коломиец, О. П. Первичные материалы Приполярной переписи как этнографический источник по изучению традиционной культуры коренных народов северо-востока России / О. П. Коломиец // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 4 (23). – С. 117–126.

7. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год: С прилож. территориальных итогов Приполярной переписи 1926 года, сведений о посевных площадях, урожае хлебов, картофеля и сена и о количестве скота в 1928 году. Архангельский губернский статистический отдел. – Архангельск : Губстатбюро, 1929. – XII. – 350, [2] с.

V.S. Zhukova

CIRCUMPOLAR CENSUS OF 1926-27 IN THE EUROPEAN NORTH AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT THE POPULATION AND OCCUPATIONS OF THE NENETS

The article examines the data of the Circumpolar Census, which help to characterize the number of Nenets living in the European North in the mid-1920s, as well as their literacy, command of the Russian language, as well as fishing activities and other occupations.

Circumpolar census, European North, administrative-territorial structure, Nenets, crafts, occupations.



В.А. Коршунов
Вятский государственный университет

«В ЭКИПАЖЕ БЕЗ КОЛЕС»: ОСОБЕННОСТИ ЗИМНИХ ПОЕЗДОК ПО ДОРОГАМ РОССИИ В XIX ВЕКЕ

Дорожная и транспортная проблематика («дорожная традиция России») очень важна для понимания отечественной истории. В статье рассмотрены трудности и неудобства, присущие зимним дорогам России в XIX в. Выявленные и изученные нарративные источники свидетельствуют, что почти каждая длительная зимняя поездка могла стать непредсказуемой и опасной, и это значительно затрудняло экономическую и повседневную жизнь страны.

Дорожная традиция России, зима, транспорт, дорожное движение, дорожные инциденты, мемуары.

В начале XIX в. в России жили приехавшие из Великобритании сестры Вильмот. Марта Вильмот писала 18 декабря 1803 г. из Москвы, куда она только что добралась, своей матери, оставшейся на родине: «Доехали мы, дорогая мамочка, вполне благополучно, это было мое первое путешествие в *экипаже без колес*» (курсив автора. – В. К.). Правда, далее она упоминала о жестоком морозе («стужа, право, непереносима»). А дорога близ Москвы оказалась такой: «Мне не понравилась езда на санях, когда они, как по зубьям пилы, движутся по комьям льда; думаю, ни один несчастный на борту корабля не страдал больше меня» [22, с. 275]. В дневнике Марты Вильмот имеется запись за 22 марта 1808 г.: «Путешествие очень утомительно, так как дороги невероятно плохи. Их ни с чем невозможно сравнить. <...> Сейчас мне приходится ждать, пока на возок поставят новые полозья (старые разлетелись на куски). <...> Состояние дорог неописуемо». Несколько далее: «Господи, какая это мука – путешествовать по России, даже по главной дороге, между Петербургом и Москвой» (Там же, с. 450, 451). Эту важнейшую для России дорогу между двумя столицами спустя некоторое время начнут, наконец, обустройства: А.С. Пушкин в своем «Путешествии из Москвы в Петербург» (1833–1835) станет объяснять, что трасса очень хороша, и это, в общем, будет справедливо.

Специалисты-историки иногда утверждают, что важной причиной «конкурентоспособности российских дорог были преимущества зимних дорог, восхищавшие иностранцев» [5, с. 133, прим. 10]. Это суждение разделяется некоторыми публицистами, которые указывают, что особенно хорошими были зимние пути по руслу рек – и в этом явное преимущество России по сравнению с более теплыми странами [18, с. 515, 517; 3, с. 227].

Действительно, иноземные путешественники (в частности, те, кто бывал в допетровской России) нередко удивлялись тому, насколько гладки зимние трассы. Но ведь раз на раз не приходится: если погода способствовала, то путь был накатанным и лошади споро тянули повозку. А ведь бывал и леденящий ветер в лицо, огромные ухабы и качка вплоть до тошноты, случались частые опрокидывания и поломки.

Показательны впечатления тех заезжих гостей, кто путешествовал по России в более поздние времена. Их эмоции и размышления лучше засвидетельствованы, мемуары и письма таких людей подробнее, обстоятельнее и, по-видимому, точнее в восприятии и описании ситуаций, которыми сопровождалось сухопутные перемещения на дальние расстояния.

Отнюдь не все иностранцы восхищались зимней ездой по российским просторам. Немецкий ученый Д.Г. Мессершмидт в конце 1726 г., пробираясь по ямской дороге из Соликамска в Хлынов (Вятку), вел дневник своих злоключений. В один из дней обстоятельства пути были настолько плохи, что его сани перевернулись 20 раз [21, с. 89, 92, 98–101, 103]. Естествоиспытатель и путешественник А.Ф. Миддендорф руководил Сибирской экспедицией Академии наук и зимой 1842–1843 гг. добирался из Петербурга на Енисей. Характеризуя Большой Сибирский тракт, он в своей книге «Путешествие на север и восток Сибири» указывал: «Смотря по погоде, то есть наложит ли она снег ровным покровом или навевает его волнами, зимою по этой почтовой дороге с поклажей проезжают то до 49 географ[ических] миль с сутки, то по 15, даже 10 и меньше, средним же числом от 25 до 30» [7, с. 213]. Получается, что иногда можно было мчаться вдвое быстрее обычной скорости, а можно было плестись вдвое медленнее, чем обычно. Так что, согласно наблюдениям Миддендорфа, когда снег на дороге волнами (то есть большие ухабы), то замедление получалось раза в четыре по сравнению с хорошими дорожными условиями. Американский журналист и путешественник Дж. Кеннан в 1885–1886 гг. совершил поездку по Большому Сибирскому тракту и после написал книгу о «системе сибирской ссылки». В книге не раз встречаются упоминания и описания разнообразных, мучительных трудностей на сибирских дорогах [8].

Зимние дорожные неудобства историками, этнографами, специалистами по отечественной культуре и бытовой повседневности всерьез не обсуждались. В.В. Набоков в своих комментариях к пушкинскому роману отметил, что обычно старались путешествовать зимой, но, «с другой стороны, зима могла наме-

сти столько снега, что путешествие “по снежному пути” становилось не лучше, чем по слякоти и грязи» [20, с. 666–667]. Историк Н.С. Борисов в книге о российских дорогах лишь вкратце отметил тяготы пути «от ухабов, раскатов и зажоров», а также от вынужденной езды по снежной целине [4, с. 74–75].

Эту тематику уместно изучать в контексте исследований так называемой дорожной традиции России (иначе: дорожной повседневности, культуры дороги, традиционной культуры путешествия). Дорожная традиция – это те условия, обстоятельства, ситуации, которые были свойственны сухопутным перемещениям на дальние расстояния в той или иной стране [27; 12; 26; 13; 16; 28; 4; 17; 9].

Источниками для изучения особенностей зимних передвижений могут служить многочисленные нарративы, созданные современниками. Прежде всего, это мемуарные тексты и публицистика. Важными являются также произведения художественной литературы. Главное, чтобы дорожная тематика во всех таких текстах не была основной, сюжетообразующей, а вводилась для дополнительной характеристики обстоятельств места и времени. Это обеспечивает достаточную объективность и ценность таких нарративов, как исторические источники.

Как обстояло дело с зимними передвижениями по сухопутным дорогам России в XIX в.? Насколько просто и быстро можно было добраться на ямщицкой тройке, в собственной кибитке или с санным обозом из той или другой столицы в провинцию, губернский город, поместье, монастырь? С какими типичными трудностями, неудобствами, опасностями сталкивались возницы и седоки? Некоторые аспекты этой проблематики будут рассмотрены ниже.

В свою повесть «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета» (1844) ее автор В.И. Даль, много поездивший по России, вставил знаменательную фразу: «Потянулся обоз наш шаг за шагом ухабами, по знаменитой, не знаю за что, на помине, русской зимней дороге». И следом – выразительное описание скучных, тягучих перегонов да постоянных мелких неприятностей [6, с. 139–140].

С.Т. Аксаков в автобиографической книге «Детские годы Багрова-внука» (1857) вспоминал, как его ребенком катали в малом возке по заснеженному Заволжью. Возок закупирили, чтобы спастись от холода («мороз был страшный»). Сидеть там было неприятно хотя бы из-за духоты. «Эта дорога, продолжавшаяся почти двое суток, оставила во мне самое тягостное и неприятное воспоминание». И далее: «Я не могу описать тревоги и волнения, которое я испытывал тогда. У меня было и предчувствие и убеждение, что с нами случится какое-нибудь несчастье, что мы или замерзнем, как воробьи и галки, которые на лету падали мертвыми, по рассказам Параши, или захвораем. <...> Мои страхи были не совсем неосновательны: у нас точно замерз было чувашенин, ехавший форейтором в нашем возке. Будучи плохо одет, он так озяб, что упал без чувств с лошади; его оттерли и довели благополучно до ближайшей деревни». Аксаков утверждал, будто с тех пор стал испытывать «ужас и отвращение к зимней езде на переменных обывательских лошадях по проселочным дорогам: мочальная сбруя, непри-

вычные малосильные лошаденки... и, наконец, возчики, не довольно тепло одетые... все это поистине ужасно». Вдобавок ко всему их возок тогда наткнулся на пень, опрокинулся, и он, ребенок, раскроил бровь о шляпку гвоздя и чуть не задохнулся, оттого что прочие люди и все вещи, которые были внутри, притиснули его [2, с. 405–409]. В другой своей книге («Воспоминания», 1855), Аксаков заметил: «Езда зимой... по проселочным дорогам тогдашней Уфимской губернии... представляется мне теперь в таком ужасном виде, что сердце замирает от одного воспоминания» [1, с. 11]. А ведь эти проезды случались при относительно комфортных условиях: мальчика сажали в закрытый возок, и внутри было не слишком холодно, по пути делали длительные остановки в крестьянских избах и т. п. При этом те взрослые, кто находился снаружи, – прежде всего, возницы, «не довольно тепло одетые», или форейторы, которым приходилось ехать верхом на передней лошади, – просто-напросто рисковали здоровьем, если не жизнью.

Герой книги М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина» (1887–1889), припоминая далекие годы, повествовал о таком же: «Зимние поездки... были скучны и неприятны. Нас затискивали... в запряженный гусем возок, как сельдей в боченок, и при этом закутывали так, что дышать было трудно. <...> К счастью, зимний путь был короче, и мы имели всего три остановки» [25, с. 196–197]. Да, на полозьях, как правило, получалось быстрее, чем на колесах. А гусем запрягали лошадей оттого, что дорога из-за многоснежья получалась совсем узкой.

В 1856 г. литератор и этнограф С.В. Максимов, командированный Морским министерством для объезда Русского Севера, добирался из Петербурга в Архангельск. Свое самочувствие после долгого санного пути он воспроизводил в опубликованной через три года книге:

«Поздним зимним вечером подъезжал я в первый раз к Архангельску. Неприятности дальнего, с лишком тысячеверстного пути возымыли свою силу: чувствовалась физическая истома, нравственная пустота, болел весь состав тела, ныл, кажется, каждый мускул, воображение наполняли какие-то мрачные, невеселые образы. Тягостные впечатления принесли за собою прошлые сутки, ничего хорошего не сулили будущие. Так, по крайней мере, казалось на то время, когда привелось осиливать последние версты. <...> Сверкнет своими невеселыми огнями спопутная деревушка, обдаст она теплом своим, и опять непроглядная лесная чаща впереди и по бокам, и снова ровная поляна, отдающая матовым, мертвенно-синим снежным отливом. Волк бы взвыл, собака бы взлаяла, хоть бы сторож, наконец, где-нибудь стукнул в доску спросонья – повеселил бы изнывшую от сосредоточенной тоски душу, оживил бы истомленное до крайних пределов воображение.

Почти пластом, бездыханным трупом лежишь себе в кибитке и думаешь думу: отсоветую я другу и недругу одним разом, без ночевки, одолевать в дороге большие пространства; скверно: аппетиту лишаешься, сон не берет. Скажу я им: “Хорошо ездить на петербургских тройках верст за тридцать, пожалуй, и за сорок; не дурно проехать и сто верст; но верст за сто

уже утомляют; еще и еще дальше они едва выносимы, а за пятьсот уже каждая верста себя сказывает, каждая верста ложится на плечи тяжелым гнетом, давит сердце, тяготит душу, мертвит тело". И мечты, мечты... Добраться бы как-нибудь поскорее до большого города, "а в нем конец странствиям и мучениям: в губернском городе есть гостиница с теплым чаем, с кушаньями, есть и другие благодати..."» [15, с. 524–525].

Таков был многодневный путь зимою по Русскому Северу. Утомление физическое сказывалось на состоянии духа: наваливалась тоска... Это опять-таки ощущения пассажира, который «пластом, бездыханным трупом» лежит в кибитке. А вознице-то каково?

А так литератор Ф.В. Булгарин описывал всего лишь попытку зимнего выезда. Он жил тогда в Дерпте. В письме к своему знакомому от 28 января 1844 г. Булгарин сообщал о нелепом происшествии. Отправлялись они в 7 часов вечера, то есть было уже темно: «Я лежу в возке, обернутый в шубы – как мумия. – И так en avant (вперед. – В. К.)! Выехали за город – ни зги не видно – и следу нет! Шажком поплелись мы – и, проехав верст пяток, сбились с дороги. Кружили до полуночи по полю, бились об камни и наконец где-то провалились в болото! Работали все с полчаса, подняли возок, оборотили оглобли и возвратились откуда выехали! Вот каково начало вояжа!» [23, с. 198].

Литератор М.Л. (иначе: М.И.) Михайлов в сопровождении жандармов зимой 1861–1862 гг. ехал в Сибирь на каторгу. Вот так их возок с местным ямщиком отправлялся в ночь из Ярославля по замерзшему руслу Волги: «Вскоре после того, как мы выехали, поднялся ветер, не особенно сильный, но со снегом и поднял небольшую метель. <...> Когда кто-то из нас проснулся и тотчас разбудил других, мы стояли над польнейей. Ямщик не знал, что делать и где дорога». Ямщик искал дорогу, поворачивал возок то туда, то сюда, вымок по пояс: он «не переставал изумляться своей ошибке и изрекать проклятия на встретившиеся ему сани и на каких-то леших, сидевших в них». В итоге они снова подъехали к Ярославлю [19, с. 529–530]. Внезапно вынырнувшая из морозной мглы польня, куда чуть было не угодили путники, указывает на еще одну, смертельную опасность для тех, кто предпочитал зимой ездить по руслам больших рек.

Зимой было куда проще, чем в иные сезоны, заплутать, заблудиться, а то и попасть под власть лешего, нечистой силы – с тем же несчастливым итогом, как у Булгарина или Михайлова. Если в пути застава метель, заносившая дорогу, тогда путники вынуждены были переждать, рискуя замерзнуть до смерти. Для суеверных людей и снежные вихри казались проявлением нечистой силы – как у Пушкина: «домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают». Со второй половины XVIII в. по большим дорогам старались насаждать деревья. Они предохраняли путь от снежных заносов, а главное – указывали направление и в темноте, и в бурю [10]. Ориентироваться можно было и по верстовым столбам – правда, они расставлялись лишь на больших дорогах и вдали друг от друга. Иногда и на проселочных дорогах устанавливали вешки, указывающие путь [11, с. 138–139].

В художественной литературе и мемуарах описано множество случаев, подобных тому, как во время бурана «в степи замерзал ямщик». Это, например, знаменитый эпизод в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836). Рассказ Л.Н. Толстого «Метель» (1856) – о том, как ямщик, сам повествователь и ехавший с ними мальчишка заплутали в метельной степи – вполне автобиографичен, это с Толстым приключилось на Дону в январе 1854 г.

А ведь ямщику-то, тем более если он с седоками, проще переждать буран, чем пешеходу. В феврале 1868 г. в глухом углу Пермской губернии при морозе 16–17 градусов и пронзительном ветре шли по зимнику 19-летний парень и 11-летний мальчик, спеша с заработков домой на Масленицу. Нигде в окрестностях не имелось никакого жилья. Парень был одет тепло, а мальчик – не очень. Стали замерзать. Парень пытался помочь мальчику, дал ему свою теплую одежду. Пробовал спичками зажечь костер, но безуспешно. Младший умер, а старшего подобрали встречные – весь обмороженный, он еле выжил [14]. Не только в теплое время года, но и суровыми российскими зимами сотни тысяч человек пешим порядком преодолевали десятки и сотни верст. По большим и малым дорогам брели бродяги, нищие, паломники, а еще рекруты, отставные солдаты, осужденные.

Император Александр I путешествовал гораздо быстрее и комфортнее, чем его подданные. Но страдал на зимних дорогах и он. Фрейлина и мемуаристка С. Шуазель-Гуфье, которая виделась с ним в Литве зимой 1812–1813 гг., вспоминала: «Император приехал из Петербурга в Вильну в три дня в открытых санях, что утомительнее, чем ночь, проведенная на бивуаках. И он сказал, смеясь: “За поездку в Вильну мне пришлось заплатить кончиком носа”» [24, с. 293]. Та зима и вправду была суровой.

Итак, зимние поездки по гужевым трассам России в XIX в. нередко оказывались затруднительными и даже опасными. Морозы и снежные заносы делали движение некомфортным или даже приостанавливали его, а в метель люди могли сбиться с пути и замерзнуть. Ближе к весне, особенно в северных губерниях, по краям дорог громоздились высокие сугробы и проезжая часть сужалась. Получались ухабы, и лошади выбивались из сил, чтобы их преодолеть. Случались опрокидывания саней, поломки и травмы. На узких зимниках встречным было нелегко разминуться, и дело доходило до конфликтов. Во всяком случае, движение сильно замедлялось.

При этом следует иметь в виду, что сухопутные перемещения в теплое время года обычно бывали еще менее удобными хотя бы из-за грязи и распутицы, а транспортировка грузов требовала приложения еще больших усилий. Примечательно, что как раз зимой, когда скользить по утрамбованному снегу было легче, дороги от частого проезда и повреждались. Все эти обстоятельства побуждали к иным способам передвижения. Издавна в России широко использовали речной транспорт. Но все же кардинальные перемены стали происходить только в результате прокладки железных дорог. Железнодорожные линии до сих пор являются важнейшим способом связывания воедино огромных пространств России.

Литература

1. Аксаков, С. Т. Воспоминания / С. Т. Аксаков // *Собрание сочинений* : в 4 томах. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1956. – Т. 4. – С. 5–163.
2. Аксаков, С. Т. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением Семейной хроники / С. Т. Аксаков // *Собрание сочинений* : в 4 томах. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1955. – Т. 1. – С. 281–603.
3. Анищенков, В. Размышления о русском характере / В. Анищенков // *Молодая гвардия*. – 2012. – № 3. – С. 226–237.
4. Борисов, Н. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья / Н. Борисов. – Москва : Молодая гвардия, 2010. – 440 с.
5. Васильев, М. И. Факторы формирования облика русских дорог в X – начале XX в. / М. И. Васильев // *Этнографическое обозрение*. – 2013. – № 3. – С. 125–135.
6. Даль, В. И. Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета / В. И. Даль // *Повести и рассказы*. – Москва : Советская Россия, 1983. – С. 27–267.
7. Корандей, Ф. С. Европейцы о Сибири: как Тюмень на время перестала быть транзитным пунктом на пути в Сибирь (Шадринский объезд): опыт антологии / Ф. С. Корандей // *Европа : международный альманах / ответственный редактор С. В. Кондратьев*. – Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2015. – Т. XIV / 1–2. – С. 205–221.
8. Коршунков, В. А. Американский путешественник на сибирских дорогах: впечатления и наблюдения Джорджа Кеннана / В. А. Коршунков // *Россия и Соединенные штаты: история отношений : сборник научных статей / [под редакцией В. Т. Юнгблуда]*. – Киров : Радуга-ПРЕСС, 2012. – С. 103–112.
9. Коршунков, В. А. Дорожная традиция России: повесть, обычаи, обряды / В. А. Коршунков. – Москва : ФОРУМ, 2015. – 240 с.
10. Коршунков, В. А. «Екатерининские березки»: придорожное обустройство в Вятской губернии / В. А. Коршунков // *Герценка : вятские записки / составитель Н. П. Гурьянова ; научный редактор В. А. Коршунков*. – Киров, 2013. – Вып. 22. – С. 69–76.
11. Коршунков, В. А. Как проехать среди снегов: дорожные трудности и неудобства на севере России в XIX – начале XX века / В. А. Коршунков // *Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки*. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 136–142. – DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2022-8-2-136-142>.
12. Коршунков, В. А. Неуступчивость: старинный обычай дорожных конфликтов в Яранском уезде Вятской губернии / В. А. Коршунков // *Славянская традиционная культура и современный мир : сборник материалов научно-практической конференции*. – Москва : Государственный республиканский Центр русского фольклора, 2002. – Вып. 4 / составитель В. Е. Добровольская. – С. 59–67.
13. Красиков, М. М. Мотив дороги в традиционной народной культуре украинцев / М. М. Красиков // *Культурное пространство путешествий : материалы научного форума (Санкт-Петербург, 8–10 апреля 2003 г.) / редактор-составитель Е. Э. Сурова*. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2003. – С. 68–70.
14. Луканин, А., прот. Самоотвержение молодого человека / Луканин А., прот. // *Пермские епархиальные ведомости*. – 1869. – № 14. – Отд. неофиц. – С. 187–191.
15. Максимов, С. В. Год на Севере / С. В. Максимов. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1984. – 607 с.
16. Матвеев, А. В. Основные элементы традиционной культуры путешествия сибирских татар Омского Прииртышья в XIX – первой трети XX века / А. В. Матвеев // *Культурологические исследования в Сибири*. – 2005. – № 2 (16). – С. 100–111.
17. Матвеев, А. В. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX – первая треть XX в.) / А. В. Матвеев. – Омск : ОмГПУ : Наука, 2010. – 230 с.
18. Мединский, В. Р. О русском пьянстве, лени и жестокости / В. Р. Мединский. – Изд. 2-е, испр. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 560 с.
19. Михайлов, М. Л. Записки / М. Л. Михайлов // *Сочинения*. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1958. – Т. 3. – С. 447–614.
20. Набоков, В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / В. Набоков. – Москва : Интелвак, 1999. – 1008 с.
21. Напольских, В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта: дневниковые записи, декабрь 1726 / В. В. Напольских. – Ижевск : Удмуртия, 2001. – 224 с.
22. Письма сестер Вильмот из России // *Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России / составитель, комментарии и именной указатель Г. А. Веселой ; вступительная статья Г. А. Веселой, С. С. Дмитриева*. – 2-е изд. – Москва : Советская Россия, 1991. – С. 247–509.
23. Письма Ф. В. Булгарина к Н. И. Шенигу / вступительная заметка и публикация А. И. Рейтבלата при участии Т. К. Шор // *Новое литературное обозрение*. – 2014. – № 129. – С. 192–210.
24. Шуазель-Гуфье, С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе // *Державный сфинкс / Евграф Комаровский, Роксандра Эдлинг, София Шуазель-Гуфье, Петр Вяземский*. – Москва : Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1999. – С. 237–384. – (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.).
25. Щедрин, Н. (Салтыков, М. Е.). Полное собрание сочинений / Щедрин, Н. (Салтыков, М. Е.). – Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1934. – Т. 17 : Пошехонская старина. – 487 с.
26. Щепанская, Т. Б. Культура дороги в русской мифологической традиции XIX–XX вв. / Т. Б. Щепанская. – Москва : Индрик, 2003. – 528 с.
27. Щепанская, Т. Б. Культура дороги на Русском Севере / Т. Б. Щепанская // *Полевые исследования ГМЭ народов СССР. 1985–1987 гг. : тезисы докладов научной сессии / ответственный редактор О. В. Лысенко*. – Ленинград : Наука, 1989. – С. 79–80.
28. Randolph, J. W. The Singing Coachman or, The Road and Russia's Ethnographic Invention in Early Modern Times / J. W. Randolph // *Journal of Early Modern History*. – 2007. – Vol. 11. – № 1–2. – P. 33–61.

V.A. Korshunkov

«IN A CARRIAGE WITHOUT WHEELS»: THE FEATURES OF WINTER JOURNEYS ALONG THE ROADS OF RUSSIA IN THE 19TH CENTURY

The road and transport issues (Russian road tradition) are very important for understanding Russian history. The article draws attention to the difficulties and inconveniences inherent in winter roads of Russia in the 19th century. The identified and studied narrative sources prove that almost every long winter journey could become unpredictable and dangerous, and this significantly hampered the economic and daily life of the country.

Road tradition of Russia, winter, transport, traffic, road incidents, memoirs.



Д.А. Нестеров

Самарский государственный социально-педагогический университет

ТРАНСФЕР КОЛОНИАЛЬНОГО ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ В КОНТРПАРТИЗАНСКИХ ОПЕРАЦИЯХ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД И КОРПОРАЦИЯ РЭНД

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект 22-18-00011

В статье рассмотрены особенности изучения и толкования корпорацией РЭНД колониального опыта использования авиации в рамках антиповстанческих операций. Показаны предпосылки данного процесса. Проведен критический анализ экспертных материалов американского аналитического центра. Делается вывод о том, что корпорация РЭНД идеализировала колониальный опыт с целью того, чтобы обосновать увеличение финансирования и роли ВВС США в конфликтах низкой интенсивности. Необходимость использования колониального опыта Великобритании обосновывалось тем, что применение авиации в контрпартизанских операциях снижало финансовые затраты и человеческие потери.

Авиация, колониальный опыт, контрпартизанские операции, корпорация РЭНД, трансфер, межвоенный период.

Корпорация РЭНД проявляла экспертное внимание к колониальному опыту использования авиации в рамках проведения контрпартизанской деятельности еще в первой половине 1960-х годов. Это выразилось в организации аналитическим центром серии международных конференций, в рамках которых были проведены встречи с офицерами ВВС США, Франции, Великобритании и ее доминионов [7; 8; 9; 23; 24; 26].

Интерес к подобному опыту со стороны корпорации РЭНД объяснялся, с одной стороны, вниманием представителей военно-политической элиты США, ответственной за принятие важных внешнеполитических решений, к возможности использования колониальных тактических и стратегических решений к подавлению мятежей в странах «третьего мира» в условиях Вьетнамской войны [6; 11; 21]. С другой стороны, обращение к вопросу использования ВВС в конфликтах низкой интенсивности корпорацией РЭНД объяснялось и тем, что данный аналитический центр изначально был создан с целью проведения экспертной деятельности для американских ВВС [25, р. 825–826]. При этом представители военно-политической элиты США и эксперты американской «фабрики мысли» уделяли повышенное внимание британскому опыту в Малайе в годы чрезвычайной ситуации (1948–1960 гг.), полагая, что именно он является релевантным ситуации во Вьетнаме [2].

Тем самым были проигнорированы антиповстанческие операции периода Интербеллума, хотя именно тогда были созданы основные теории и практики подавления мятежей, примененные в малайском опыте. Подобного рода исследовательская «слепота» приводила к превратному, а часто и ложному пониманию действий колониальных служб во время чрезвычайной ситуации в Малайе. Как справедливо заметил Т. Макаитис, «предположение, что повстанчество

являлось коммунистическим феноменом, привело к тому, что западные аналитики пренебрегли довоенным опытом... Малайя – это кульминация, а не точка отсчета, не формула, выведенная на основании одного единственного эксперимента» [17, р. 7].

Тем не менее, как представляется автору данного исследования, причина подобной «близорукости» не сводилась лишь к методологической установке о коммунистическом феномене партизанских движений. Не меньшую роль сыграл и тот факт, что офицеры британских колониальных служб замалчивали нелицеприятные для политической элиты США подробности подавления мятежа в Малайе. К ним относится применение таких колониальных практик, как пытки, незаконные аресты, убийства мирных жителей (в том числе женщин и детей) [18, р. 92; 5; 10, р. 338–343]. И если в случае с Малайей и Кенией британские союзники могли скрыть подобные нелицеприятные сведения, то вот о подобных операциях Интербеллума все уже было известно. А учитывая антиколониальные взгляды Дж. Ф. Кеннеди, этот довод был весомым [14].

Ситуация изменилась в 1989 году, когда один из ведущих американских экспертов в сфере контртеррористической деятельности Брюс Хоффман представил аналитический доклад «Британские военно-воздушные силы в периферических конфликтах в 1919–1976 годах» [13], в котором рассмотрел третью англо-афганскую войну 1919 г., антиповстанческие операции в Ираке, Северной Ирландии, Трансиордании, Палестине и Адене, а также на северо-западной границе Индии.

Б. Хоффман стал экспертом корпорации РЭНД в 1981 г. после окончания Оксфордского университета, где защитил диссертацию, посвященную терроризму на Ближнем Востоке [4]. Подобную тематику он продолжил рассматривать и в рамках сотрудничества с

крупнейшим аналитическим центром США. Следует отметить, что авторитет Б. Хоффмана в сфере противодействия терроризму настолько силен, что он был одним из ведущих авторов Заключительного отчета Национальной комиссии по террористическим нападениям на Соединенные Штаты [20].

Таким образом, можно сделать вывод, что рассматриваемый в статье доклад эксперта РЭНД был направлен на то, чтобы убедить американские элиты, во-первых, в увеличении роли ВВС в грядущей войне за Персидский залив, а во-вторых, актуализировать трансфер колониального опыта антиповстанчества Британской империи, только уже не в рамках войны во Вьетнаме, а в контрпартизанской деятельности на Ближнем Востоке.

В своем экспертном заключении Б. Хоффман сосредоточил внимание на последовательном аргументировании эффективности метода «воздушного контроля», согласно которому именно ВВС, а не пехота должны осуществлять контрпартизанскую деятельность, поскольку именно так удастся избежать серьезных финансовых и человеческих потерь [13, р. 10–11]. При этом Б. Хоффман фактически транслирует те же доводы, что и сторонники «воздушного контроля» в межвоенный период [3; 16; 22], не ставя под сомнение их аргументы и не перепроверя изложенные факты.

Подобного рода ангажированность проявилась и в том, что аналитик корпорации РЭНД довольно объемные фрагменты текста посвятил описанию противостояния сторонников «воздушного контроля» с представителями Имперского Генерального штаба [13, р. 4, 7, 10]. Однако Б. Хоффман даже не упоминает о доводах противников активного использования ВВС в колониальных конфликтах, вскользь отмечая лишь то, что сухопутные войска не хотели лишиться финансирования и своего положения [13, р. 4].

При этом эксперт отмечает, что сторонникам «воздушного контроля» удалось отстоять свою позицию, найдя поддержку у влиятельных людей – Уинстона Черчилля и полковника Т.Э. Лоуренса, известного как Лоуренс Аравийский (Там же, р. 10, 13). Поэтому из доклада Б. Хоффмана делается недвусмысленный вывод, что конфликт между сухопутными войсками и ВВС в контексте проведения антиповстанческой операции неизбежен, так как они ведут борьбу за финансовое положение. В этой связи эксперт корпорации РЭНД рекомендует представителям ВВС США искать для себя покровителей в высших эшелонах власти, которые смогут лоббировать их интересы.

С точки зрения Б. Хоффмана, роль ВВС Великобритании в контрпартизанских операциях заключалась в осуществлении разведывательной деятельности, уничтожении противника в труднодоступных и удаленных местах, а также в снабжении войск (Там же, р. 31–32). Но наибольший вклад ВВС, по мнению эксперта РЭНД, заключен в том, что они позволили сэкономить как человеческие, так и финансовые ресурсы. Так, Б. Хоффман указывает, что экономия составила 650 000 фунтов стерлингов в год, а общие потери ВВС – 26 человек (Там же, р. 34–35). Тем самым эксперт РЭНД в большей степени дает аргументацию

для увеличения финансирования и роли ВВС США в малых войнах в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Несмотря на то что Б. Хоффман одной фразой упоминает тот факт, что эффективность авиации в подавлении мятежей фиксировалась лишь в пустынях Ирака, он тут же подробно излагает участие ВВС в контрпартизанских операциях на густонаселенных территориях [13, р. 20]. Таким образом, эксперт РЭНД попытался представить колониальный опыт британской авиации в более выгодном свете.

На самом деле, как отмечает ведущий исследователь колониального опыта британских ВВС в подавлении мятежей Д. Омиси, «воздушный контроль» был эффективен только против кочевников, населявших ближневосточные пустыни, но даже они быстро адаптировались к атакам с воздуха – строили бомбоубежища, укрытия. Более того, не редки были случаи, когда повстанцам удавалось сбивать самолеты точным винтовочным огнем (Там же, р. 208). Более того, колониальные власти Британии не могли себе позволить политические издержки чрезмерного насилия, сопровождающего бомбардировки, поэтому столкнувшись с крупным восстанием в Палестине, Британская империя была вынуждена вернуться к традиционным методам антиповстанчества [19, р. 209]. Об этих политических издержках эксперт РЭНД Б. Хоффман в своем докладе предпочел умолчать.

Помимо этого, эффективность колониальных ВВС была связана и с характером мятежей. Они показывали результат только в случаях массовых военных столкновений на большой территории, но в ситуациях городских восстаний, митингов, бойкотов их эффективность снижалась до нуля (Там же, р. 212–214).

Как справедливо отмечает С.Г. Малкин, недопущения и/или подавления восстаний, все чаще означавших подпольную деятельность в сочетании с распространением влияния не только в сельской местности, но и в городах, – этот подход не оправдал ожиданий, хотя в отношении племенных образований Ближнего и Среднего Востока он приносил определенный результат, позволявший до поры до времени говорить о его состоятельности [1, с. 28].

Следует отметить и то, что уже во второй половине 1920-х годов в среде самих ВВС Великобритании все чаще раздавались голоса о том, что «воздушный контроль» не является универсальным средством контрпартизанской деятельности. По мнению ряда офицеров авиации, необходим был дифференцированный подход к патрулированию империи, в рамках которого ВВС использовались бы только на северо-западной границе Британской Индии, в труднодоступных и малонаселенных районах Ближнего Востока и Африки прежде всего [12; 15].

Эксперт РЭНД Б. Хоффман понимал, что использование колониальных ВВС в патрулировании империи было сильно ограниченным, хоть и не писал об этом прямо. Так, аналитик отказался в описании характеристик мятежей межвоенного периода от использования термина «конфликт низкой интенсивности» в сторону менее распространенной дефиниции «периферийный конфликт», объясняя это тем, что восстания и боевые действия происходили в сельской местности [13, р. 1].

Б. Хоффман в своем докладе предложил ВВС США использовать следующий колониальный опыт Британской империи в условиях осуществления контрпартизанской деятельности: разведка территории с помощью авиации, запугивание населения постоянным воздушным патрулированием, бомбардировка лагерей повстанцев, экстренная эвакуация иностранных граждан и беженцев, доставка продовольствие и боеприпасов [13, р. 17, 22, 31]. При этом ВВС должны играть в антиповстанческих операциях главенствующую роль, а пехота вспомогательную (Там же, р. 22).

Таким образом, можно отметить, что в конце 1980-х годов в корпорации РЭНД вновь фиксируется интерес к колониальному опыту использования ВВС в подавлении мятежей на перифериях империи. Характер доклада Б. Хоффмана позволяет сделать вывод об ангажированности эксперта, его симпатиях к Британской империи, что подтверждается и фактами, изложенным в экспертном заключении, и биографией Б. Хоффмана – его обучением в Оксфордском университете.

Доклад эксперта РЭНД также показывает, что его главной целью было обоснование увеличения роли ВВС США в конфликтах на Ближнем и Среднем Востоке, так как Б. Хоффман указывал, что аналогичный подход Британской империи позволил существенно снизить финансовые затраты и количество потерь в армии.

Литература

1. Малкин, С. Г. От малых войн к герилье: имперская школа военной мысли Великобритании в эпоху Интербеллума / С. Г. Малкин // Новая и новейшая история. – № 6. – С. 22–30.
2. Нестеров, Д. А. Историческое моделирование асимметричных конфликтов в британо-американском дискурсе в середине 1960-х годов / Д. А. Нестеров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 487–493.
3. Borton, A. E. The Use of Aircraft in Small Wars / A. E. Borton // Royal United Services Institution. Journal. – 1920. – Vol. 65. – № 458. – P. 310–319.
4. Bruce Hoffman // Center for Jewish Civilization Georgetown University. – URL: <http://cjc.georgetown.edu/people/bruce-hoffman/> (дата обращения: 18.06.2022). – Текст : электронный.
5. Cobain, I. Britain destroyed records of colonial crimes / I. Cobain, O. Bowcott, R. Norton-Taylor // The Guardian. April 17. – 2012. – URL: <https://www.theguardian.com/uk/2012/apr/18/britain-destroyed-records-colonial-crimes> (дата обращения: 18.05.2022). – Текст : электронный.
6. Coordination Group (Office of Chief of Staff), “An Approach to the Creation of the Capability to Conduct Unconventional Warfare,” April 13, 1961, 9, box 326, folder “Staff Memoranda, Walt W. Rostow, Guerrilla and Unconventional Warfare, 4/12/61–5/31/61,” Kennedy Papers, NSF–Meetings and Memoranda, JFKL. – URL: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKNSF/326/JFKNSF-326-002> (дата обращения: 07.05.2022). – Текст : электронный.
7. Counterinsurgency A. I. N. Symposium on the role of airpower in counterinsurgency and unconventional warfare: allied resistance to the Japanese on Luzon, World War II. – Santa Monica, CA: RAND Corp., 1963. – URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM3655.html (дата обращения: 16.06.2022). – Текст : электронный.

8. Counterinsurgency symposium on the role of airpower in counterinsurgency and unconventional warfare: the Algerian war. – Santa Monica, CA: RAND Corp., 1963. – URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM3653.html (дата обращения: 16.06.2022). – Текст : электронный.

9. Counterinsurgency symposium on the role of airpower in counterinsurgency and unconventional warfare: unconventional warfare in the Mediterranean theater. – Santa Monica, CA: RAND Corp. 1963. – URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM3656.html (дата обращения: 16.06.2022). – Текст : электронный.

10. Curtis, M. Web of Deceit: Britain’s Real Role in the World / M. Curtis. – London : Vintage, 2003. – 528 p.

11. George McGhee and Edward Lansdale, “Decisive Factors of the Counter-Guerrilla Campaigns in Greece, Malaya and the Philippines,” November 1961, 3–5, folder, “Department of Defense, Subject, Special Warfare, 2/61–5/61”, box 279, Kennedy Papers, NSF–Departments and Agencies, JFKL. – URL: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKNSF/326/JFKNSF-326-010> (дата обращения: 18.05.2022). – Текст : электронный.

12. Hampton, H. N. The Co-operation of Land and Air Forces in Kurdistan, 1923.(A Reply to» Air Co-operation in Hill Fighting») / H. N. Hampton // The RUSI Journal. – 1927. – Vol. 72. – P. 821–828.

13. Hoffman, B. British Air Power in Peripheral Conflict, 1919–1976 / B. Hoffman. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1989. <https://www.rand.org/pubs/reports/R3749.html> (дата обращения: 18.06.2022). – Текст : электронный.

14. John F. Kennedy Speeches. Remarks of Senator John F. Kennedy in the Senate, Washington, D.C., July 2, 1957 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. – URL: https://www.jfklibrary.org/Research/Research-Aids/JFK-Speeches/United-States-Senate-Imperialism_19570702.aspx (дата обращения: 14.06.2022). – Текст : электронный.

15. MacClellan, G. P. Air Co-Operation in Hill Fighting: Kurdistan, 1923 / G. P. MacClellan // Royal United Services Institution. Journal. – 1927. – Vol. 72, № 486. – P. 318–326.

16. Mackay, C. J. The Influence in the Future of Aircraft upon problems of Imperial Defence / C. J. Mackay // Royal United Services Institution. Journal. – 1922. – Vol. 67. – № 466. – P. 274–310.

17. Mockaitis, T. R. Low-intensity conflict: The British experience / T. R. Mockaitis // Journal of Conflict Studies. – 1993. – Vol. 13, № 1. – P. 7–16.

18. Ngoei, Wen-Qing. Arc of Containment: Britain, the United States, and Anticommunism in Southeast Asia / Wen-Qing Ngoei. – Ithaca, New York : Cornell University Press, 2019. – 270 p.

19. Omissi, D. Air power and colonial control: the Royal Air Force, 1919–1939 / D. Omissi. – Manchester : Manchester University Press, 1990. – 260 p.

20. Panel Conducts Review of FBI Since 9/11 Commission Report // FBI official cite. – URL: <https://www.fbi.gov/news/stories/panel-conducts-review-of-fbi-since-911-commission-report> (дата обращения: 18.06.2022). – Текст : электронный.

21. Papers of John F. Kennedy. Presidential Papers. National Security Files. Meetings and Memoranda. National Security Action Memoranda [NSAM]: NSAM 9, re: General Lansdale’s Story of the Counter-Guerrilla Case Study. JFKNSF-328-010. John F. Kennedy Presidential Library and Museum. – URL: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKNSF/328/JFKNSF-328-010> (дата обращения: 19.05.2022). – Текст : электронный.

22. Peck, R. H. Aircraft in small wars / R. H. Peck // Royal United Services Institution. Journal. – 1928. – Vol. 73, № 491. – P. 535–550.

23. Peterson, A. H. Symposium on the Role of Airpower in Counterinsurgency and Unconventional Warfare: Chindit Op-

erations in Burma / A. H. Peterson, E. E. Conger, G. C. Reinhardt. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1963. – URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM3654.html (дата обращения: 16.06.2022). – Текст : электронный.

24. Peterson, A. H. Conger and George C. Reinhardt. Symposium on the Role of Airpower in Counterinsurgency and Unconventional Warfare: The Philippine Huk Campaign / A. H. Peterson. – Santa Monica, CA : RAND Corporation, 1963. – URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM3652.html (дата обращения: 16.06.2022). – Текст : электронный.

25. Specht, R. D. RAND—A personal view of its history / R. D. Specht // Operations Research. – 1960. – Vol. 8, №. 6. – P. 825–839.

26. Symposium on the Role of Airpower in COIN and Unconventional Warfare: The Malayan Emergency / Ed. by A. H. Peterson, G. C. Reinhardt, E. E. Cogner. Memorandum RM-3651-PR. Sponsored by the Department of Defense. – Santa Monica, CA: RAND Corp., 1963. URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM3651.html (дата обращения: 16.06.2022). – Текст : электронный.

D.A. Nesterov

TRANSFER OF COLONIAL EXPERIENCE IN USING THE AIR FORCE DURING COUNTERGUERRILLA OPERATIONS IN THE INTERWAR PERIOD AND THE RAND CORPORATION

The article discusses the features of the study and interpretation by the RAND Corporation of the colonial experience of using aviation during counterinsurgency operations. The prerequisites of the process are discussed. The critical analysis of the expert materials of the American analytical center was carried out. It is concluded that the RAND Corporation idealized the colonial experience in order to justify the increase in funding and the role of the US Air Force in low-intensity conflicts. The need to use the colonial experience of Great Britain was justified by the fact that the use of aviation in counter guerrilla operations reduced financial costs and human losses.

Aviation, colonial experience, counter guerrilla operations, RAND Corporation, transfer, interwar period.



Д.В. Перевозчиков

*Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения РАН*

ТЕРРОР НЕ ПРИГОВОР: СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ИЗ УДМУРТИИ В КОНЦЛАГЕРЕ МАУТХАУЗЕН (1941–1945 ГГ.)

В статье на основе архивных материалов, впервые введенных в научный оборот, затрагивается вопрос о советских воинах из Удмуртской АССР, которые после попадания в плен содержались в гитлеровском концентрационном лагере Маутхаузен. Несмотря на все невзгоды, некоторые из них остались в живых, встретили Победу в Великой Отечественной войне и вернулись на родину. В исследовании на основе опубликованных материалов Нюрнбергского процесса и воспоминаний очевидцев охарактеризован режим в концентрационном лагере. Он был специально организован правителями фашистской Германии для истребления различными методами военнопленных и других категорий заключенных, являвшихся противниками гитлеровской диктатуры. В исследовании представлены основные вехи биографий солдат и офицеров из Удмуртии, которые смогли перенести все тяготы этого концентрационного лагеря и уцелеть. В работе упомянуты также погибшие узники и лица, судьба которых после попадания за колючую проволоку до конца не ясна. При анализе архивных документов выявлены причины, определявшие попадание советских военнопленных в Маутхаузен, а также некоторые факторы, способствовавшие выживанию заключенных. Воспоминания бывших узников во многом подтверждают характеристику режима этого концентрационного лагеря, оглашенную на Нюрнбергском процессе в 1945–1946 гг. Факты, изложенные в исследовании, позволяют утверждать о том, что упоминание в архивных документах о гибели воина за колючей проволокой отнюдь не всегда говорит об истинности данного утверждения. Исследование проливает свет на одно из «белых пятен» истории Великой Отечественной войны.

Великая Отечественная война, Удмуртия, советские военнопленные, концлагерь Маутхаузен.

В перечень крупнейших нацистских концентрационных лагерей входил Маутхаузен (KL Mauthausen). Он появился в захваченной гитлеровцами Австрии 8 сентября 1938 г. и находился неподалеку от северного берега р. Дунай, у одноименного городка. Указанное карательное учреждение первоначально являлось филиалом старейшего немецко-фашистского концлагеря Дахау. Позднее его статус изменился. В марте 1939 г. Маутхаузен стал самостоятельным пунктом заключения лиц различных национальностей, неугодных гитлеровской диктатуре. Этот концлагерь стал центром своеобразной «империи за колючей проволокой», включавшей 49 его отделений, размещенных в основном в северной части Австрии, западнее Вены. В число крупнейших филиалов Маутхаузена входили Гузен (24 тыс. заключенных), Эбензе (не менее 18 тыс.), Мельк (более 10 тысяч).

В лагере погибли не менее 110 тысяч узников, среди них более 32 тысяч граждан СССР и 30 тысяч поляков. Принудительный труд заключенных использовался в каменоломнях, а с 1943 г. на военных заводах присоединенной к рейху Австрии. В Маутхаузене содержалась группа военнопленных, состоявшая из политруков РККА, с которой гитлеровцы обращались с особой жестокостью.

В этом лагере находился генерал-лейтенант Красной Армии Д.М. Карбышев, который в 1941 г. тяжело раненным попал в плен. Нацисты жестоко расправились с узником за организованную им в Маутхаузене подпольную антифашистскую работу среди

заключенных. В 1946 г. Д.М. Карбышеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В сентябре 1944 г. в Маутхаузен приезжал министр внутренних дел фашистской Германии, рейхсфюрер СС Гиммлер. Он наблюдал за казнью 50 советских военнопленных офицеров (главным образом политруков), которых убили выстрелами в затылок.

Чтобы сократить численность узников перенаселенного концлагеря, больных и самых ослабленных заключенных раздевали и принуждали голыми находиться на морозе по 18 часов. Затем немногих выживших отправляли в душ и заставляли полчаса стоять под ледяной водой. Были случаи, когда на военнопленного, не присутствовавшего на перекличке, эсэсовцы на глазах у других заключенных в качестве наказания натравливали разъяренных собак. Немецкий доктор Кребсбах умертвлял узников Маутхаузена посредством инъекций. Многие советские военнопленные были убиты ударами палок во время выполняемой ими непосильной работы. Одной из особенностей Маутхаузена являлось истребление заключенных посредством тяжелого принудительного труда при их очень скудном питании [1, с. 182–183].

Но терпение узников не было беспредельным. В ночь с 2 на 3 февраля 1945 г. группа пленных советских офицеров, содержащихся в Маутхаузене, совершила организованный массовый побег. Из них выжили и вернулись на родину не менее 10 человек.

Первые 2 тысячи советских военнопленных были доставлены в этот лагерь в ноябре 1941 г. [2, с. 436].

В Маутхаузене находились также гражданские лица из Советского Союза. Среди узников встречались солдаты и офицеры, призванные на передовую из Удмуртской АССР. Указанный вопрос недостаточно разработан в научных публикациях, хотя имеется немало исследований, посвященных участию жителей республики в Великой Отечественной войне [3–5].

В период 1941–1945 гг. в Маутхаузене среди пленных находились воины, призванные на фронт более чем из 10 районов и городов Удмуртии. Этим солдат и офицеров можно распределить на категории выживших в концлагере, погибших и тех, судьба которых до сих пор остается до конца не выясненной.

Неожиданными поворотами богата биография тех, кто сумел уцелеть в Маутхаузене, дожидаясь освобождения и вернуться на родину. Уроженец д. Новый Ошмес Можгинского района Удмуртии Аркадий Николаевич Ворожцов закончил авиационное училище в г. Энгельсе. В 1937 г. 21-й летний выпускник был призван в армию Октябрьским райвоенкоматом г. Саратова. Летом 1942 г. кадровый офицер, лейтенант Ворожцов служил командиром звена 2-го авиаполка 204-й бомбардировочной авиадивизии. 4 июля не возвратился с боевого задания по разведке [6, л. 3]. Впоследствии выяснилось, что самолет Пе-2, экипажем которого командовал А.Н. Ворожцов, после боя с «мессершмиттами» совершил вынужденную посадку северо-западнее Ржева. 7 июля в бессознательном состоянии лейтенант попал в плен. Находился в концентрационных лагерях, располагавшихся в Калининской и Смоленской областях. С августа 1942 г. нацисты содержали его в концлагере на территории польского города Лодзь (Stalag Luft 2). А.Н. Ворожцов сумел бежать оттуда и присоединиться к местным подпольщикам. Писал статьи для польской антифашистской газеты. Слушая советское радио, составлял листовки с информацией о положении на Восточном фронте.

Но в группе Сопrotивления оказался агент гестапо. 18 апреля 1943 г. гитлеровцы схватили А.Н. Ворожцова и его товарищей. Через год после ареста, пройдя через тюрьмы Варшавы, Кракова и Лодзи, он оказался в концлагере Освенцим, известном своими «медицинскими экспериментами» над беззащитными узниками, крематориями, газовыми камерами и другими бесчеловечными методами массового истребления противников гитлеровского режима. Впоследствии А.Н. Ворожцов две недели находился на фильтрации в Маутхаузене, а затем был отправлен в концлагерь, находившийся в австрийском г. Линц. В начале мая 1945 г. у заминированного гитлеровцами бомбоубежища, куда их вели на расстрел, А.Н. Ворожцов и другие узники подняли восстание, захватили оружие, перебили фашистов, вернулись в лагерь и двое суток охраняли его своими силами. 5 мая г. Линц заняли американские войска. Через несколько дней после восстания А.Н. Ворожцов и другие бывшие военнопленные отправились в советские госпитали для лечения. В ноябре 1945 г. он был репатрирован [7, л. 25]. Прошел проверку в фильтрационном лагере НКВД № 806, направленную на выявление среди бывших узников нацистских мест заключения дезертиров, лиц, перешедших на сторону врага, военных

преступников, карателей, а также завербованных гитлеровцами агентов абвера и СД. Никаких серьезных обвинений к А.Н. Ворожцову не было предъявлено, поэтому он вернулся в армию и служил в 359-м стрелковом запасном полку 14-й стрелковой дивизии Московского военного округа. В 1945 г. был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Демобилизовавшись, бывший военнопленный уехал к матери, которая проживала в г. Ижевске. Работал в Министерстве сельского хозяйства Удмуртской АССР, затем главным зоотехником местной племенной животноводческой станции [8, с. 25–30, 34–59, 87–102, 132]. В 1965 г. удостоен ордена Отечественной войны I степени.

Судьба пограничника Александра Карповича Буракова противоречива. Одни источники говорят о его смерти в концлагере Маутхаузен, другие о том, что он выжил и дождался освобождения. А.К. Бураков родился в 1917 г. в г. Сарапуле. Получил гражданскую специальность агронома. Но впоследствии его судьба резко изменилась. Еще до начала Великой Отечественной войны он получил должность заместителя начальника заставы 95-го Надворнянского погранотряда войск НКВД СССР, которая дислоцировалась на границе с Венгрией. 22 июня 1941 г. на западных рубежах страны начались ожесточенные сражения. Чтобы не попасть в окружение, пограничное подразделение, где служил А.К. Бураков, вынуждено было отступить в глубь Западной Украины. В августе 1941 г. в районе с. Подвысокое Кировоградской области, где разгорелись жаркие бои, лейтенант А.К. Бураков попал в плен. Содержался в офицерах XIII А и XIII Д (г. Нюрнберг-Лангвассер). Офицер-пограничник не хотел беспрекословно подчиняться бесчеловечному режиму, господствовавшему в них. 11 августа 1944 г. в качестве наказания гитлеровцы отправили непокорного узника в гестапо близлежащего баварского г. Вюрцбург, а затем в Маутхаузен [9]. Далее следы пограничника теряются, и напрашивается вывод о его гибели в Австрии. Однако в одном из архивных документов упоминается о том, что Александр Карпович Бураков 1917 года рождения проходил проверку в советском фильтрационном лагере [10], что могло в данном случае произойти только после окончания Великой Отечественной войны.

В Маутхаузене удалось также выжить уроженцу д. Бултышка Кировской области Ивану Александровичу Путинцеву. До войны он закончил акушерскую школу в Ижевске. В должности военфельдшера участвовал в боях на р. Халхин-Гол в Монголии, а затем в советско-финской войне. Весной 1941 г. 23-летний И.А. Путинцев служил командиром санитарного взвода в рядах размещенного в Сарапуле 166-го полка 98-й стрелковой дивизии. Перед началом Великой Отечественной войны, в середине июня подразделение направлялось на ст. Дретунь в Белоруссии. Бойцы заняли оборону по берегу реки Западной Двина. Через двое суток немецкие войска атаковали боевые порядки 98-й стрелковой дивизии. Начались тяжелые оборонительные бои. Воспользовавшись превосходством в танках и самолетах, под прикрытием плотного пулеметного огня и артиллерии гитлеров-

ские солдаты медленно продвигались на восток. Бойцы 98-й дивизии не раз попадали в окружение, но смогли сохранить знамя своей части, многие бойцы и командиры сумели прорваться к своим. Однако в ходе жестоких боев под Невелем и Великими Луками случалось, что раненные военнослужащие попадали в плен. Среди них был И.А. Путинцев. Некоторое время в документах РККА военнослужащий считался пропавшим без вести [11, л. 61]. В октябре 1941 г. гитлеровцы отправили его в пересыльный концлагерь, размещенный в районе г. Торопец. Вместе с другими пленными он работал на расчистке дорог. Позднее И.А. Путинцев попытался вместе с другими военными медиками бежать из неволи. Однако этот замысел не увенчался успехом. В наказание за попытку побега его отправили в Маутхаузен, присвоив вместо имени и фамилии № 64462 [12]. По свидетельству И.А. Путинцева, концлагерь по сути являлся крепостью. Здесь находились 24 барака, хозяйственные службы, лазарет и крематорий. Стены этой крепости состояли из камня, добытого неподалеку. В штольню спускалась длинная лестница. Истощенные пленные, которые не могли вынести камни наружу расстреливались эсэсовской охраной. В феврале 1945 г. пойманных после массового побега узников гитлеровцы затравливали собаками на глазах остальных заключенных.

7 мая 1945 г. оставшиеся в живых узники Маутхаузена были освобождены американскими войсками. После окончания войны И.А. Путинцев около года служил в советской воинской части, которая участвовала в организации процесса репатриации граждан СССР на родину. В апреле 1946 г. был демобилизован и вернулся в Удмуртию, где работал в совхозе «Правда» Завьяловского района [13, с. 3].

Похожей оказалась судьба Егора Николаевича Андреева. Он родился в д. Ботино ныне Селтинского района Удмуртии. На фронте старший сержант Андреев служил в 4-м полку той же 98-й стрелковой дивизии. В июле 1941 г. попал в плен под Невелем. Некоторое время считался пропавшим без вести [14, л. 12 об.]. Находился не только в Маутхаузене, но и в Дахау [15]. Несмотря на все испытания, выжил и дождался освобождения. После проверки в фильтрационном лагере был направлен в рабочий батальон, дислоцировавшийся в Молоотовской (Пермской) области. К 40-летию Победы был удостоен ордена Отечественной войны II степени.

Уроженец г. Уржум Кировской области Виктор Митрофанович Заболотский на фронт был призван из г. Ижевска Пастуховским райвоенкоматом. Служил в 355-й стрелковой дивизии в звании капитана интендантской службы. Попал в плен в июле 1942 г. Был отправлен гитлеровцами в филиал Маутхаузена – концлагерь Гузен-1 [16]. Работал бурильщиком на строительстве военного завода. Ему удалось дождаться освобождения и вернуться на родину. В 1945 г. был

награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». В 1985 г. получил орден Отечественной войны II степени.

Лейтенант Дмитрий Филиппович Шулепов воевал на Сталинградском фронте, служил командиром роты автоматчиков 36-й гвардейской стрелковой дивизии. Родился в 1918 г., в д. Кочурово Шарканского района Удмуртии. В 1938 г. призван в ряды вооруженных сил. С 1942 г. находился на передовой. В конце октября приказом по войскам 64-й армии Д.Ф. Шулепов был удостоен медали «За отвагу». В наградном листе говорится следующее: «В боях с врагом проявил себя храбрым, волевым командиром.

30.09.42 г. на высоте 128,2, когда враг, организовав огонь наземных средств и авиации, пытался вклиниться в нашу оборону, и на рубеж занимаемый ротой автоматчиков наступало около двух рот немцев, он подпустил врага на 150 метров и открыл огонь из всех средств. Атаки были отбиты, враг потерял около 90 человек убитыми и ранеными.

16.09.42 г. в боях за высоту 95,9, когда на рубеже 2-го батальона создавалась угроза прорыва, по своей инициативе оказал помощь. Враг был отброшен, и батальон сумел занять прочно рубеж обороны. В этом бою, проявив личную храбрость и отвагу, был ранен» [17, л. 165]. Той же осенью Д.Ф. Шулепов пропал без вести. Впоследствии выяснилось, что он попал в плен и погиб в Маутхаузене [18, л. 88]. Можно предположить его участие в массовом побеге узников концлагеря, которое состоялось в феврале 1945 г.

В результате проведенного исследования удалось выяснить, что как минимум 11 воинов из Удмуртии уцелели в Маутхаузене и вернулись домой. Не менее 15 погибли, при этом судьба 6 лиц остается не выясненной до конца (табл. 1). Среди упомянутых военнослужащих было немало офицеров. Свидетельства выживших в Маутхаузене в основном подтверждают сведения, оглашенные о нем на Нюрнбергском процессе.

Если рассматривать советских граждан, оказавшихся в неволе на чужбине, то, как правило, в Маутхаузен направлялись военнопленные-офицеры, политруки РККА, узники, совершившие побег, а также лица, регулярно нарушавшие регламент, установленный в других немецких пунктах заключения, или открыто проявившие в чем-либо свои антифашистские убеждения.

Пребывание в этом лагере, несмотря на жесточайший режим содержания, не являлось для всех узников смертным приговором. Многие решали состояние здоровья заключенных до попадания в Маутхаузен и уровень их морально-психологической устойчивости в трудных и во многом непредсказуемых условиях пребывания за колючей проволокой. Большинство тех, кому удалось выжить в концлагере, не пали духом и до последнего сохраняли надежду на спасение.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ИЗ УДМУРТИИ В КОНЦЛАГЕРЕ МАУТХАУЗЕН (1941–1945 гг.)

Выжившие	Погибшие	Дальнейшая судьба неизвестна
Андреев Егор Николаевич (1909 г.р., Селтинский р-н, д. Ботино)	Вахрушев Митрофан Петрович (1911 г.р., Якшур-Бодьинский р-н, д. Узгино)	Ложкин Николай Артемович (1919 г.р.)
Бородин Михаил Данилович (1921 г.р., Нылгинский р-н, д. Русский Гай)	Дранков Николай Григорьевич (1911 г.р., Бемыжский р-н, д. Удмуртский Сарамак)	Калинин Сергей (1912 г.р., с. Карсовой)
Бураков Александр Карпович (1917 г.р., г. Сарапул)	Елабужев Максим Алексеевич (1902 г.р., Татарская АССР, Агрызский р-н, место призыва: Азинский РВК, г. Ижевск)	Корепанов Гаврил (1910 г.р.)
Ворожцов Аркадий Николаевич (1916 г.р., Можгинский р-н, д. Новый Ошмес)	Иванов Фома Андреевич (1903 г.р., Дебесский р-н, д. Большая Кизия)	Перевозчиков Василий Трофимович (1911 г.р., Шарканский р-н, д. Бисул-Кучес)
Заболотский Виктор Митрофанович (1912 г.р., Кировская обл., г. Уржум, место призыва: Пастуховский РВК, г. Ижевск)	Красноперов Пимен Андрианович (1902 г.р., Татарская АССР, Агрызский р-н, д. Куран, место призыва: Ижевский ГВК)	Федосимов Алексей Кириллович (1906 г.р., г. Ижевск)
Красильников Герман Георгиевич (1922 г.р., г. Ижевск)	Купцов Сергей (1909 г.р., Увинский р-н, д. Багай)	Федулов Валентин (1921 г.р., г. Ижевск)
Мошкин Петр Федорович (1914 г.р., Нылгинский р-н, с. Нылга)	Лошкарев Николай (1919 г.р., г. Сарапул)	
Путинцев Иван Александрович (1918 г.р., Кировская обл., д. Бултышка, место призыва: Ижевский РВК)	Мамонтов Петр Павлович (1908 г.р., п. Камбарка)	
Рыков Андрей Федорович (1916 г.р., Тыловыйский р-н, с. Зюзино)	Мокеев Иван (1925 г.р., г. Ижевск)	
Садовников Петр Яковлевич (1924 г.р., Пычасский р-н, с. Копки)	Перевощиков Сергей Прокопьевич (1909 г.р., Балезинский р-н, д. Ермилово)	
Тютин Дмитрий Афанасьевич (1920 г.р., Увинский р-н, д. Поршур-Тукля)	Перминов Николай (1924 г.р., г. Можга)	
	Русинов Александр (1917 г.р., г. Сарапул)	
	Саликов Николай (1907 г.р., с. Киясово)	
	Соболев Дмитрий Семенович (1913 г.р., г. Ижевск)	
	Шулепов Дмитрий Филиппович (1918 г.р., Шарканский район, д. Кочурово)	

Литература

1. Нюрнбергский процесс : сборник материалов : в 8 томах. – Москва : Юридическая литература, 1990. – Т. 4. – 672 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 : энциклопедия. – Москва : Советская энциклопедия, 1985. – 832 с.
3. Зубарев, С. П. В боях за Родину. О ратных подвигах сыновей и дочерей Удмуртии / С. П. Зубарев. – Ижевск : Удмуртия, 1990. – 472 с.
4. Куликов, К. И. Грани победы : очерки / К. И. Куликов. – Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – 437 с.
5. Родионов, Н. А. Удмуртская республика. Путь к Победе 1945 года / Н. А. Родионов. – Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2015. – 320 с.
6. Центральный архив министерства обороны (ЦАМО) РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1604. Л. 3.
7. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 594259. Д. 76. Л. 25.

8. Левин, Ю. А. Золотой крест / Ю. А. Левин, Н. Н. Мильников. – Ижевск : Удмуртское книжное издательство, 1962. – 139 с.
9. Национальный архив США. Ф. RG 238. Оп. A3355. Д. м-ф. 163.
10. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 6180.
11. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977521. Д. 18. Л. 61.
12. Национальный архив США. Ф. RG 242. Оп. A3355. Д. м-ф. 155.
13. Пономарев, И. Все было, а быльем не поросло / И. Пономарев // Удмуртская правда. – 1992. – 22 апреля. – С. 3.
14. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 619. Л. 12 об.
15. Национальный архив США. Ф. RG242. Оп. A3355. Д. м-ф. 136.
16. Национальный архив США. Ф. RG242. Оп. A3355. Д. м-ф. 150.
17. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 241. Л. 165.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 149. Д. 148. Л. 88.

D.V. Perevoshchikov

**TERROR IS NOT SENTENCE: SOVIET PRISONERS OF WAR FROM UDMURTIA
IN MAUTHAUSEN CONCENTRATION CAMP (1941-1945)**

The article introduces the archival documents and deals with the question about Soviet soldiers from the Udmurt ASSR, who after being captured were held in the Nazi concentration camp Mauthausen. Despite all the hardships, some convicts survived into the Victory in the Great Patriotic War. The importance and topicality of the research question are determined by the small-scale study of many front biographies of the servicemen confined to the Nazi prisons or reported missing. The study analyzes the known and newly discovered facts. Due to the materials of the Nurnberg trial and the eyewitness accounts, it describes the regime in the concentration camp. The regime was specially organized by the leadership of Nazi Germany for the extermination of prisoners of war and other categories of prisoners recognized as opponents of the Hitler regime. The study presents the significant facts from the biographies of the servicemen from Udmurtia who were able to endure all the hardships of the concentration camp and to survive. The analysis of the archival materials reveals some of the reasons for detention and imprisonment of the Soviet prisoners of war in Mauthausen. The study sheds light on the unexplored facts from the history of the Great Patriotic War.

Great Patriotic War, Udmurtia, Soviet prisoners of war, concentration camp Mauthausen.



К.А. Ситников
Воронежский институт МВД России

ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ УРЯДНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В 1911–1917 ГГ.

В статье исследуется опыт функционирования учрежденной в 1911 году Вологодской школы урядников. Выявлены характерные черты осуществления образовательного процесса, анализируются особенности материально-технического обеспечения работы образовательной организации. Показана роль руководства Вологодской губернии в развитии системы профессиональной подготовки нижних чинов уездной полиции.

Уездная полиция, урядники, обучение, профессиональная подготовка, школа урядников, урядническая школа, Вологодская губерния.

1911 год ознаменовал собой для Вологодской губернии новый этап развития сложившейся системы подготовки нижних чинов уездной полиции: 12 февраля была открыта специализированная урядническая школа. Руководство губернии при учреждении данной образовательной организации во многом опиралось на ранее накопленный региональной опыт в рамках функционирования сети школ (в Вологде, Устюге, Тотьме, Усть-Сысольске, Никольске и Вельске) [8], созданных в конце XIX века. Вместе с тем был принят и ряд преобразований, направленных на совершенствование образовательного процесса. По результатам обучения первого набора «школы-правопреемника» ее деятельность была признана эффективной. Это обусловило возможность дальнейшего функционирования и модернизации заведения [11].

Организационную структуру и основные параметры деятельности Вологодской уряднической школы (далее – ВУШ) закрепляли «Правила об уряднической школе в Вологде» от 1889 года. Вместе с тем уже с первых дней существования новой образовательной организации наблюдались многочисленные отклонения от указанного документа, носившие принципиальный характер: обучение урядников всех уездов губернии, существенная модификация образовательного процесса (в том числе проработка методического материала), переход на постоянный формат функционирования [11, с. 10–14].

В качестве еще одного отличия можно назвать появление педагогического состава, претерпевшего неоднократные изменения (табл. 1) [9, с. 5, 68, 70] в период с момента открытия школы до выпуска 5 апреля 1913 года.

Таблица 1

ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ ВУШ СОГЛАСНО ЖУРНАЛУ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ОТ 12 ФЕВРАЛЯ 1911 ГОДА

№ п/п	Преподаваемая дисциплина/ заведующий	Должность, Ф.И.О.			
		12.02.1911 (открытие школы)	02.04.1911 (выпуск 1 набора)	декабрь 1912	05.03.1913 (выпуск 5 набора)
1	Заведующий школой	Вологодский уездный исправник Н.Т. Антонович		Временно исполнял обязанности помощник Вологодского уездного исправника Н.В. Гантимуров	Вологодский уездный исправник Корчинский
2	Законоведение	Товарищ прокурора Вологодского окружного суда И.А. Воронцов		Товарищ прокурора Вологодского окружного суда Н.В. Зеленев	
3	Медицина	Помощник вологодского губернского врачебного инспектора В.А. Баженов			
	Крестьянские дела	Член Вологодского губернского присутствия В.К. Вейс			
4	Ветеринария	Вологодский губернский ветеринарный инспектор Н.М. Павловский		Городской ветеринарный врач А.П. Попов	Вологодский губернский ветеринарный инспектор Н.М. Павловский
5	Тюрьмоведение	Помощник вологодского губернского тюремного инспектора С.К. Богданович	Помощник вологодского губернского тюремного инспектора А.Н. Селецкий	Помощник вологодского губернского тюремного инспектора В.В. Градусов	

№ п/п	Преподаваемая дисциплина/заведующий	Должность, Ф.И.О.		
		12.02.1911 (открытие школы)	02.04.1911 (выпуск 1 набора)	декабрь 1912
6	Строительный устав	Младший инженер Вологодского строительного отделения В.В. Брицке		Губернский архитектор А.Н. Остроумов
7	Акцизный устав	Помощник секретаря Вологодского губернского акцизного управления Ф.А. Дементьев		
8	География и история	Советник Вологодского губернского правления С.П. Спановский		Учитель 7-го мужского приходского училища г. Вологды А.Ф. Костылев
9	Сыскная часть	– (дисциплина отсутствовала в расписании)	Начальник сыского отделения А.И. Степанов	Полицейский надзиратель сыского отделения А.И. Ордин
10	Фабричное дело	– (на момент открытия школы не был определен)	Вологодский старший фабричный инспектор А.О. Добряков	Вологодский фабричный инспектор П.Ф. Юрьев
11	Законы о полиции			
12	Практические занятия	Помощник Вологодского уездного исправника Н.В. Гантимуров		Помощник Вологодского уездного исправника В.Ф. Булгак

Как и в ряде других губерний (например, в Архангельской, Владимирской), преподавание велось чиновниками губернского правления, чинами полиции и суда.

Проблемным оказался вопрос оплаты преподавательского труда. МВД всячески стремилось минимизировать расходы на школы по подготовке служащих полиции, а потому предполагалось, что преподаватели в таких образовательных организациях по общему правилу должны были работать на безвозмездной основе [10, с. 594]. Данная тенденция оказалась характерна и для Вологодской губернии.

Местный губернатор М.Н. Шрамченко предпринимал неоднократные попытки, направленные на разрешение сложившейся ситуации. В частности, в январе 1913 года он запросил у Департамента полиции разрешение на производство из остатка кредита по содержанию полицейской стражи в 1912 году расхода в сумме 200 рублей для выдачи преподававшим в вологодской школе в период с сентября по декабрь 1912 года Н.Т. Антоновичу, Н.В. Гантимурову, А.И. Ордину и Скрябину¹. Ходатайство было удовлетворено лишь частично: в выдаче пособия полицейскому надзирателю сыского отделения А.И. Ордину было отказано, поскольку он «принадлежит к составу городской, а не уездной полиции» [2, л. 135–137].

10 марта 1913 года М.Н. Шрамченко телеграммой обратился к директору Департамента полиции МВД С.П. Белецкому с просьбой ходатайствовать перед министром разрешить выдать из тех же остатков еще 600 рублей для всего преподавательского состава (по 50 рублей каждому). Данное ходатайство также было удовлетворено лишь частично.

Товарищ министра внутренних дел Золотарев «изволил обратить внимание» на то, что из 12 перечисленных губернатором лиц только трое принадлежат к составу полиции. Поскольку кредит, ассигнуемый на содержание полицейской стражи, «не может служить источником для вознаграждения хотя бы и за

занятия в школе чинов сторонних ведомств», было признано возможным разрешить выдачу пособий только Н.Т. Антоновичу, Н.В. Гантимурову и А.И. Ордину. Одновременно с этим сообщалось, что по вопросу о назначении должностным лицам вознаграждения за занятия в школах чинов полицейской стражи МВД направлен соответствующий запрос в Государственный Контроль [2, л. 141–145]. К сожалению, инициатива ведомства была отклонена.

8 февраля 1913 года М.Н. Шрамченко предпринял очередную попытку, направив письмо С.П. Белецкому. Вологодский губернатор указывал на то, что просил разрешения на выдачу преподавателям, не относившимся к чинам полиции, не вознаграждения за труд, а «лишь на возмещение понесенных ими расходов» по поездкам в школу, которая находится на окраине города. По заверению главы региона, большинство преподавателей получало по службе весьма ограниченное содержание, отказ в компенсации расходов мог повлечь за собой отказ от занятий в образовательной организации, что повлекло бы ее закрытие. «Между тем, – отмечал губернатор, – существование в Вологодской губернии школы урядников имеет чрезвычайно важное значение». Регион с точки зрения географических и природно-климатических особенностей характеризовался тем, что с учетом разбросанности полицейских станов на сотни верст «в иное время года» отдаленные населенные пункты оказывались отрезанными друг от друга. В таких условиях урядники выступали в качестве единственных представителей власти, а потому от них требовалась гораздо большая самостоятельность. В ряду главных задач школы М.Н. Шрамченко виделась подготовка кадров «надежных людей», способных нести службу в самых экстремальных условиях; повышение уровня их умственного развития; внушение правил честного и добросовестного отношения к правоохранительной деятельности. Данные задачи решались группой лиц, «добровольно и безвозмездно взявших на себя труд преподавателей в школе». Чиновник в своем письме особо подчеркивал «высшую степень несправедливости», отнимая у указанных лиц труд и время, застав-

¹ Преподавал законы о полиции.

лять их нести на это собственные расходы. Опираясь на все вышеперечисленное, М.Н. Шрамченко вновь ходатайствовал разрешить выдать преподавателям вверенной ему образовательной организации по 50 руб. за 1912 год. Также, зная о предстоящем обсуждении в Департаменте полиции вопроса о школах урядников вообще, губернатор просил возбудить и вопрос о вознаграждении преподавателей: «Желательно... чтобы существование школы не зависело от случайности, т.е. от желания или нежелания преподавателей работать в школе даром» [2, л. 148–149 об.].

Аргументы были услышаны. Вскоре на заседаниях Особого совещания по вопросам реформы полиции 12–13 февраля 1913 года действительно было указано на «необходимость изыскания источников, на которые могли бы быть отнесены издержки по вознаграждению педагогического персонала как существующих в некоторых губерниях школ, так и вновь открываемых» [5, л. 33 об.]. В отношении от 10.03.1913 № 11716 директора Департамента полиции вологодскому губернатору содержалось уведомление о возможности выдачи вознаграждения преподавателям в школе чинов полицейской стражи «при условии испрошения разрешения МВД на отпуск определенной суммы на содержание означенной школы» [2, л. 172].

Начиная со второго набора переменный состав школы формировался по решению руководства губернии путем командирования исправниками из уездов по 3 урядника. Также могли направляться полицейские стражники. На практике же возникали регулярные отклонения от установленной квоты (табл. 2).

В резолюции от 09.11.1911 М.Н. Шрамченко отметил, что для занятий направлялись «не только урядники, не имеющие свидетельства об окончании местной уряднической школы, но и те, которые проходили и окончили курс этой школы на местах» (Там же, л. 63). Кроме того, к учебному процессу допускались и вольнослушатели по результатам рассмотрения их прошений. Наибольшее число обучавшихся за первые пять наборов достигало 39 человек.

Курс обучения был рассчитан на 2 месяца. Согласно отчетной документации, школа функционировала два раза в год: осенью – зимой (ориентировочно ноябрь – декабрь) и зимой – весной (ориентировочно февраль – март) (Там же, л. 176). К 1913 году было сделано пять выпусков общим количеством более 150 человек. Из материалов внутреннего делопроизводства следует, что функционирование образовательной организации на этом не прекратилось, однако другой информации об организации очередных наборов (возможные изменения в протяженности курса,

времени их проведения, количестве обучавшихся и т.п.) обнаружено не было.

В качестве одного их ключевых ресурсов по решению задач духовно-нравственного воспитания в рамках функционирования ведомственных образовательных организаций выступают геральдические знаки и символы [1]. Их воспитательный эффект осознавался и руководством Вологодской губернии и местной школы. В связи с этим осенью 1912 года был разработан специальный знак для выпускников, представлявший собой изготовленный из светлой бронзы щит, на котором сверху помещался накладной государственный герб Российской империи, а внутри – накладной герб Вологодской губернии. Поле состояло из черной, желтой и белой полос в цветах династического флага, а по краям располагалась надпись «Вологодская школа урядников» [4, л. 261, 261 об.] (рис. 1).



Рис. 1. Проект нагрудного знака выпускника ВУШ

Министр внутренних дел «не признал удобным» это начинание, поскольку, по его убеждению, «означенная мера должна распространяться на все школы урядников, что могло бы быть произведено лишь по установлении для школ однообразных программ». Обращалось внимание на то, что закон о полицейской страже не предусматривал организации для нее школ, они были «открыты в некоторых губерниях в силу административных распоряжений». При таком положении образовательных организаций «едва ли удобно устанавливать для лиц, оканчивающих эти школы, нагрудные знаки» [4, л. 262–262 об.; 10, с. 559–560].

Своей интенсивностью отличался распорядок дня, претерпевший некоторые изменения по сравнению с правилами, установленными для первого набора обучавшихся (табл. 3) [11, с. 10–14].

Таблица 2

СВЕДЕНИЯ О ЧИСЛЕ ОБУЧАВШИХСЯ В ВУШ В 1911–1913 ГГ.

Набор	Число обучавшихся			
	Урядники	Стражники	Вольнослушатели	Всего
Первый	22	1	—	23
Второй	30	4	—	34
Третий	31	5	3	39
Четвертый	27	5	3	35
Пятый	24	8	1	33

РАСПИСАНИЕ ЗАНЯТИЙ В ШКОЛЕ УРЯДНИКОВ В Г. ВОЛОГДЕ В 1912 ГОДУ

	9–10 часов	10–11 часов	11–12 часов	12–13 часов	18–19 часов	19–20 часов
Понедельник	Законоведение	Ветеринария	Законы о полиции		Русский язык и история	
Вторник	Розыскная часть	Акцизный устав	Медицина	Крестьянские дела	Практические занятия	
Среда	Законы о полиции	Ветеринария	Законы о полиции	Законы о полиции	Русский язык и география	
Четверг	Законоведение	Строительный устав	Крестьянские дела		Фабричные законы	Практические занятия
Пятница	Розыскная часть	Акцизный устав	Медицина			
Суббота	Законы о полиции	Тюрьмоведение	Строительный устав		Практические занятия	

К концу 1912 года по общему правилу занятия проводились ежедневно с по понедельника по субботу с 9 до 13 часов утром и с 18 до 20 часов вечером. Каждый урок продолжался 1 час. Основная часть времени отводилась изучению непосредственных обязанностей служащих (законы о полиции) и практической отработке навыков [2, л. 134].

Особое внимание уделялось содержательной части образовательного процесса. По итогам выпуска первого набора ВУШ губернатор М.Н. Шрамченко обратился к действовавшему на тот момент преподавательскому составу с просьбой «просмотреть и исправить» по усмотрению как уже «примененные на практике» программы дисциплин. Часть преподавателей не только направила в ответ обновленные материалы, но и снабдила их краткими комментариями о проведенной работе и причинах внесенных правок (табл. 4) (Там же, л. 32–55).

Документы, обнаруженные в архиве, свидетельствуют о скрупулезном подходе со стороны преподавателей к решению поставленной перед ними задачи. Осо-

бое внимание уделялось практической необходимости тех или иных знаний в профессиональной деятельности.

По итогам проведенной работы были подготовлены унифицированные по структуре программы по всем преподававшимся теоретическим предметам – законоведению, «общей полиции», медицине, «крестьянским делам», строительной части, «фабричным делам с относящимися к ним законоположениям», «тюрьмоведению», «ветеринарной части», «розыскной части», акцизным уставам, русскому языку, истории России, географии [4, л. 171–183 об.]. Как отмечают А.П. Нахимов, А.В. Киринос и В.А. Колесников, в отличие от большинства методических материалов в других губерниях вологодские программы были составлены в форме параграфов, вопросов или пунктов², наподобие подробного оглавления учебника или структуры нормативного правового акта. При этом никакого подразделения на тематические блоки внутри программ предусмотрено не было. В качестве примера приводим фрагмент программы по «ветеринарной части» (рис. 2) [10, с. 580].

Таблица 4

ИЗМЕНЕНИЯ, ВНЕСЕННЫЕ В РАБОЧИЕ ПРОГРАММЫ НЕКОТОРЫМИ ИЗ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУШ В 1911 ГОДУ

№ п/п	Преподаватель, дисциплина	Внесенные изменения и замечания
1	Медицина, В.А. Баженов	«Программа обширна», поэтому некоторые параграфы были исключены. Вместе с тем внесены и дополнения: об охране чистоты воздуха и воды, а также безвредности съестных припасов и напитков; о мерах против заразных болезней; процессуальная деятельность по санитарным нарушениям.
2	Тюрьмоведение, А.Н. Селецкий	Дополнение сведениями о деятельности по предупреждению побегов арестантов из тюрем, обязанностях часовых на внутренних постах и привратника у ворот тюрьмы. Остальное «возможно» оставить без изменений.
3	Строительный устав, В.В. Брицке	«Некоторые параграфы» вычеркнуты. Добавлены те, которые касаются вопросов о селениях. Объяснялось это тем, что именно сельская, а не городская территория входила в юрисдикцию урядников.
4	Акцизный устав, Ф.А. Дементьев	Прежняя программа «применена на практике и непригодность ее... изучена в деталях». Ее бессистемность «наблюдалась даже при одном беглом просмотре». В связи с этим программа полностью переработана, систематизирована. Убраны многочисленные повторения, устранены несоответствия действовавшему законодательству.

² По законоведению предусматривалось 62 параграфов, «общей полиции» – 77, медицине – 94, «крестьянским делам» – 52, строительной части, «фабричным делам с относящимися к ним законоположениям» – 7, «тюрьмоведению» – 16, «ветеринарной части» – 16, «розыскной части» – 62, акцизным уставам – 60, русскому языку – 11, истории России – 19, географии – 27.

ПРОГРАММА.

Ветеринарная часть.

1. Кто является возбудителями заразных болезней.
2. Что следует выяснить при появлении заразной болезни на животных.
3. Как следует поступать уряднику, узнав о появлении заразной болезни на животных.
4. Признаки болезней—мысль, сальт, сибирская язва, бешенство, пироплазмоз (кровавая моча).
5. Каким заразным болезням животных заразительны и для людей.
6. Как следует поступать с трупами животных, навших от сибирской язвы.
7. На каких местах допускается законом зарытие сибирозвенных трупов.
8. Как поступать с трупами в местах, где почвенные условия не позволяют зарывать их в требуемую глубину.
9. Как следует поступать с сибирозвенными шкурами.
10. Что не следует допускать в неблагополучном по сибирской язве хозяйстве.
11. Как следует поступать с явно бешеной собакой.
12. Как следует поступать с собаками, находящимися на свободе без намордников в неблагополучном по бешенству районе.
13. Какие сроки установлены для объявления неблагополучного пункта благополучным при сибирской язве, бешенстве собак и ящурь.
14. Каким обеззараживающим средствам применимы при сибирской язве, бешенстве и ящурь.
15. Условия перевозки сырых животных продуктов.
16. Условия прогона скота.

Рис. 2. Обновленная программа ВУШ по «ветеринарной части»

На этом процесс совершенствования учебных программ ВУШ не был завершен. 29 марта 1913 года товарищем министра внутренних дел генерал-майором В.Ф. Джунковским была утверждена имперская «Программа курса подготовительной школы для лиц, желающих занять должность полицейского урядника». В циркуляре Департамента полиции губернаторам от 07.05.1913 № 14532 предоставлялось право по результатам ее изучения «делать некоторые изменения... в смысле... сокращения», если местные условия делают полноценное прохождение предложенного курса невыполнимым [3, л. 21–27].

Программа состояла из 11 отделов. При этом большая часть дидактических единиц содержалась в четвертом (Права и обязанности полиции) и пятом (Обязанности полиции по обнаружению и преследованию преступлений и по исполнению поручений судебных учреждений (судебные функции полиции)) из них [10, с. 618].

Отношением от 08.06.1913 № 1484 вологодский вице-губернатор В.Э. Фукс направил полученные им материалы заведующему уряднической школой для совместного с преподавателями ознакомления и при-

нятия последующего решения: может ли данная программа быть введена в местной образовательной организации без сокращений. Особо отмечалось, что в случае необходимости внесения указанных изменений последние не должны противоречить главной задаче школы [2, л. 163–164 об.].

По завершении работы на Совещании преподавателей ВУШ 22 мая 1914 года было сформулировано итоговое мнение по каждому из отделов программы (табл. 5) (Там же, л. 180–183 об.).

Помимо сведений, указанных в таблице 5, отметим, что, по разъяснению преподавателя П.Ф. Юрьева, сведения о фабрично-заводской промышленности (п. 10 второго отделения, п. 6 четвертого отделения, п. 4 девятого отделения) целесообразнее сформировать в отдельную программу. Поскольку «тюрьмоведение» не предполагалось «Программой курса подготовительной школы для лиц, желающих занять должность полицейского урядника», в программу был включен незначительный объем соответствующей информации в курсы полицейских обязанностей (4-й отдел) и законоведения (5-й отдел) (Там же, л. 181–183 об.).

**ИТОГОВЫЕ РЕШЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУШ ПО ЗАВЕРШЕНИИ РАССМОТРЕНИЯ
«ПРОГРАММЫ КУРСА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ ДЛЯ ЛИЦ,
ЖЕЛАЮЩИХ ЗАНЯТЬ ДОЛЖНОСТЬ ПОЛИЦЕЙСКОГО УРЯДНИКА»**

Отдел		Решение
№	название	
I	Закон Божий	Данная дисциплина ранее отсутствовала в курсе школы. «Желательно» преподавать в полном объеме.
II	Исторические, географические, экономические и статистические сведения о губернии	Как по истории, так и по географии, по разъяснении Г.А. Костылева, желательно значительно сократить программу. На историю отводилось 9 вопросов, которые «ясно» демонстрировали бы строительство Российского государства и «труды создателей его, силу и мощь русского народа, сумевшего отстоять себя на многотысячелетнем протяжении всех бед», как внутренних, так и внешних. Изучение истории предполагалось строить таким образом, чтобы урядники «прониклись» любовью к родине, укрепились в патриотизме. Общая география сокращалась до 4 вопросов, региональная – до 3.
III	Общие сведения о государственном устройстве Российской империи (включая сведения о полиции)	По заключению В.К. Вейс, блок принимается без изменений.
IV	Права и обязанности полиции	По заключению В.Ф. Булгак – принимается без изменений. Преподаватель Ф.А. Дементьев указал на целесообразность сохранения части, посвященной Уставам об акцизных сборах, в прежнем виде.
V	Обязанности полиции по обнаружению и преследованию преступлений и по исполнению поручений судебных учреждений (судебные функции полиции)	По заключению преподавателя товарища прокурора Н.П. Петрушевского – принимается в полном объеме.
VI	Сыское дело	А.И. Ордин согласился с предложенной программой в полном объеме.
VII	Медицина и санитария	В.А. Баженов принял отдел без изменений.
VIII	Ветеринария	По заключению бывшего преподавателя Н.М. Павловского, программу требовалось увеличить. Добавлялись сведения о ряде болезней (напр., рожа, чума свиней и т.д.), представлявших наибольшую опасность с учетом специфики санитарно-эпидемиологической обстановки в регионе, и действиях полиции при их обнаружении. Также представлялось целесообразным освещение вопросов, связанных с процессуальной деятельностью урядников при выявлении соответствующих правонарушений и надзором за привозом сырых животных продуктов. Поскольку рассматриваемая проблематика регламентировалась в том числе на уровне земств, то требовалось и изучение земских постановлений по ветеринарной части.
IX	Обязанности полиции по Уставу строительному и местным обязательным постановлениям по строительной части	А.Н. Остроумов предложил часть вопросов сократить, часть – убрать полностью.
X	Строевая часть	Преподавателей не было, в связи с чем отделы приняты без изменений.
XI	Пожарное дело (практические занятия)	

Анализ Журнала Совещания преподавателей ВУШ 22 мая 1914 позволяет прийти к выводу о том, что, как и в ряде других губерний, представители местной образовательной организации восприняли имперскую Программу неоднозначно. Педагогический коллектив не отнесся к поставленной задаче формально, детально изучив предложенный документ. Значительная часть дидактических единиц подверглась переработке с учетом накопленного опыта функционирования местной школы, а также региональных особенностей. Такой подход, несмотря на генеральную линию МВД по унификации образова-

тельного процесса в подобных учреждениях, представляется объективно необходимым ввиду социально-экономического, политического, культурного разнообразия губерний Российской империи, что существенно сказывается на специфике функционирования региональной полиции.

Обучение в школе заканчивалось экзаменом, который принимала специальная комиссия. Все выпускники получали свидетельства (рис. 3) о пройденном курсе, а лучшие из них награждались в зависимости от итоговых результатов серебряными часами или книгами (табл. 6).

С В И Д Ъ Т Е Л Ь С Т В О .

Выдаю сіе свидѣтельство, съ утвержденія Г. Начальника губерніи, изъ Вологодской уряднической школы, на основаніи 16 ст. правилъ о школахъ, Полицейскому Уряднику Вельскаго уѣзда, запасному капитанармуу 17 Стрѣлковаго полка, Федору Евтихіеву З а н и к у - въ томъ, что онъ успѣшно окончилъ курсъ ученія въ этой школѣ и, по испытаніи чрезъ экзаменационную комиссію, оказался вполне усвоившимъ знаніе обязанностей Полицейскаго Урядника. Апрель 5 дня 1913 года. За отличное окончаніе школы награжденъ Начальникомъ губерніи серебряными часами съ серебряною цѣпочкою и жетономъ.

Подписали: Предсѣдатель Экзаменационной Комиссіи С. Спановскій
Завѣдывавшій школой, Уездный Исправникъ К о р ч и н с к і й .

Съ подлиннымъ вѣрно:

Секретарь *М. Пониминъ*

Свѣрять:

Стодоначальникъ *Сорбинъ*

Рис. 3. Свидетельство об окончании ВУШ с отличием

Таблица 6

СВЕДЕНИЯ О НАГРАДАХ ВЫПУСКНИКОВ ВУШ В 1911–1913 ГГ.

Набор	Кол-во обучавшихся	Результаты окончания школы и награды		
		с серебряными часами и свидетельством	с книгами и свидетельством	со свидетельством
Первый	23	5	—	18
Второй	34	15	19	—
Третий	39	29	7	3
Четвертый	35	23	12	—
Пятый	33	16	17	—

Из приведенной таблицы видно, что подавляющее большинство урядников и стражников продемонстрировало отличные и хорошие результаты на экзаменах. Обуславливалось это как высокой степенью эффективности образовательного процесса, так и частично тем, что некоторые служащие уже могли проходить обучение в уряднических школах, работавших в губернии ранее [8, с. 37–45].

Немалое внимание руководством Вологодской губернии уделялось материально-технической базе уряднической школы. «Приискание» здания для образовательных организаций традиционно было одной из первоочередных забот устроителей школ. Так, к началу обучения второго набора служащих (1 ноября 1911 года) в Вологде с 26 октября было снято специальное помещение в доме У.И. Брела (ул. Калачная, 3 уч.) за плату по 30 руб. в месяц [2, л. 60]. Аренда, отопление, освещение, приобретение необходимых канцелярских материалов, инвентаря и т.п. оплачивались из средств, оставшихся от кредитов на содержание губернской стражи.

Однако «довольно значительный» состав урядников и стражников, обучавшихся в школе и, как следствие, увеличение числа необходимых приспособлений вызвали необходимость в расширении помещения для школы, поскольку занимаемого ранее оказалось недостаточно (Там же, л. 91). В связи с этим с 19 февраля 1912 года было арендовано новое помещение у Н.А. Великанова (Владычная слоб., 3 уч.), в котором, по всей видимости, образовательная организация дислоцировалась вплоть до Октябрьской революции.

Соответствующего договора заключено не было, однако Н.А. Великанов и вологодский уездный исправник Антонович подписали специальное условие, на основании которого:

- в аренду предоставлялись двухэтажный дом, дровяник и погреб;
- стоимость составляла 360 руб. в год;
- арендодатель должен был произвести весной косметический ремонт в некоторых комнатах, а в случае необходимости в дальнейшем – «крупный ремонт»;
- в обязанности Н.А. Великанова также входило размещение перегородки в большой комнате, чистка дымовых труб, тротуаров, отхожих мест и двора;
- в случае ликвидации школы в ходе реформы полиции условие утрачивало свою юридическую силу, а при продаже дома – сохраняло до истечения установленного срока;

- нарушение условия влекло за собой обязанность по возмещению неустойки в размере 60 руб.

Суммарно на оборудование и обеспечение функционирования ВУШ за период с 1911 по 1913 год было затрачено 9000 рублей (табл. 7) [2, л. 187–187 об.].

Первоначально такие расходы нормативно допускались. В циркуляре Департамента полиции от 14.12.1911 № 20808 ввиду признанной результативности школ для полицейской стражи в качестве источника их финансирования четко указывались остатки от кредитов на содержание стражи в губерниях – не более 5000 руб. в год [4, л. 70–70 об.; 10, с. 681]. К 1913 году Государственный контроль сократил отведенный лимит до 1000 руб. [3, 53–53 об.] Предположительно последняя попытка по восстановлению объема финансирования полицейских школ была предпринята министром внутренних дел А.А. Хвостовым, который в донесении от 15.09.1916 № 22681 в Совет министров предложил отпускать на указанные нужды до 5000 руб. в год, апеллируя в том числе к опыту Вологодской губернии [7, л. 3–5].

ВУШ к 1913 году была снабжена не только необходимыми канцелярскими принадлежностями, инвентарем (в т.ч. пишущей машинкой) и бытовой утварью (напр., посудой, одеялами и т.д.), но также необходимыми учебными пособиями и нормативными правовыми актами по всем дисциплинам. Кроме того, закупались предметы, требовавшиеся для закрепления практических навыков обучавшихся: приборы для антропометрических измерений преступников, дактилоскопические бланки, фотоаппарат и т.д. [2, л. 105, 188–190 об.].

Усилия по совершенствованию качественных характеристик личного состава полицейской стражи региона были по достоинству оценены. Осенью 1915 года вологодский губернатор был уведомлен о том, что открытая его предшественником школа, по мнению императора Николая II, «очень полезное дело» (Там же, л. 199).

Таблица 7

СВЕДЕНИЯ О РАСХОДАХ НА СОДЕРЖАНИЕ УРЯДНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1911–1913 ГГ.

№ п/п	Предмет расхода	Сумма расхода, руб		
		1911 год	1912 год	1913 год
1	Оборудование	100,18	—	—
2	Выписка учебных пособий	415,24	650,69	8,95
3	Приобретение инвентаря	63,55	259,59	40
4	Канцелярские принадлежности	515,53	225,15	52,41
5	Отопление	39	253,50	186,50
6	Освещение	34,40	46,31	43,06
7	Хозяйственные расходы	32,85	148,25	39,62
8	Путевое пособие	1092,99	1585,26	1078,67
9	Награды	390,10	565,55	—
10	Переплет учебных пособий	—	36,15	8,35
11	Квартира	—	432	360
12	Пособие преподавателям	—	175	—
13	Печать инструкций	—	172,72	—
ИТОГО		2683,86	4550,17	1817,56

Вместе с тем далеко не все планы по развитию системы профессиональной подготовки нижних чинов уездной полиции Вологодской губернии удалось реализовать. Так, в Вологде и ряде других городов империи планировалось создать «особые курсы для специальной подготовки лиц, желающих занять классные должности в полиции». Успешно сдавшие итоговые экзамены должны были получать преимущества «по занятию классных полицейских должностей» [6, л. 5–7]. Однако начавшаяся в 1914 году Первая мировая война и «очередное обострение общего кризиса» [10, с. 685] не позволили реализовать данный проект.

Кроме того, очередной глава региона В.А. Лопухин в своем отношении в Департамент полиции от 29.11.1914 № 33898 донес о представлявшейся ему ввиду местных условий необходимости учреждения второй уряднической школы в г. Великий Устюг, которая могла бы обслуживать Яренский, Соль-Вычегодский, Усть-Сысольский, Никольский и Велико-Устюгский уезды. Товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский признал такую инициативу «ввиду текущих событий несвоевременной».

Последовавшие в феврале – марте 1917 года революционные события, крах монархических устоев и ликвидация полиции поставили точку в истории ВУШ. Точная дата завершения функционирования образовательной организации – предмет для дальнейших исследований. Начальник Вологодской уездной милиции доложил 15 мая 1917 года в губернский комитет о принятии им школы урядников от упраздненной уездной полиции: «...В настоящее время, за отсутствием каких-либо распоряжений, занятий по подготовке милиционеров не ведется» [2, л. 200].

Литература

1. Веденева, Г. И. К вопросу об актуальности духовно-нравственного воспитания курсантов образовательных организаций МВД России / Г. И. Веденева, Н. Д. Уланов //

Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2021. – № 1. – С. 15–18. – EDN WJFWYU.

2. Государственный архив Вологодской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7267.

3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. 2-е делопр. 1911. Оп. 68. Д. 10. Ч. 90А.

4. ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. 1911. Оп. 68. Д. 10. Ч. 90.

5. ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. 1913. Оп. 70. Д. 14. Ч. 1. Л. 333 об.

6. ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. 1914. Оп. 262. Д. 81А. Л. 5–7.

7. ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. 1916. Оп. 74. Д. 10. Ч. 30. Л. 3–5.

8. Колесников, В. А. Создание сети уряднических школ Вологодской губернии в 1889-1893 гг / В. А. Колесников, К. А. Ситников // *Ius Publicum et Privatum*. – 2023. – № 1 (21). – С. 36–46. – DOI 10.46741/2713-2811.2023.21.1.003. – EDN INQIBR.

9. Адрес-календарь Вологодской губернии на 1913 год. – Вологда : Типография Губернского Правления, 1913. – 162 с.

10. Нахимов, А. П. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века : монография / А. П. Нахимов, А. В. Киринос, В. А. Колесников ; Воронежский институт МВД России. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2018. – 685 с.

11. Ситников, К. А. Учреждение и начало функционирования Вологодской уряднической школы в 1911 г. / К. А. Ситников // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 9–16.

12. Нахимов, А. П. Воронежская учебная команда-школа в системе профессионального обучения уездной полицейской стражи Российской империи в начале XX в / А. П. Нахимов, А. В. Киринос, В. А. Колесников // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 7–16. – EDN YIOMKL.

K.A. Sitnikov

THE EXPERIENCE OF THE VOLOGDA RURAL POLICE SCHOOL FUNCTIONING IN 1911–1917

The article examines the experience of functioning of the Vologda rural police school, established in 1911. The characteristic features of the educational process are revealed, the peculiarities of the material and technical support of the educational organization are analyzed. The role of the leadership of the Vologda province in the development of the system of professional training of the lower ranks of the county police is shown.

Disctrict police, rural police, training, professional training, school of rural police, Vologda province.



А.С. Столетова

Вологодский государственный университет,
Вологодская государственная молочнохозяйственная
академия им. Н.В. Верещагина

ТВОРЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ А.Я. ЯШИНА: ОБ УКРЕПЛЕНИИ УВАЖЕНИЯ К СЕВЕРУ И ЕГО ЛЮДЯМ (К 110-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ)

В настоящей статье с помощью впервые вводимых в научный оборот архивных данных характеризуется вклад А.Я. Яшина в развитие литературного поля Русского Севера. Публикуемые материалы призваны дополнить сведения о писательском движении середины XX в.

Русский Север, А.Я. Яшин, «деревенская проза», литературное творчество, идеологическая кампания, цензура, критика, газета, писательская организация.

Фигура Александра Яковлевича Яшина (27 марта 1913 г. – 11 июля 1968 г.) в русской литературе занимает одно из значимых и значительных мест, особенно если речь идет о деревенской прозе [15]. Имя писателя связано с крупными событиями в литературной жизни Русского Севера, становлением писательских центров в Архангельске и Вологде [21], появлением целой плеяды знаменитых авторов, в жизни которых А. Яшин сыграл весомую роль [22]. Колоссален вклад литератора в развитие публицистической и культурно-массовой деятельности региона [18]. Александр Яковлевич являлся непосредственным участником Великой Отечественной войны. Служил на Балтике, Волге, Черном море. Его фронтовые блокноты, дневники и тетради представляют собой важные исторические источники и олицетворяют собой уникальную летопись эпохи [16; 23]. На фронте и в мирное время публицист был тесно связан с газетой. Поэтому в личных материалах писателя, сохраненных и переданных в Российскую государственную библиотеку (РГБ), фонд МБУК «Историко-мемориальный музей А.Я. Яшина г. Никольска», Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), имеется множество телеграмм, сообщений, уведомлений от редакторов и сотрудников разнообразных периодических изданий.

Редакции газет массово направляли писателю письма с разного рода предложениями и отзывами (фото 1, 2, 3). Уместно вспомнить, что первые печатные стихи начинающего поэта Александра Яшина появились в конце 1920-х гг. в районной газете «Никольский коммунар» (в 1927–1930 гг. издание называлось «Пути Октября», в 1930 г. сменилось два наименования – «За Новый Север», затем «Никольский коммунар», с 1963 г. – «Авангард»), а также в газетах Великого Устюга – «Ленинская смена», «Советская мысль», «Северные огни». В 1930-е гг. А. Яшин работал литсотрудником в вологодском «Красном Севере», архангельских газетах «Правда Севера» и «Северный комсомолец». В военные годы А. Яшин являлся редактором краснофлотской газеты «Залп балтийцев», печатался в газетах «Боевой залп»,

«Красный балтийский флот», «В атаку», «Боевая балтийская», «За родную Волгу», «Сын Отечества», «Сталинское знамя», «Сталинградская правда» и др. Бывая на родине, Александр Яковлевич непременно посещал редакцию Никольской районной газеты. Писатель интересовался тем, что примечательное заметили в командировках журналисты. В первую очередь для того, чтобы проверить свои впечатления [8, с. 3]. Периодически случалась и критика работы сотрудников: «Поверхностно, малая компетентность, мало боевитости... Беритесь, вы, окаянные, посмелее, поделовитее! Вы – партийный орган, и вопросы надо ставить и решать по-партийному», – высказывался А. Яшин во время визита в редакцию газеты «Никольский коммунар» в 1967 г. [6, с. 3].

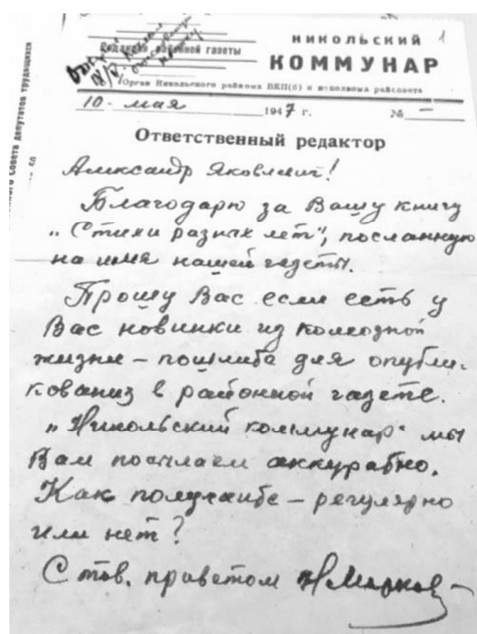


Фото 1. Редакция газеты «Никольский коммунар».
Письмо А.Я. Яшину. 10 мая 1947 г.

Источник: Российская государственная библиотека (РГБ). Отдел рукописей. Ф. 647. К. 15. Ед. хр. 29. Л. 1.

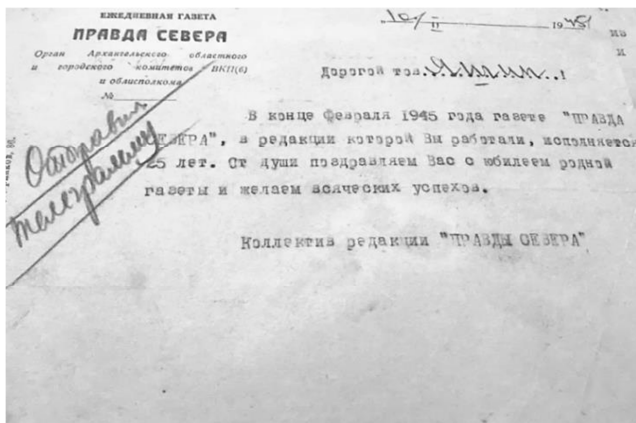


Фото 2. Редакция газеты «Правда Севера». Телеграмма А.Я. Яшину. 10 февраля 1951 г.

Источник: РГБ. Отдел рукописей. Ф. 647. К. 15. Ед. хр. 32. Л. 1.

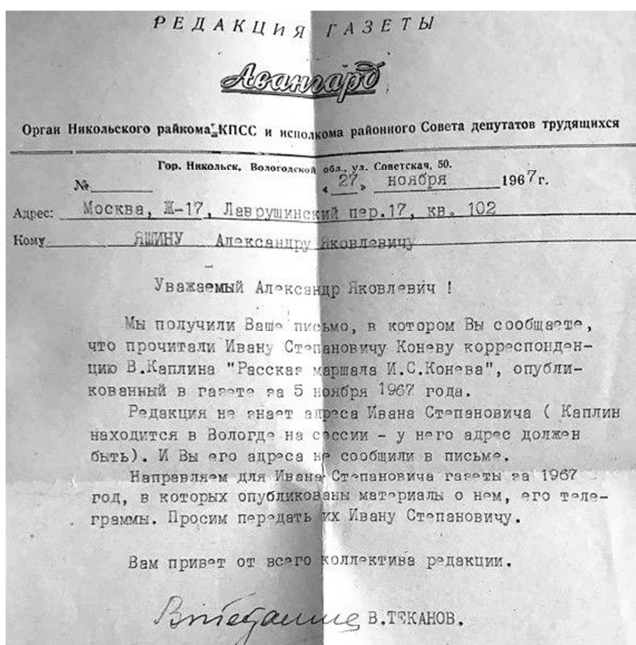


Фото 3. Редакция газеты «Авангард». Письмо А.Я. Яшину. 27 ноября 1967 г.

Источник: Текущий архив МБУК «Историко-мемориальный музей А.Я. Яшина г. Никольска».

Велик вклад А.Я. Яшина в дело рецензирования художественного творчества многих писателей, причем не только начинающих, но и уже зарекомендовавших себя авторов. Об этом свидетельствует личный архив корреспонденции литератора. Например, в письме от 15 августа 1950 г. А.А. Субботин с большим уважением и почтением излагал: «Дорогой Александр Яшин! Посылаю Вам два своих рассказа. Прошу Вас, если найдете время, – прочесть их. Если хотя бы один из них Вам понравится, передайте его куда найдете нужным для консультации. Я бы был бесконечно Вам признателен. Буду работать корреспондентом “Новгородская правда”. Жму Вам крепко руку» [11, л. 7]. 23 августа того же года А.А. Сухарев сообщал: «Уважаемый Александр Яшин. Посылаю Вам еще один свой рассказ. Если найдете время, про-

читите и черкните свое мнение. Я поставил перед собой задачу овладеть коротким газетным рассказом. Над разрешением этой задачи я намерен потрудиться» [11, л. 8]. Несмотря на бесчисленные литературно-общественные заботы, А. Яшин отвечал и посильно помогал обратившимся к нему коллегам. В то время как самому порой приходилось непросто, особенно в период осознания ошибочности вектора и траектории писательского труда.

Творчество А.Я. Яшина второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. отлично от декларативной послевоенной поэзии и прозы. Лауреат Сталинской премии второй степени, удостоенный награды за поэму «Алена Фомина» (1949), наполнил последующие труды остротой социальной проблематики. Позиции критического реализма наиболее ярко воплощены А. Яшиным в рассказе «Рычаги» (1956), повестях «Сирота» (1962) и «Вологодская свадьба» (1962). Прежде всего Александра Яковлевича волновали вопросы развития Севера. Именно под впечатлением поездок в родные края в творчестве автора обозначилась злободневная линия. Под воздействием наблюдений литератор задумался об образе «хозяина» – центральной фигуре всякого производства или объединения. Озабоченность вызывали режим новой обыденности и тип мышления, складывающиеся повсеместно, в т.ч. и в Союзе писателей. В стихотворении от 1958 г., посвященном данной организации, появляются неодобрительные строки о ее руководителе:

Чиновное воинство,
По рангу – достоинство,
Зарплата – по должности,
Ум – по возможности.
Но лишь появляется
Хозяин поблизости –
Куда что девается:
Любой прогибается,
Снижаясь до низости [27, с. 263].

Портреты управленцев представлены в стихотворении «В сельском клубе» от 1959 г.:

Мы знали всех, сидящих за столом, –
Как говорится, нашенские парни:
Директор леспромхоза,
Агроном,
Начальник почты,
Мастер с сыроварни...
Но к нам они вошли из-за кулис
И – что случилось? –
До смешного строги,
Теперь на нас смотрели
Сверху вниз:
Ни дать, ни взять –
Всеведущие боги (Там же, с. 282).

Безусловно, облик начальников не всегда соответствовал народным идеалам. Так, повесть «Сирота» обнажала персонажи колхозных руководителей-индивидуалистов, далеких от идеалов справедливости. К примеру, глава колхоза «Красный Боровик» Прокофий Кузьмич, кроме начального, никакого об-

разования не имел; при этом, возглавляя организацию около двух десятилетий, так и не стал специалистом в отрасли сельского хозяйства. Однако управленец твердо усвоил, что он полный «хозяин колхоза»: и земли, и колхозного имущества, и самих колхозников. Взятчиничеством председатель занимался систематически. В стиль его общения прочно вошли приказ, ругань, издевка, угроза. Этот невежественный стиль администрирования призвал героя повести А. Яшина Шуру иронично назвать колхоз «Красный Боровик» артелью «Напрасный труд» [17, с. 416–417].

Литературное наследие эпохи середины XX в. отразило осознание фальши государственных утверждений, сложностей в развитии северной деревни, противоречий, лежащих в основе официальной позиции власти. Литературная «оттепель» наполнила произведения неприкрытой критикой колхозной действительности. Но нажим на писательское перо не отменила. В связи с чем в 1958 г. А. Яшин писал:

Мы неполной жизнью живем
И неполною грудью дышим,
Вполуголос песни поем,
Даже письма с оглядкой пишем [27, с. 269].

Об идеологических проработках и давлении на писателя написано множество статей и очерков, резонанс и отклик были масштабными. Нужно сказать и о том, что творчество Александра Яшина становилось объектом внимания многих исследователей, среди которых нельзя не назвать имена В.С. Старковой [5], М.В. Бересневой [9; 25], В.А. Оботурова [7], В.Н. Баракова [1] и др. Кроме того, опубликовано множество воспоминаний о роли и деятельности А.Я. Яшина в культуре и литературе Русского Севера [2; 4]. Тем не менее, актуальность изучения творческих инициатив и общественной деятельности А. Яшина не иссякает, как и исследовательский интерес к данной тематике.

Отличается богатой географией литературное поле и круг сподвижников А.Я. Яшина, в тяжелое время забвения протянувших руку и продолживших литературное дело на принципах и ориентирах, заложенных автором. В первую очередь это писатели В.В. Овечкин, С.В. Викулов, А.А. Романов, К.Г. Паустовский, С.П. Щипачев, В.И. Белов, Ф.А. Абрамов [14; 19; 24]. Для многих деятелей Александр Яшин являлся наставником, литературным помощником, в т.ч. влиявшим на принятие последних в Союз писателей. С помощью его рекомендаций и отзывов на литературную деятельность в названную организацию вступили Н.В. Угловский, В.И. Белов, Н.М. Рубцов и др. В письме от 24 сентября 1965 г. отзываясь на рецензию А. Яшина, поэт А.А. Романов признавался: «Спасибо Вам сердечное за советы, поддержку и помощь! Я хорошо знаю – Вы не такой человек, чтоб говорить что-то пустое. Ваши слова обнаженно трезвы, они беспокоят, задевают и в душе у меня от них что-то крепнет» [12, л. 43].

В контексте вопроса нельзя не вспомнить о том, как прошел юбилейный 50-й день рождения А. Яшина в 1963 г., когда запрещен был творческий вечер, снята передача по радио, закрылись двери издательств, ре-

дакций, кандидатура писателя обсуждалась на партсобраниях. Бушевал идеологический пресс критики. Позднее, в письме от 6 февраля 1964 г. К.И. Коничев довольно строго и остро писал: «Ну, браток-земляк, ты меня удивил, что было запрещено тебя чествовать в ДЛ (Доме литераторов. – А. С.), а Светлову¹ на радио. В журналах и газетах о тебе напомнили сносно. А Стальмухинские² лизуны в Вологде остались верны себе <...>» [10, л. 24]. А Яшин глубоко переживал произошедшее. В канун юбилейных дней появились строки:

Юбилей мой прошел не отмеченным
Засекреченным, –
Даже без вечера –
Но друзьями он был замечен,
Стало быть, и жалеть о нем нечего [27, с. 336].

Тем не менее, многие современники ценили личность и заслуги Александра Яковлевича на протяжении всей его творческой деятельности. От близких друзей, знакомых, читателей приходили письма, наполненные искренними словами поддержки. К. Коничев в письмах за 1950–1960-е гг., восхваляя творчество А. Яшина, обращался к нему как наиболее выдающемуся автору. Например, «Александр И! Ты опять выдал отличный рассказ рябиновый. Bravo!» или «Милый, дорогой земляк, талантище Никольско-Рассейское АлекСаша!» [10, л. 25, 38].

Выделяется среди прочих письмо и телеграмма писателя С.П. Щипачева (документ 1, фото 4).

Документ 1

Письмо С.П. Щипачева от 26 марта 1963 г.

Милый Саша!

[Л. 1] Хочется сказать тебе что-то очень хорошее, сердечное. Но в таких случаях все слова как-то вдруг бледнеют и теряют свою выразительность. Но скажу прямо. Я люблю тебя и глубоко уважаю. Я всегда

¹ Михаил Аркадьевич Светлов (настоящая фамилия – Шейнкман; 4 (17). 06. 1903, Екатеринослав – 28. 09. 1964, Москва) – русский советский поэт, драматург и журналист, военный корреспондент.

² Александр Александрович Сталь (1914–1984) – 1941–1944 гг. – заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом Вологодского обкома партии; секретарь Вологодского областного комитета ВЛКСМ (ноябрь 1944 – август 1947 гг.), 1954–1956 гг. – инструктор отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, секретарь Вологодского обкома КПСС в 1956–1963 гг. Вероятно, настоящая фамилия Александра Александровича – Мухин. Согласно разысканиям, осуществленным при участии главного библиотекаря сектора редких книг Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина Фарутиной Наталии Николаевны, краеведа-генеалога Владимира Александровича Воропанова, историка-архивиста Сергея Николаевича Цветкова родителями Александра Александровича являлись – Александр Семенович и Александра Николаевна Мухины (ГАВО. Ф. 496. Оп.1. Д. 19666. Л. 40 об. Исповедная ведомость Ильинской Кубенской церкви Вологодского уезда за 1915 г. URL: <https://gosarchive.gov35.ru/archive/1/unit/815076#43>, а также ГАВО. Ф. 1063. Оп. 50. Д. 52. Л. 9 об. Исповедная ведомость. Вологодский уезд. Церковь: Ильинская Кубинская. 1916 г. URL: <https://gosarchive.gov35.ru/archive/1/unit/637885#12>). Данную версию подтверждают данные с сайта MyHeritage, где зафиксированы данные о семье Александра Сталь (URL: https://www.myheritage.com/names/александр_сталь?lang=RU) и его матери Александре Мухиной (Макрушиной) (URL: https://www.myheritage.com/names/александра_макрушина?lang=R).

чувствую в тебе, в твоём характере что-то присущее мне. Это, вероятно, некий сплав прямоты и застенчивости, ума и своеобразной наивности, целомудренной скрытности и простодушной непосредственности.

За все это крепко тебя обнимаю. За все: и за хорошую умную прозу, и за чудесные яшинские стихи. А на житейские горести – плюнь. Радости у нас еще будут. Поверь моему пророчеству.

От всей души поздравляю тебя с этой первой круглой датой.

Твой С. Щипачев.

26 марта 1963 г.

Источник: РГБ. Отел рукописей. Ф. 647. К. 24. Ед. хр. 31. Л. 1.

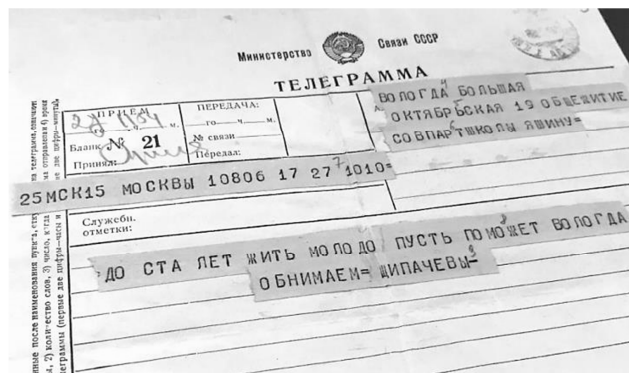


Фото 4. Телеграмма А.Я. Яшину от семьи С.П. Щипачева в честь юбилейного дня рождения. 1963 г.

Источник: РГБ. Отел рукописей. Ф. 647. К. 24. Ед. хр. 31.

Впрочем, несмотря на развернутую властью кампанию критики, положение и гражданская позиция А. Яшина позволяли ему осуществлять некоторые отступления от «литературных норм». Поэтому в 1964 г. появляются строки:

По воле Двадцатого съезда
Закрыли на острове лагерь.
Охрана и заключенные
Отправились на целину.
Оставшихся без работы
Собак списали по акту
И передали колхозникам –
Пускай стерегут дома.
Но вот в молодежный праздник
Собрался народ в колонну –
Ребята знамена вздымали,
Девчата несли цветы, –
И лагерные собаки
Все привязи оборвали
И заняли, как по команде,
Свои боевые посты [27, с. 302–303].

Северная деревня, ее нерадостный быт и ускользающие традиции, меняющееся соотношение индивидуального и коллективного, разрушающаяся духовность отразились в художественных произведениях. Сподвижники А. Яшина понимали настрой автора и были с ним солидарны. Так, главный редактор областной газеты «Правда Севера» И.М. Стегачев, комментируя общественную позицию А. Яшина, откровенно продемонстрированную в его остросоциальных стихах и

очерках, в письме от 25 октября 1965 г. не только поддерживал автора, но и утверждал, что инициативы писателя повлияли на поворот в отношении к Северу (документ 2).

Документ 2

*Из письма И.М. Стегачева к А.Я. Яшину
от 25 октября 1965 г.*

[Л. 21] В прошлом году в двух номерах газеты опубликовал свои впечатления после поездки в южные районы области. Назвал их «Право на поиск». Тема: «Когда запрещают выходить из борозды». Это был руководящий принцип областного сельхозуправления. И не только управления.

В газете сравнительно легко «расшибить» этот принцип (хотя кое-кто и пытался завести «дело» в связи с робким «восстанием» против подобного принципа). Вообще это была не новость для меня и газеты. Такое приходилось часто встречать. Но здесь как-то по-иному все это увиделось.

В этом принципе, весьма и особенно строго и усердно соблюдаемом на Севере, не только «административный зуд», «канцелярские методы» и прочие атрибуты, которыми газетчики научились ловко жонглировать. И хотя писал лишь с позиций протеста против «административного зуда», чувствовал, что в официально узаконенном принципе [Л. 22] не смею выходить из «борозды». Есть и такое, что помогло держаться людям на ногах в нелегких, очень нелегких условиях северной деревни. И можно сказать даже обидных условиях, если их сравнить с югом и Сибирью.

Возможно, это тема для повести, романа. Но эта тема и для газеты. Только в ином плане. Вот мы и решили – начать на страницах газеты разговор о традициях северян. В широком плане. Мы, считаю, подготовлены к этому. На страницах газеты вели разговор о живых родниках народного творчества. Надеюсь, Александр Яковлевич, что Вы обязательно примете участие в этом разговоре. Будем рады Вашей постоянной связи с «Правдой Севера».

Вновь прочитал Вашу «Вологодскую свадьбу». Теперь уже с позиций и северянина. Все хорошо. Но... Опять многоточие! Больше бы ярости. И более явной боли.

Последнее. Север нельзя не полюбить. О нем нельзя говорить равнодушно. Север – это по существу заповедный край России. Многого надо сохранить. И не только церкви. Сохранить, и грубо говоря, влить в советскую душу.

Радует – начался, правда пока очень медленный, поворот в сторону Севера. Однако (выражаясь по-сибирски), прошу понять меня правильно (а это выражение уже общесоюзное), не хочу предстать в этом письме многоженцем. В Забайкалье до боли скучал по кубанской весне, а на Севере скучаю по Забайкальскому солнцу. Везде свое. И по-богатырски свое!

Желаю Вам доброго здоровья. Своим маленьким письмом Вы как-то еще более укрепили во мне уважение к Северу и его людям.

25 октября 1965 г. С уважением И. Стегачев
г. Архангельск

Источник: РГБ. Отел рукописей. Ф. 647. К. 15. Ед. хр. 32. Л. 21–22.

Север для писателя – это не просто родина, край добра и чудес, лесов и озер. Это территория, за которую болела душа. Ветшающий деревенский уклад, расточительность и бесхозяйственность, отсутствие должного контроля за развитием сельских территорий легли в основу бескомпромиссного взгляда автора и его активной жизненной позиции.

В завершение сказанного хочется отметить текст письма А.И. Солженицына (документ 3), наполненного духовными смыслами и нравственным ориентиром бытия человека.

Документ 3

**Письмо А.И. Солженицына к А.Я. Яшину
от 11 июля 1968 г.**

Дорогой Александр Яковлевич!

Не было меня в Москве, а теперь я поздно пришел. Вы без сознания, и меня не смогли к Вам допустить. Я надеюсь, все-таки, что Вы прочтете это письмо. Знаю я этот колодец, сам в нем был. Но все-таки неба кусочек оттуда виден, и даже еще ясней, резче, чем из рассеянного просторного мира. Сказали мне, что именно это зрение сейчас у Вас и обострилось. Я душевно этому рад. Для обоих выходов из болезни это важно, и даже трудно сказать для какого больше. С возрастом ощущаю: все менее ценным то, за чем мы гонялись, все более дорогим – духовное зрение. Из окна вашей палаты видна одна из самых дорогих русскому сердцу церквей. Я вижу ее из коридора, из которого пишу. Она вытянута к небу и напоминает нам о том развитии, для которого только и дана нам земная жизнь, да не всегда мы успеваем ее пройти. Но никакое прозрение здесь не поздно никогда. Я молюсь за Вас и дружески обнимаю. Автор «Рычагов» навсегда останется в русской литературе, те рычаги кое-что изменили. Искренне ваш.

11 июля 1968 г.

Источник: РГБ. Отел рукописей. Ф. 647. К. 35. Ед. хр. 32. Л. 6.

Этот текст А. Солженицын написал, сидя в коридоре вместе с Борисом Можаяевым перед палатой А. Яшина в онкологическом институте. Ожидание писателей прервали слова жены Александра Яковлевича – Златы Константиновны: «Теперь можно. А.Я. Яшин скончался» [13, л. 18]. Надежды друзей и родных литератора, к сожалению, не оправдались. Для близких его уход стал потрясением. Грустью, осознанием быстротечности жизни, отсутствием дальнейшей возможности трудиться был охвачен и сам автор. В 1966 г. в стихотворении «Отходная» он предрекал:

О, как мне будет трудно умирать,
На полном вдохе оборвать дыханье!
<...>
Сбылось ли что? Куда себя девать
От желчи сожаленья и упреков?
О, как мне будет трудно умирать!
И никаких нельзя извлечь уроков...[26]

Однако, как отметил сопредседатель Союза писателей России, лауреат Государственной премии России С.Ю. Куняев: «...Без “яшинского” понимания

патриотизма, гражданственности, жизни, может быть, не сложилась бы столь знаменитая и столь значимая для всей литературы России Вологодская писательская организация» [3, с. 1]. А это значит, что уроки Александра Яковлевича Яшина извлечены и будут извлекаться. И не только в культурном пространстве Русского Севера, но и в масштабах всей страны.

А. Яшин – писатель многогранный и многозначимый, красноречивый мастер, не вписывающийся в идеологическую нишу социалистического реализма. Уровень общественного самосознания литератора превосходил нравственные параметры формирующегося потребительского идеала среди управленцев и руководителей, тяготеющих к накопительству и стяжательству, растрачивающих народное имущество, тем самым уничтожающих деревню как таковую. Поэтому возможность исследования мировоззрения писателя и складывающейся ментальности в его литературном круге – перспектива для дальнейших научных изысканий. Последующее осмысление мировидения представителей литературного сообщества будет положено в основу концепции об эволюции российского общества второй половины XX в. [20]. Необходимым начальным этапом предстоящего глобального анализа должна выступить разработка полноценной информационной системы (базы данных), охватывающей этапы жизни писателя, в т.ч. архангельский, вологодский, московский периоды. Целесообразным видится сведение в единый реестр эпистолярного наследия, газетной хроники, публицистического и очеркового актива, уникальных фотографий и документов автора.

Литература

1. Бараков, В. Н. Яшин (Попов) Александр Яковлевич / В. Н. Бараков // Выдающиеся воложане: [биографические очерки] / редколлегия: Г. В. Судаков (предисловие) и др. – Вологда, 2010. – С. 418–421.
2. Викулов, С. Поэт и власть: (воспоминания о А. Яшине) / С. Викулов // Наш современник. – 1997. – № 9. – С. 225–255.
3. Вологодской писательской организации – 60 лет! // Вологодский литератор. – 2021. – № 1 (23). – Октябрь. – С. 1.
4. Земляки помнят: А. Яшин в воспоминаниях северян: [сборник] / составитель В. А. Оботуров]. – Архангельск; Вологда: Северо-Западное книжное издательство, Вологодское отделение, 1988. – 205 с. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/zem/index.htm> (дата обращения: 13. 02. 2023). – Текст: электронный.
5. Кудрявцев, В. Александр Яшин: «Я обречен на подвиг»: в этом году исполняется 95 лет со дня рождения и 40 лет со дня смерти поэта Александра Яковлевича Яшина / В. Кудрявцев // Вологодская афиша. – 2008. Весна. – С. 40–41.
6. Мокин, Г. Последняя встреча / Г. Мокин, В. Каплин // Авангард. – 2008. – 17 апреля. – С. 3.
7. Оботуров, В. А. Родившись заново: лирическая трилогия Александра Яшина / В. А. Оботуров // Сквозь магический кристалл. – Вологда, 2010. – С. 11–76.
8. Оботуров, В. А. Стремнина: к 70-летию Александра Яшина / В. А. Оботуров // Красный Север. – 1983. – 27 марта. – С. 3.
9. Павлов, А. Память о поэте-земляке / А. Павлов // Авангард. – 1977. – 26 марта. – С. 3.
10. Российская государственная библиотека им. В. И. Ленина (РГБ). Отдел рукописей. К. 19. Ед. хр. 2. Л. 24, 25, 38.

11. РГБ. Ф. 647. К. 23. Ед. хр. 8. Л. 7, 8.
 12. РГБ. Ф. 647. К. 25. Ед. хр. 55. Л. 43
 13. РГБ. Ф. 647. К. 35. Ед. хр. 32. Л. 18.
 14. Столетова, А. С. «Я все время чувствую тебя за своей спиной как старшего товарища, советчика и большого друга»: о близости убеждений и творческом единении писателей А. Я. Яшина и В. В. Овечкина / А. С. Столетова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022. – № 2. – С. 14–21.
 15. Столетова, А. С. Александр Яшин: становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера: монография / А. С. Столетова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет. – Вологда : ВоГУ, 2018. – 143 с.
 16. Столетова, А. С. Военные дневники и письма писателя А. Я. Яшина как документы эпохи / А. С. Столетова. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi92 // Вопросы истории. – 2019. – № 12 (4). – С. 21–33.
 17. Столетова, А. С. История трансформации уклада деревенской жизни в повести А. Я. Яшина «Сирота», осмысленная эмигрантом Т. К. Чугуновым / А. С. Столетова // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность: сборник научных статей. – Будапешт : Изд-во Selmeszi Bt. ; Киров : ООО Радуга-Пресс, 2020. – С. 412–419.
 18. Столетова, А. С. Культурно-массовая работа вологодских писателей с читательской аудиторией в 1950–1960-е гг. / А. С. Столетова // Вестник Вологодского государственного университета. – 2017. – № 3 (6). – С. 10–14.
 19. Столетова, А. С. Литературно-идеологическое сопротивление 1950-х – 1960-х гг. (на примере писательских связей и творчества А. Я. Яшина) / А. С. Столетова. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202209Statyi19 // Вопросы истории. – 2022. – № 9–1. – С. 138–154.
 20. Столетова, А. С. Ментальность и стереотипы общественного поведения в условиях обыденности 1950–1980-х годов (документальные свидетельства эволюции) / А. С. Столетова. – DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-481-498 // Научный диалог. – 2021. – № 10. – С. 481–498.
 21. Столетова, А. С. Роль А. Я. Яшина в становлении Вологодской областной писательской организации / А. С. Столетова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 2. – Т. 1. (Гуманитарные науки). – С. 301–306.
 22. Столетова, А. С. Русская деревня в жизни и творчестве В. И. Белова в 1960-е гг. / А. С. Столетова. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201812Statyi03 // Вопросы истории. – 2018. – № 12. – С. 111–119.
 23. Столетова, А. С. Советский писатель на фронте: военная дорога А. Я. Яшина / А. С. Столетова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2021. – № 4. – С. 35–39.
 24. Столетова, А. С. «У писателей, читателей и руководства обкома КПСС Вологды к вам сейчас самое доброе отношение»: о творческой и идейной взаимосвязи А. Я. Яшина и С. В. Викулова / А. С. Столетова, К. В. Кушнерева // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022. – № 1. – С. 29–34.
 25. Цинман, Г. В. Земной поклон: К дню памяти А. Яшина / Г. В. Цинман // Авангард. – 1999. – 10 июля. [Газетная вырезка. Фонд МБУК «Историко-мемориальный музей А. Я. Яшина г. Никольска». Текущий архив].
 26. Яшин, А. Я. Отходная / А. Я. Яшин // Сборник русской поэзии «Лирикон». – URL: <https://liricon.ru/othodnaya.html> (дата обращения: 13. 02. 2023) – Текст : электронный.
 27. Яшин, А. Я. По своей орбите: Гражданская лирика / А. Я. Яшин. – Москва : Современник, 1990. – 351 с.

A.S. Stoletova

A.Ya. YASHIN'S CREATIVE AND PUBLIC INITIATIVES: ON STRENGTHENING RESPECT FOR THE NORTH AND ITS PEOPLE (TO THE 110TH ANNIVERSARY OF THE WRITER)

The study puts into scientific circulation the archival documents which tell the public about the contribution by A.Ya. Yashin to the development of the literary sphere in the Russian North. The documents under study are supposed to supply information about the writers' movement in the middle of the 20th century.

Russian North, A.Ya. Yashin, «village prose», literary creativity, ideological campaign, censorship, criticism, newspaper, writers' organization.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1; 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации



К.А. Блинов

*Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых*

ГРОТЕСК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. ПЕЛЕВИНА «ОМОН РА» И «ЖИЗНЬ НАСЕКОМЫХ» КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ФАНТАСТИКИ

В статье рассматривается сочетание гротескного и фантастического элемента в ранней прозе Пелевина (1990-е гг.). Доказывается, что гротеск из приема превращается в способ производства фантастических образов, видоизменяя функции автора и повествователя. Фантастика Пелевина, при всей ее укорененности в традициях фантастической литературы, представляет собой момент жанрообразования в постсоветской литературе, когда слом прежней системы литературного производства привел к тому, что каждый жанр стал формировать не только литературную традицию, но и особый ценностный порядок и особую концепцию мира. Фантастика поэтому служит не столько реконцептуализации мира, его осмыслению со стороны, сколько, наоборот, принятию конвенций как фантастического романа, так и романа вообще для гротескного изображения действительности и понимания внутренних закономерностей социальной реальности и сознания современного человека.

В. Пелевин, фантастика, гротеск, реальность, жанр, фантастический дискурс.

Русская современная литература становится новым вызовом отечественному литературоведению, поскольку вычленяет из русской классической литературы XIX века дисгармоничные, странные, жанрово гибридные формы и приемы, например, из текстов Гоголя, Лескова, Достоевского. Именно с именами этих писателей исследователи связывают переход от естественных пропорций к «дискретности, непознаваемости мира, иррациональности, перверсивности и болезненности» [3, с. 11]. Развивающийся на этом фоне модернизм сталкивается с кризисными историческими событиями, в которых пребывает русское общество с его культурными и социальными потрясениями, что вынуждает обращаться к произведениям таких писателей, как А. Белый, Ф. Сологуб, М. Булгаков. Например, в романе «Мастер и Маргарита» применяются приемы пародии, иронии, доведенной до гротеска, появляются фантастические герои, происходит смешение реальности, вымысла и исторических событий. Итогом синтеза использования различных приемов, стилей, жанров и становится формирование постмодернизма, которое совпадает с кризисом советской системы прозаических жанров, тесно связанной со спецификой производства литературы, что ведет к поиску новых жанровых форм. Подтверждая эту мысль, М.Н. Липовецкий отмечает «эффект исчезновения реальности как результат кризиса ценностно-идеологических оснований общества, стремительной инфляции прежних мифов и верований», как один из характерных признаков развития постмодернизма в России [6, с. 53].

Сильное влияние на постмодернизм оказала фантастическая литература, которая была особенно отзывчивой к этому направлению. Объяснение пред-

ставленному факту дает Е.Н. Ковтун в работе «Фантастика в эру постмодернизма: русская и восточноевропейская фантастическая проза последней трети XX столетия»: «Если попытаться максимально лаконично сформулировать главный эстетический принцип постмодернистского искусства, можно сказать, что он заключается в моделировании вымышленных конструкций с включением в них как мира реального, так и миров, ранее созданных человеческим воображением» [5, с. 508]. При этом любое литературное произведение предлагает читателю погрузиться в мир художественного вымысла, однако постмодернизм создает такой уровень погружения, где «необычайное» также становится реальностью. Здесь же Ковтун отмечает исключительную роль гротеска для создания «необычных» событий в постмодернистском фантастическом тексте: «Постмодернизм чувствителен к необычайному в самых разных его проявлениях, но более всего – даже не к фантастике, а к фантазмагории и гротеску, сопряжению в тексте обыденных реалий с событиями и превращениями, буквально не лезущими ни в какие ворота» (Там же). Гротеск становится важной составляющей фантастики, которая позволяет через «странные» образы показать истинную действительность. Дополняя фантастические сюжеты реальными деталями или, наоборот, погружая в реальный мир фантастических, гротескных персонажей («Жизнь насекомых» В. Пелевина), русский постмодернизм осуществляет жанровую экспансию фантастической литературы в современные тексты. Фантастическое становится не приемом, обозначающим отношение к происходящему, а способом выхода из кризиса прозаических жанров и обретением нового художественного синтеза старых приемов повество-

вания и новых, заимствованных из зарубежной модернистской и постмодернистской литературы.

Формируя представление о гротеске в фантастическом произведении, необходимо учитывать мнение Ю.В. Манна, который в своей классической работе «О гротеске в литературе» отмечает, что фантастика «играет роль подчиненную» по отношению к гротеску [7, с. 19]. Однако в нашей работе мы считаем необходимым провести жанровые разграничения, поскольку предполагаем, что ценность гротеска в раннем творчестве Пелевина оказывается в том, что он действует на грани фантастического и реального. Автор ставит перед собой цель исследовать социально-философскую проблему, чтобы представить читателю возможные (хоть иногда и мифические) варианты развития событий.

Для определения жанровых особенностей фантастической литературы обратимся к работе «Введение в фантастическую литературу» Цветана Тодорова, где автор на первое место ставит такое качество текста, как «достоверность», и довольно формально определяет необходимость соотносительности с конвенциональными правилами жанра: «Прежде всего, художественный текст должен заставить читателя рассматривать мир персонажей как мир живых людей и испытывать колебания в выборе между естественным и сверхъестественным объяснением изображаемых событий. Далее, такие же колебания может испытывать и персонаж; таким образом, роль читателя как бы доверяется персонажу, и одновременно сами колебания становятся предметом изображения, одной из тем произведения» [14, с. 31]. Иррациональное начинает взаимодействовать с мифологией реальности, которую создает само общество и которое находится в его культурном коде, тем самым формируя единый текст. Исходя из работы Тодорова, мы различаем фантастику как жанр, которая является способом создания сюжета с опорой на сверхъестественный тип образности, и фантастику как совокупность мотивов, которая позволяет переосмыслить социальную действительность. Определения этих понятий восходят к труду А.Н. Веселовского «Историческая поэтика», которая характеризует сюжет как совокупность происходящих в произведении событий [1, с. 495]. Мотивы в свою очередь позволяют двигать сюжет, поскольку являются его минимальными, неразложимыми компонентами (Там же, с. 494). Иными словами, сюжет – это свойство жанра, а специфика изображения событий – свойство совокупности мотивов. Различение этих понятий в отношении фантастики является определяющим, поскольку граница между реальностью и вымыслом в фантастическом художественном произведении становится важным фактором для установления жанровой особенности текста.

Отражение двусмысленности слова «фантастика» по отношению к литературному произведению содержится и в определении Ю.И. Кагарлицкого, указавшего не только его жанровую специфику, но и возможность включенности фантастических элементов в нефантастической литературе: «То или иное произведение остается в пределах фантастики лишь до тех пор, пока средства убедительности – сколь бы реалистичны они ни были сами по себе – служат

именно фантастике. Там, где этот принцип нарушен, фантастическое допущение немедленно обнаруживает всю свою шаткость. Оно отделяется от реалистического по самой сути своей произведения, становится простой литературной условностью. В подобного рода вещах фантастика ничего не определяет. Когда автору нужен просто литературный прием, становится безразлично, откуда этот прием заимствован» [4, с. 39]. То есть, в отличие от Тодорова, он соотносит с фантастическим то ирреальное, во что читатель не может не верить, настолько реалистично настоящее. При этом оба исследователя сходятся во мнении, что фантастика неразделима с личным восприятием конкретного человека, другими словами, верит ли читатель, что происходящие события являются фантастическим.

Новатором в области фантастического в современной русской литературе является В. Пелевин. В его творчестве сходятся поэтика фантастики и поэтика постмодернистской прозы. Фантастические тексты писателя принципиально многоплановы: в них соседствуют мифология, религия, мистика, психоделически мотивированный поток сознания. Все это позволяет автору создать постмодернистскую картину мира, частью которого и являются фантастические элементы. О Пелевине уже существует большая литература: А.В. Дмитриев в диссертации «Неомифологизм в структуре романов В. Пелевина» рассматривает функционирование мифологических сюжетов, в том числе в рамках человеческого сознания [2], или работа Д.В. Нечепуренко «Характерология В.О. Пелевина», в которой исследователь изучает вопрос мировоззрения писателя и влияния его философии на «характерологию его персонажей» [9], написана даже книга-расследование, в которой Сергей Полотовский и Роман Козак совершают попытку написать биографию писателя [13]. Однако о Пелевине пока нет обобщающих исследований, показывающих статус и роль фантастического нарратива (фантастической организации повествования и образности) в создании прозы нового типа.

Пелевин сам мистифицирует жанр и создает иллюзию следования традициям разных типов романа, в том числе фантастического. Сложность жанрового определения не просто входит в замысел автора, но и прямо эксплицируется одним из героев – Петром Пустотой: *«Данное автором жанровое определение – особый взлет свободной мысли» – опущено; его следует, по всей видимости, расценивать как шутку* [12, с. 7]. Писатель не столько следит за выполнением жанровых правил, сколько стремится организовать экспериментальное пространство речи. Фантастическое для Пелевина становится материалом, позволяющим свободно конструировать постмодернистский текст, где в уникальном пространстве для героев и читателей стирается граница реального и нормально-го, что приводит к «колебаниям» между привычным и фантастическим. Специфическим приемом для достижения цели становится гротеск, поскольку он позволяет гиперболизировать созданные миры и создать внутри них управляемый хаос, в котором скрывается истина о действительности.

Со времен романтизма гротеск – это не только художественный прием, восходящий к риторике, но и

способ изображения действительности. При этом выражение гротеска многолико: он может быть пародийным и вызывать смех, как у Франсуа Рабле в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль», или способом воспроизведения субъективного мироощущения, как у Гофмана (посредством гротеска он показывает обновленный мир). В эпоху романтизма понятия гротеска и фантастики обретают взаимозависимые черты, поскольку были направлены на деконструкцию классицизма через критику узкой, ограниченной серьезности и рационализма. Фантастический гротеск позволял показать существование иного мира и формы жизни, мир образной правды. При этом гротеск становится все более универсальным приемом, поскольку позволяет переворачивать и искажать привычные образы, нагнетая и усиливая фантастичность происходящего. Мастером использования подобного приема Б.Н. Эйхенбаум считает Н.В. Гоголя, отмечая: «Гоголем передается действительная гротескная фантастика, переданная как игра с реальностью» [15, с. 308]. Используя этот прием, классик выделяет противоречие действительности, переворачивая в том числе и моральные нормы, Гоголь сочетает высокое и низкое, не переходя в плоскость сатиры. В современной литературе этот прием также не потерял актуальность и активно используется в построении виртуальной реальности писателями-постмодернистами (С. Соколов, В. Сорокин, Т. Толстая), среди которых и выделяется Виктор Пелевин, в творчестве которого гротеск оказывается точкой пересечения фантастического и реального.

Для фантастического мира Пелевина гротеск становится одним из специфических способов создания сюжета, в котором реализуются гиперболизированные представления о действительности. Он не просто создает фантастические образы и элементы, но и мистифицирует их. Соответственно, определение фантастического становится важной задачей, поэтому возникает необходимость обращать внимание на присутствие в тексте гротескных преувеличений, проявляющаяся в умножении отдельных объектов и смешении различных бытовых сфер.

В романе «Омон Ра» фантастическое достигается путем доведения советской мифологии до гротеска, где советская же культура может быть полностью симитирована, что и подрывает ее власть над умами. Главный герой романа, Омон Кривомазов, вполне осознает мифичность навязываемых ему представлений о светлом будущем. *Главное, что должно было отличать эти бутафорские аппараты – множество блестящей фольги, густо написанное «СССР», красные звезды, – и вот уже для ребенка само слово «звездолет» происходит от наличия этих ярко красных знаков на сверкающем борту* [10, с. 15]. Он осознанно примеряет на себя роль «объекта мифологизации», тем самым отстраняясь от обыденности и пытаясь сформировать свою правду. Автор, в свою очередь, старается максимально усложнить текст, обогащая роман деталями, метафорами, лейтмотивами, которые обеспечивают множественность трактовок его текста. «Колебания» персонажа становятся структурообразующими для формирования его внутреннего мира. Пелевин деконструирует советскую систему создания мифов и предлагает читателю мо-

дель художественного мира, в котором отдельно взятая личность самодостаточна и является тем хронопомом, в котором и происходит действие романа.

Пелевин создает действительность, в которой герой становится частью общего хаоса, где гротескные приемы позволяют смыть границу между действительностью и вымыслом, а абсурдность происходящего оказывается нормой. Таким становится и имя главного героя произведения – Омон, которое ему дал отец, работающий в милиции. И независимо от того, слышал читатель такое имя или нет, оно формирует четкие ассоциации не только с подразделением милиции, но и с древнеегипетским богом Солнца – Амном-Ра, которого иногда обозначают как верховного бога. В свою очередь, у Омона цель жизни соотносится с другим небесным объектом, ему предстоит высадиться на Луну, и он также становится «верховным» (на самом деле последним выжившим) членом возглавляемого им экипажа. Абсурдность усиливается и после упоминания фамилии героя – Кривомазов, в которой прослеживается аллюзия на произведение Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». У Омона (также как и у Алеши) умирает от менингита брат Овир (что в реальности расшифровывается как «отдел виз и регистраций»), а вместо третьего брата в романе появляется Митек, друг Омона, который, как и Дмитрий Карамазов, становится жертвой судебной системы. Читатель знает детали жизни героя, знает его полное имя, что неизменно воспринимается как история жизни реального человека, но каждая составляющая знакомой картины мира (вплоть до схожести с героем Достоевского) доводит эту историю до абсурдно-гротескной. Таким образом, повышенное внимание к сознанию героя проблематизирует ирреальное как фактор знакомой нам реальности.

С романа «Омон Ра» начинается создание произведений, в которых мотивом изображения становится миф, что для большой модернистской литературы представляется обязательным, поскольку «мифология в силу своей исконной символичности оказалась удобным языком описания вечных моделей личного и общественного поведения, неких сущностных законов социального и природного космоса» [8, с. 9]. Сама структура романа организована вокруг главного героя, который, проходя через состояние катарсиса, приобретает знания об окружающем мире и о себе. Подобная структура ориентирована на систему древних мифов (например, о подвиге), но в сюжете самого произведения мы видим разрушение современных мифологем, выявление абсурдности действительности, что создает комический эффект: *Парадокс в том, что обманом мы помогаем правде, потому что марксизм несет в себе всепобеждающую правду, а то, за что ты отдашь свою жизнь – формально является обманом. Но чем сознательнее ты осуществишь свой подвиг, тем в большей степени он будет правдой, тем больший смысл обретет короткая и прекрасная твоя жизнь!* [10, с. 38]. Фантастическое здесь становится не мотивацией для развития сюжета, а единственно возможной частью создаваемого мира.

Гротескный прием соединяется с фольклорными и мифологическими сюжетами и позволяют автору ре-

гулярно смещать границу между реальностью и фантастикой, помогая создавать дополнительные сюжетные грани для характеристики окружающего мира и отдельных персонажей. Так, например, действие романа «Жизнь насекомых» (который представляет собой сборник связанных между собой новелл) строго зависит от персонажей, которые представлены в той или иной главе. Персонажи в произведении выглядят, ощущают и ведут себя как насекомые: *Он выглядел совсем иначе: он был светло-шоколадной расцветки, с изящными лапками, поджарым брюшком и реактивно скошенными назад крыльями; ...губы Сэма элегантно вытягивались в шесть тонких упругих отростков, – словом, понятно, как выглядел москит-кантатор рядом с двумя простыми русскими насекомыми* [11, с. 12]. С другой стороны, в тексте романа присутствуют детали, которые позволяют предположить, что герои романа – люди (например, история мухи-Наташи, которая способна убить комара у себя на ноге). Применение гротескных деталей позволяет автору создавать действительность, в которой смывается граница между реальностью и вымыслом, что позволяет свободно формировать особые характеры героев, которым соответствуют особые же миры существования, постоянно ставящие под вопрос их идентичность.

Показывая людей-насекомых, Пелевин создает мир на грани фантастики и реальности, в котором посредством гротеска доводит происходящее до абсурда, не давая читателю возможности однозначно толковать текст. Среди героев произведения мы можем встретить типичные образы людей постсоветской реальности: интеллигенция (жуки-скарабеи), пьяницы (комары), военные (муравей-майор Николай), наркоманы (конопляные клопы), «новые русские» (таракан Сережа). Тем самым создавая особый миниатюрный мир, Пелевин ярко и порой довольно жестко показывает социальную жизнь россиян начала 90-х годов. Анимизация (происходит от английского «animise» в значении «придание жизненных качеств») позволяет автору отразить ограниченность человеческой жизни определенного периода, жизнь «насекомых» оказывается в бессмысленном круговороте судьбы, итогом которой оказывается гибель (например, смерть клопов Никиты и Максима в сигарете, которую выкуривает комар Сэм). Фантастическое в этом случае становится единственно возможной формой восприятия окружающего мира.

Таким образом, Пелевин создает структурно и информационно сложные произведения, в которых образные модели позволяют сформировать неоднозначную социальную картину мира, выходящую за рамки фантастического произведения. Опираясь на гротескный прием, Пелевин использует фантастическое для отражения перехода неправдоподобных событий (через превращения героев в людей с фантастическим восприятием мира или зооморфных существ) в события прошлого и будущего. Использование этого приема позволяет создать новую фантастическую модель художественного мира, где отражается желание автора показать смену социальных установок современного мира.

Герои пелевинских текстов могут выглядеть и ощущать себя абсолютно по-разному (человек, насекомое, вампир), но при этом решать общую задачу по переосмыслению действительности. Мистифицируя фантастическую модель текста, автор выходит за рамки реалистичности и разрешает психологические, социальные, культурные проблемы посредством погружения читателя в виртуальную действительность. Основным источником ирреального выступает сознание человека, через организацию иллюзорности бытия, хаоса, одиночества, болезненности, поиска себя, автор создает условия для тотальной деконструкции реального и формирования фантастического. Фантастика тем самым способствует пониманию индивидуального сознания героев, которое и определяет развитие повествования. Гротеск в этом случае помогает автору создать особые миры, насыщенные виртуальными, мифическими, сказочными мотивами, и стать своего рода самоорганизатором хаоса. Его использование в тексте позволяет совершить переход от советского дискурса к фантастическому, способному интегрировать в себя постмодернистское отношение к герою и высказыванию. Для современного автора-постмодерниста это возможность окончательно разрушить границу между жанрами и отразить многоплановость современного мира.

Литература

1. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Ленинград : Художественная литература, 1940. – 648 с.
2. Дмитриев, А. В. Неомифологизм в структуре романов В. Пелевина : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Дмитриев Алексей Вячеславович. – Астрахань, 2002. – 174 с.
3. Добренко, Е. А. Судный день русской литературы. Пост-классический роман: канон и трансгрессия / Е. А. Добренко // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 9–22.
4. Кагарлицкий, Ю. И. Что такое фантастика? / Ю. И. Кагарлицкий. – Москва : Художественная литература, 1974. – 352 с.
5. Ковтун, Е. Н. Фантастика в эру постмодернизма: русская и восточноевропейская фантастическая проза последней трети XX столетия / Е. Н. Ковтун // Славянский вестник. – Москва, 2004. – Вып. 2. – С. 498–512.
6. Липовецкий, М. Н. Постмодернизм в русской литературе: агрессия симулякров и саморегуляция хаоса / М. Н. Липовецкий // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2006. – Т. 17, № 1. – С. 52–82.
7. Манн, Ю. В. О гротеске в литературе / Ю. В. Манн. – Москва : Юрайт, 2021. – 145 с.
8. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – Москва : Восточная литература, 2000. – 407 с.
9. Нечепуренко, Д. В. Характерология В. О. Пелевина : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Нечепуренко Дмитрий Валерьевич. – Екатеринбург, 2014. – 215 с.
10. Пелевин, В. О. Омон Ра / В. О. Пелевин. – Москва : Вагриус, 2000. – 272 с.
11. Пелевин, В. О. Жизнь Насекомых / В. О. Пелевин. – Москва : Эксмо, 2022. – 288 с.
12. Пелевин, В. О. Чапаев и Пустота / В. О. Пелевин. – Москва : Эксмо, 2014. – 416 с.
13. Полотовский, С. Пелевин и поколение пустоты / С. Полотовский, Р. Козак. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 200 с.

14. Тодоров, Ц. Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров ; перевод с французского [Б. Нарумов]. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 1994. – 144 с.

15. Эйхенбаум, Б. М. О прозе : сборник статей / Б. М. Эйхенбаум [составление и подготовка текста И. Ямпольский]. – Ленинград : Художественная литература, 1969. – 503 с.

К.А. Blinov

**GROTESQUE AS AN INSTRUMENT OF SOCIAL FICTION
IN V. PELEVIN'S «THE LIFE OF INSECTS» AND «OMON RA»**

The study examines the combination of the grotesque and fantastic elements in Pelevin's early prose (1990s). It proves that the grotesque transforms from a technique into a way of producing fantastic images, changing the functions of the author and the narrator. Pelevin's fiction, while rooted in the traditions of fantasy literature, represents a certain moment of genre-making in post-Soviet literature, when the breakdown of the former system of literary production resulted in each genre representing not only a literary tradition, but also a particular value order and a particular conception of the world. Fiction therefore serves not so much to reconceptualise the world and make sense of it from the outside, but rather to adopt the conventions of both the fantasy novel and the novel in general for a grotesque depiction of reality and understanding of the inner patterns of social reality and consciousness of a modern man.

V. Pelevin, fiction, grotesque, reality, genre, fictional discourse.



Я.В. Брусиловская

Московский педагогический государственный университет

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ПОЭЗИИ Н. РОМАНОВОЙ (ДИПТИХ «ЗВЕРСТВО» И «ЛЮДОЕДСТВО»)

В статье предпринята попытка выявления и осмысления лирического субъекта в творчестве поэтессы Н.В. Романовой (р. 1957) на примере стихотворений из двухчастного сборника «Зверство» и «Людоедство» (2015): проводится анализ текстов на основе системно-субъектного метода Б.О. Кормана и С.Н. Бройтмана; реактуализируются понятия ролевой лирики и ролевого героя; рассматривается проблема идентификации субъекта в контексте постмодернистской поэтики; затрагивается вопрос о лексико-семантическом наполнении поэтического текста как об одном из способов понимания природы авторского высказывания. Также обсуждается потенциальная значимость и обоснованность альтернативных подходов и точек зрения на проблематику выражения авторского сознания. В частности, делается вывод о релевантности категории «авторской маски» применительно к лирике как синкретическом субъекте, находящемся на пересечении общепринятых типов репрезентации автора в произведении.

Наталья Романова, современная поэзия, женская поэзия, постмодернизм, субъектность, ролевая лирика, ролевой герой, авторская маска.

Поэзия одной из ярких представительниц петербургского андеграунда рубежа XX–XXI вв., Натальи Романовой¹, – явление неоднозначное и достигшее пика постмодернистской эстетики. Через «шок, вызов, брутальность, жестокость зрения, тягу к патологии, антинормативности, протесту против классических форм прекрасного и традиционных представлений о гармоничности и соразмерности» [11, с. 12], поддерживающих, вместе с тем, максимальную концентрацию абсурда, крайне натуралистично описываемые сцены насилия, сексуальных девиаций, жестокости и прочих, как принято считать, неприглядных картин человеческого бытия в лирике Н. Романовой представляют собой квинтэссенцию постмодернистской тенденции к деконструкции и деэстетизации творчества.

На наш взгляд, поэзия Н. Романовой, помимо прочего, является очень ярким и наглядным примером трансформации одной из ключевых категории лирики, а именно – ее субъектной организации, представляя интерес для исследования проблемы выявления моделей авторского высказывания и способах его выражения в предельно деструктивной, разрушающей в том числе и индивидуум, поэтике постмодернизма.

По словам самой Н. Романовой, в ее стихах совершенно отсутствует лирический герой: «Это – ролевые стихотворения. <...> Не надо автора идентифицировать с образами и масками, с теми ролями, которые есть в тексте» [18]. Действительно, с точки зрения субъект-субъектных отношений в лирике как диалогических парадигм единства автора и героя в ней, подавляющее большинство поэтических текстов Н. Романовой, в том числе стихотворений, входящих в диптих «Зверство» и «Людоедство» (2015), написа-

ны от лица героя *ролевой лирики*. Термин, впервые сформулированный и введенный в литературоведческий тезаурус в контексте теории субъектных форм выражения авторского сознания Б.О. Корманом [9] и позже дополненной С.Н. Бройтманом [3], на практике полностью соответствует тому, что можно увидеть в рассматриваемых нами произведениях. «Сущность “ролевой” лирики заключается в том, что автор в ней выступает не от своего лица, а от лица разных героев. <...> автор дает слово героям, явно отличным от него. Он присутствует в стихотворениях, но скрыто, как бы растворившись в своих героях, слившись с ними», – пишет Корман [9, с. 99].

Одними из главных отличительных черт такой лирики является повествование от первого лица, полностью отстраненного от биографического автора (адресант выступает по отношению к нему как «другой» – герой, близкий к драматическому [15, с. 113]), а также подчеркнутая условность выбранного субъекта, «обычно характерного для данной эпохи или жанровой традиции» (Там же, с. 214–215).

В поэзии Н. Романовой такие субъекты, как правило, нарочито эксплицированы: *Я – пожилой человек: мне семьдесят семь...; Я – мать двоих дочерей, обе – от изнасилований...; Я таджичка Будур с кишлака под Курбаном-Тюбе...; Мне 60, а кто даст? / Я живу в роскоши, як графиня...; Чем я хуже многих российских женщин / Работяга, верная, не пью...; Я работница клининговой компании Н. Кадряну / Трудовая мигрантка из дружественной Молдовы...; Я почетный донор России, ветеран афганской войны... и проч.*

В случае, если ролевой герой явно не обозначен в тексте, он не менее легко угадывается через контекст и «характеристические средства речевой типизации» [9, с. 10], которые также являются неотъемлемой ча-

¹ В масс-медиа и социальных сетях зачастую упоминается как *Наташа* Романова.

стью характерологического функционала ролевой лирики: присущая ей стилистическая однородность и, вместе с тем, ее специфичность позволяют добиться конкретизации раскрываемого образа, соотнесения с условиями его существования в определенной социально-бытовой и (или) культурно-исторической среде.

*Дочура в Москву поехала – я дом продала на брянщине,
чтоб ей комнату оплачивать хватило хотя б на год*
[17, с. 65]

*Я примерно лет десять жила в коллекторе
Это не библиотечный коллектор, а люк.
На допросе инспектора малолетних
Я лишилась обеих рук*
(Там же, с. 83)

*Мы люди простые, гимназиев я не кончал,
Работал в охране. На школу забил в пятом классе.
Не пил, не кололся, гантели все время качал*
(Там же, с. 71)

*Мой мне казаў, что ў Питере не хватаеа кандуктароў.
Ен туды уже полгода назад уехаў,
А мяне пакінуў ў дзярэўне, штоб я глядзела свякроў²*
[16, с. 56]

*На районе зашкаливает преступность.
Мои дети дома одни.
Я стою в магазине шаговая доступность
двое суток через одни.*
[17, с. 19]

Таким образом, несложно увидеть, что ролевые герои Н. Романовой – это дети с нарушениями интеллектуального и эмоционального развития, подростки из неблагополучных семей, старшеклассники, студенты, люди с психическими расстройствами и ментальными особенностями, городские маргиналы, жители провинции, а также представители тех или иных социальных меньшинств.

Однако зачастую в текстах высказывание ведется не только от первого, но и от третьего лица, что скрывает личность и сущность говорящего, в связи с чем возникает вопрос, насколько правомерно в таком случае говорить о радикальном смещении полюсов «авторского» и «геройного» планов в стихе; учитывая, что стихотворения так или иначе связаны между собой как содержательно – эстетической и пространственно-временной линиями, объектной направленностью и ценностными интенциями рассказчика, так и формально – объединены в цикл.

Обращаясь к уже упомянутому «системно-субъектному методу» анализа, мы склоняемся к тому, чтобы дифференцировать субъект в соответствии с терминологией *автор-повествователь* (или *лирический повествователь*), *собственно автор*, *лирическое я* и *лирический герой*, т.к. данные дефиниции по-прежнему являются наиболее авторитетными и, как следствие, наиболее часто используемыми в отечественном литературоведении, даже несмотря на частные случаи их трактовки.

На первый взгляд, ближе всего, по этой концепции, лирическим субъектом Н. Романовой будет автор-повествователь – внеличная форма выражения авторского сознания, в которой благодаря грамматически не определенному субъекту «создается наиболее полно иллюзия отсутствия раздвоения субъекта речи и изображения на автора и героя, а сам автор растворяется в своем создании» [15, с. 113].

*Татарский «Титаник» плывет по реке.
Мальчишка на палубе в воду глядит.
Он жирную булку сжимает в руке.
Татарский аллах за мальчишкой следит...*
[16, с. 9]

*Прошлое лето сыпались с неба птицы живые, в это –
железные.
Если так дальше пойдет – следом и ангелы
сверху попадают. Нивы просторные, улицы тесные,
все пустыри и собачьи площадки будут завалены.*
(Там же, с. 10)

*Сольвейг Гюнт вступила в союз с собакой.
После этого ее жизнь изменилась к лучшему.
Везде считают нормальным союз мужика с бабой,
и связь двоих мужиков считают благополучной.*
[17, с. 85]

*Кто живет на съемных квартирах,
тот деньги относит в ад.
В преисподнюю инвестирует,
кормит дьявольский банкомат.
Твой хозяин не дядя Сережа,
тетя Надя и дядя Андрей,
а Чорт с волосатой рожей
шипящий, как водогрей.*
(Там же, с. 12)

«Собственно автор» и «лирическое я» крайне тесно связаны с «повествователем» – их разграничение кроется, главным образом, в предмете изображения. По словам Кормана, в отличие от повествователя, в случае с которым внимание читателя, по большей части, сфокусировано на том, *кто* изображен и о *ком* рассказывается, «собственно автор» смещает угол зрения реципиента, сосредотачивая восприятие на том, *что* изображено и о *чем* говорится [9, с. 43, 46]. Ключевым отличием этих во многом родственных субъектных форм является их близость к непосредственно авторскому восприятию: они грамматически выражены в тексте и, главное, акцентируют точку зрения автора на происходящее. Гипотетически, данные типы репрезентации могут иметь место в исследуемом материале: при детальном рассмотрении в ролевых стихотворениях можно обнаружить пусть и условный, но все-таки вполне реальный авторский «след»³. Однако, если брать во внимание факторы исторической и пространственной перспективы, «повествователь» будет объективно ближе поэзии Н. Романовой: ни ее персонажам, ни рассказчику в том или

² Пер. с белор.: «Мне мой сказал, что в Питере не хватает кондукторов / Он туда уже полгода назад уехал, / А меня оставил в деревне присматривать за свекровью».

³ Так, например, слова: <...> *пошла в сортире про меня писать: / Цай – корейка* <...> [16, с. 49] могут восприниматься как автобиографизм, если принимать во внимание тот факт, что Н. Романова – этническая кореянка по отцовской линии, а Цай – девичья фамилия поэтессы.

ином лице несвойственна причастность к «большому миру истории и народной судьбы» [9, с. 43, 46], что более характерно для «лирического я».

Лирическому герою же как будто совсем не находится места в поэзии Н. Романовой, поскольку принято считать, что данная двуплановая форма является не только *субъектом-в-себе*, но и *субъектом-для-себя* [15, с. 114], т.е. одновременно является «и носителем речи, и предметом изображения» [9, с. 48]. Однако в этом контексте, на наш взгляд, будет очень уместно обратить внимание на рассуждения А.А. Чевтаева: критикуя некоторые положения «теории автора» Кормана, он в том числе говорит о возможности трансформации субъектности лирического героя, если речь идет о *лирическом повествовании*, которое, что очень важно, является едва ли не основой поэзии Н. Романовой. С целью наиболее полно прояснить суть концепции позволим себе привести объемную цитату: «В ситуации, когда прямооценочная “точка зрения”, направленная на переживания самого субъекта, соотносится с рассказом о событиях, в которые он включен, реализуется тип повествования, где нарративный акт осуществляется лирическим героем. Разумеется, самораскрытие субъекта здесь остается на первом плане, но его эмоциональное состояние напрямую обусловлено событиями повествуемой истории <...> Лирический герой, рассказывая о некоем событии, обязательно принадлежит диегесису. В этом смысле его двойственная природа – неразрывное единство субъектных и объектных качеств – раскрывается в функциональном аспекте: как субъект он осуществляет нарративное высказывание, но сам же является объектом своего рассказа» [19, с. 108–109].

Мы понимаем, что на внутритекстовом уровне рассматриваемых произведений отсутствует какое-либо прямое подтверждение или опровержение тому, что автор был максимально абстрагирован от описываемого и не рассказывает о событии, участником которого он мог являться в прошлом: об этом мы можем судить лишь по словам самой Н. Романовой из интервью, приведенного нами в начале статьи. С этой точки зрения чисто теоретически такого «нарративного» лирического героя можно поставить в один субъектный ряд с «собственно автором» и «лирическим я», о которых мы говорили выше, и предположить, что в высказывании действительно присутствует некоторая доля автопсихологизма или даже автобиографичности, однако заметим, что применительно к исследуемому материалу эта концепция носит, скорее, спорный и неочевидный характер. Поскольку на данном этапе не представляется возможным непротиворечиво доказать обратное, мы придерживаемся мнения, что, несмотря на очевидно жизнеподобный вербализированный вымысел в своей основе [7, с. 96], онтологическая природа изображаемого в стихах Н. Романовой полностью фиктивна. Впрочем, безусловно, данная теория обладает серьезным методологическим потенциалом для последующих исследований и релевантностью применения ее положений на практике.

Таким образом, за исключением случаев отчетливо проявляющегося ролевого героя, лирический субъект Н. Романовой находится на пересечении несколь-

ких типов репрезентации авторского сознания. Думается, в определенной степени целесообразной и оптимальной может быть корреляция такого субъекта с понятием *маски*. Надо сказать, что многие исследователи в контексте лирики напрямую связывают его с ролевым субъектом [9; 12; 15] или лирическим героем в качестве одного из «менее радикальных способов изображения субъекта» [15, с. 114], дополнительно способствующих его «дистанцированию» от биографического автора. О подобных метаморфозах лирического субъекта писала и Л.Я. Гинзбург, говоря, что таковой «может быть зашифрован пейзажем, предметом, другими персонажами, эпизодом, диалогом, сценой, размышлением, скрепленным с частным участком жизни. Автор присутствует, но он присутствует как лирическое отношение к вещам» [5, с. 54]. А.Г. Бичевин, например, придерживается позиции, что «“Маска” есть феномен субъектной организации лирического произведения, форма, объединяющая свойства лирического и “ролевого” героев» [2, с. 6].

Кроме того, обязательным условием введения в текст «замаскированного» или ролевого субъекта, считает Е.Ю. Мартынов, является существование той или иной «культурно-нагруженной ситуации», которая «создает представление о том или ином образе, как о маске – средстве стандартизации языковой действительности» [12, с. 13]. Похожее мнение высказывают также В.В. Арнаутова и К.М. Водопьянова, обращая внимание на то, что «существование маски невозможно без определенного культурного контекста, “готовых” толкований <...> при введении в текст героя-маски достаточно пары точных штрихов, чтобы вызвать в сознании образ, полнота которого зависит от культурной компетенции читателя» [1, с. 10]; вследствие чего одна из ключевых субъектных функций маски «направлена именно на идентификацию читателем образа условного автора, т.е. на осмысление своеобразной авторской установки, формирующей горизонт ожидания читателя» [4, с. 119].

В случае с поэзией Н. Романовой этот момент видится нам особенно показательным, поскольку та самая «культурно-нагруженная ситуация» и способы ее донесения сквозь условно авторскую призму до реципиента не просто семантически и стилистически однородны вне зависимости от эксплицитности/имплицитности субъекта, но и ярко продемонстрированы в тексте на речевом уровне.

В первую очередь, это, конечно, стилистически сниженная и экспрессивная лексика, избыливающий спектр которой включает в себя как обценную лексику (открытую нецензурную брань, вульгаризмы, дисфемизмы), так и большой пласт социолектов (жаргона, сленга, просторечий).

Нельзя не сказать также про намеренное нарушение орфографических и орфоэпических норм. Деформацию ударений в словах автор самостоятельно обозначает графически (*ЕвангЕля, апокалИпсиса, нОртфеля, чучЕля, мОста, старЬе, мОтыль, мОзги* и др.), и зачастую эта вольность не является инструментом сохранения рифмы, метрического и (или) ритмического строя стиха: в основном она выполняет коммуникативно-стилистическую функцию как средство речевой экспрессии и неоднозначности, стано-

ваясь таким образом дополнительным – фонетическим – приемом выразительности [6, с. 4].

С аналогичной целью Н. Романова искажает и правописание: например, с целью имитации иностранного акцента (*Жэницына! Я хачу зделать тыбе прыятно!; Ты моя любов, без тебя я долго душой болель и др.*) или подчеркивания социального статуса говорящего (*уложыл, гимназиев, теперя, чево и др.*), а также «коверкает» известные имена и фамилии для придания аналогичного эффекта (*Тото Кутунья, Хампердинг, Стас Пухайлов, Виктор Харя и др.*).

Помимо этого значительную часть стихотворного текста составляют онимы, позволяющие читателю, в зависимости от его кругозора и погруженности, интуитивно распознать место, время, обстоятельства и «климат» происходящего, непосредственных участников событий и прочих фигурирующих в них лиц. Примечательно, что большинство имен собственных, встречающихся в стихах Н. Романовой, – это реально существующие локации и объекты; имена известных людей в области политики и шоу-бизнеса; наименования торговых марок, брендов и медиа; обозначения аутентичных прецедентов и ресурсов, которые в универсуме и служат маркерами для реконструкции «системы индивидуальных кодов художника <...> значимых кодов культуры, к которой принадлежал автор» [10, с. 298], необходимой как для лучшего опознания «скрывающегося» под маской автора (его самовыражения и степени проявления), так и для наиболее точного моделирования лирического субъекта.

Как мы могли увидеть, способы идентификации, конструирования, трансформации и даже именовании лирического субъекта в новейшей поэзии совсем не исчерпываются «традиционными» подходами, нередко требующими актуализации и обновления методологического инструментария.

В случае рассмотренного нами примера, поэзии Н. Романовой, субъектная структура лирического произведения (как микроэлемента, так и поэтической системы в целом), с одной стороны, может быть многозначна, предполагая тем самым «определение и интерпретацию основного стилистового фона и отличных от него иноречевых включений» [8, с. 38–39], на чем мы останавливались, говоря о «стилистически-субъектной характерности» (Там же), т.е. лексическом, экстралингвистическом и лингвокультурологическом наполнении, что, помимо прочего, задает собой вполне определенный вектор эмотивности текста.

С другой стороны, если следовать эстетике и идейно-философским воззрениям постмодернизма, субъектность в данном случае может быть разрушена в принципе, т.к. постмодернизм на почве постструктуралистской и деконструктивистской мысли предполагает практически – в широком смысле – деструкцию поэтики, в том числе и ее субъектной составляющей. Именно в этой связи как нельзя больше и напрашивается реактуализация понятия «авторской маски», которая, по мнению американского критика К. Малмгрена, является центральным и объединяющим элементом типично разрозненного содержания постмодернистского повествования [20]. Некоторые отечественные исследователи также отмечают, что в последние десятилетия «маску» традиционно назы-

вают одним из главных приемов постмодернистской поэтики [14, с. 6] и «важным структурообразующим принципом повествовательной манеры постмодернизма» [13, с. 512], а непосредственно в русскоязычной практике, вследствие своей исторической изменчивости, «функционирование ее шло по пути освоения художественного пространства, расширения диапазона авторских возможностей, демонстрации авторской способности фиксировать возможные варианты собственной идентичности» [14, с. 36–37]. Кроме того, будучи дуалистическим по своей природе феноменом, «маска» при позиционировании и объективации автора в произведении может выступать как в качестве «стилистически маркированного литературного приема» (Там же, с. 16), так и некоего художественного образа, намеренно созданного автором для сокрытия и (или) представления себя-«другого», что, помимо прочего, является также неотъемлемой частью характерного для постмодернизма игрового дискурса – наделения функциональной ролью не только автора и героя, но и читателя, который способен таким образом самостоятельно реконструировать субъектное поле.

«Материализуясь» на месте такого разрушенного субъекта, «маска» позволяет его заново синтезировать и создать некие обобщенные – порой даже рафинированные – образы героев, социума и пространственно-временных рамок, но одновременно с этим будет по умолчанию полифонична. Подобные пертурбации очень присущи художественному миру Н. Романовой: субъектное «многоголосье» гармонирует с ее стихотворным постмодернистским хаосом, представляя собой деперсонифицированную синкретическую модель субъектности, где предполагаемый автобиографизм вкуче с узнаваемыми приметами реального времени можно рассматривать в качестве лишь одной из множества ипостасей подлинного автора либо как прием мистификации – следующий этап его самоидентификации путем осознанного перевоплощения.

Литература

1. Арнаутова, В. В. Персонаж, маска и имидж в русской поэзии рубежа тысячелетий : специальность 10.01.01 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Арнаутова В. В. – Казань, 2022. – 22 с.
2. Бичевин, А. Г. «Маска» как феномен субъектной структуры в ранней лирике Н. С. Гумилева / А. Г. Бичевин // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 379. – С. 5–9.
3. Бройтман, С. Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики: Субъектно-образная структура : монография / С. Н. Бройтман. – Москва : РГГУ, 1997. – 307 с.
4. Водопьянова, К. М. Функции авторской маски в сказовом повествовании (на материале произведений Н. С. Лескова) : специальность 10.01.08 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Водопьянова К. М. – Донецк, 2018. – 232 с.
5. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – 2-е изд., доп. – Ленинград : Советский писатель, 1974. – 408 с.
6. Здвижкова, Е. А. Ударение в поэзии: норма или поэтическая вольность / Е. А. Здвижкова // Филология и лингвистика в современном обществе : Материалы IV Международной научной конференции (Москва, июнь 2016 г.). – Москва : Буки-Веди, 2016. – С. 3–5.

7. Клейменова, В. Ю. Фикциональность и вымысел в тексте / В. Ю. Клейменова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2011. – № 143. – С. 94–102.
8. Корман, Б. О. Лирика и реализм / Б. О. Корман. – Иркутск : Издательство Иркутского университета, 1986. – 96 с.
9. Корман, Б. О. Лирика Некрасова / Б. О. Корман. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ижевск : Удмуртия, 1978. – 300 с.
10. Леута, О. Н. Ю. М. Лотман о трех функциях текста / О. Н. Леута // Юрий Михайлович Лотман : сборник статей / под редакцией В. К. Кантора. – Москва : РОССПЭН, 2009. – С. 294–309.
11. Лихина, Н. Е. Актуальные проблемы современной русской литературы: Постмодернизм : учебное пособие / Н. Е. Лихина. – Калининград : Калининградский университет, 1997. – 59 с.
12. Мартынов, Е. Ю. Герой-маска как тип репрезентации авторского сознания / Е. Ю. Мартынов // Актуальные вопросы филологических наук : Материалы I Международной научной конференции (Чита, ноябрь 2011 г.). – Чита : Молодой ученый, 2011. – С. 12–15.
13. Осовский, О. Е. Маска авторская / О. Е. Осовский // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под редакцией А. Н. Николюкина. – Москва : НПК «Интелвак», 2001. – С. 512.
14. Осьмухина, О. Ю. Авторская маска в русской прозе 1760–1830-х гг. : специальность 10.01.01 : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Осьмухина О. Ю. – Саранск, 2009. – 40 с.
15. Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / под редакцией Н. Д. Тамарченко. – Москва : Издательство Кулагиной INTRADA, 2008. – 358 с.
16. Романова, Н. Зверство: Стихи / Н. Романова. – Санкт-Петербург : Лимбус-пресс, Издательство К. Тублина, 2015. – 96 с.
17. Романова, Н. Людоедство: Стихи / Н. Романова. – Санкт-Петербург : Лимбус-пресс, Издательство К. Тублина, 2015. – 96 с.
18. Рыжов, Л. Наташа Романова: идеальная грамотность и людоедство : интервью. – Текст : электронный // Sputnik Беларусь. – URL: <https://sputnik.by/20151018/1017901247.html> (дата обращения: 20.01.2023).
19. Чевтаев, А. А. Повествовательность в лирике и концепция Б. О. Кормана / А. А. Чевтаев // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2006. – № 7 (21). – С. 103–114.
20. Malmgren, C.-D. Fictional Space in the Modernist and Postmodernist American Novel / C.-D. Malmgren. – Lewisburg : Bucknell University Press, 1985. – 240 p.

Ya.V. Brusilovskaya

**THE LYRICAL SUBJECT IDENTIFICATION
IN N. ROMANOVA'S POETRY
(BASED ON THE DIPTYCH «ATROCITY» AND «CANNIBALISM»)**

The study identifies and comprehends the lyrical subject in the poetry by Natalia Romanova (born in 1957). The poems from the diptych «Atrocity» and «Cannibalism» (2015) are under consideration. The analysis of the poems is carried out with the system-subject method by B. Korman and S. Broytman. The role-playing lyrics and the role-playing hero concepts are also reactualized; the problem of the subject identification in the context of postmodernism is considered; the issue of the lexical-semantic filling of the poetic text as one of the ways to understand the nature of the author's statement is raised. In addition, the potential significance and validity of alternative approaches and views on the problems of expressing the author's consciousness are discussed. In particular, it is concluded that the category of the «author's mask» is relevant in relation to the lyrics as a syncretic subject, placed at the intersection of generally accepted representation types of the author in the work.

Natalia Romanova, contemporary poetry, female poetry, postmodernism, subjectivity, role-playing lyrics, role-playing hero, author's mask.

*С.С. Бытко**Нижевартовский государственный университет*

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В РОМАНЕ П.И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «В ЛЕСАХ»

Целью статьи является рассмотрение особенностей восприятия П.И. Мельниковым-Печерским образовательных традиций заволжских старообрядцев. В рамках исследования автор обращается к биографическому, культурно-историческому и сравнительно-историческому методам. Устанавливаются источники формирования представлений писателя о роли книжности в повседневной жизни «раскольников». Выясняются любопытные подробности образовательной модели староверов, а также определяются основные пути распространения грамотности в среде «ревнителю древлего благочестия». Описывается социальное положение начетчиков, раскрывается их роль в организации религиозно-бытовой жизни старообрядческих общин. Делается вывод о весьма неоднозначном отношении П.И. Мельникова к образовательным традициям «старолюбцев». Писатель отмечает крайнюю догматизированность и односторонность старообрядческого образования, базирующегося на патриархальных нормах древнерусских школ и отрицающего достижения современной цивилизации. Одновременно с этим он указывает на положительные черты староверческой интеллектуальной традиции – высокую культуру чтения, сохранение этноконфессионального самосознания воспитанников, а также благотворную роль в деле преодоления безграмотности простонародья.

П.И. Мельников-Печерский, образование, книжность, Псалтырь, Часослов, Азбуки, старообрядцы, грамотность.

Интерес П.И. Мельникова к старообрядчеству был в немалой степени обусловлен его увлеченностью русскими древностями и памятниками старины [2, с. 27]. Павел Иванович был известным знатоком иконописи, огромное внимание он уделял и книжному наследию староверов. Страстная охота за рукописными памятниками увлекла Мельникова еще в начале 1840-х гг. Для изучения духовного наследия старообрядцев писатель обращался к кириллическим собраниям духовной семинарии, Спасского собора, Благовещенского и Вознесенского монастырей Нижнего Новгорода [8, т. 1, с. 79]. Позднее он предпринял несколько служебных поездок по Волге, в ходе которых существенно расширил свои познания о старообрядческой книжной традиции [1, с. 329, 337].

В 1857 г. Мельникову поручается составление подробного историко-догматического изложения верования различных старообрядческих согласий. При этом Павел Иванович получает доступ к рукописям Императорской Публичной библиотеки, Румянцевского музея, а также архива Министерства внутренних дел. В 1858 г. появилось Высочайшее повеление о составлении подробного описания текущего состояния «раскола» в России, и П.И. Мельникову, наряду с прочим, было поручено собрать сведения об уровне образованности старообрядцев, способах распространения среди них грамотности, о читательских интересах «раскольников» и путях приобретения ими книг. Павлу Ивановичу также предписывалось заняться скупкой наиболее ценных книжных реликвий, на что ему было выдано 152 рубля [8, т. 1, с. 114–115, 178]. После отставки с поста министра внутренних дел

С.С. Ланского в 1861 г. финансирование изучения «старообрядческого вопроса» сворачивается, а ранее собранные Мельниковым этнографические материалы становятся базой для его литературного творчества.

В романе «В лесах» Павел Иванович не раз указывает на широкое распространение грамотности среди староверов: «...за Волгой грамотеи издавна не в диковину...». Писатель отмечает, что обучение сыновей грамоте для старообрядцев было столь же необходимой частью воспитания, как и приучение дочерей к рукоделию [8, т. 3, с. 33; т. 6, с. 368]. Так, описывая последователей синодальной церкви, происходивших из общественных низов, Мельников нередко вкладывает в их уста самоуничижительные замечания о собственной неграмотности. Совершенно иначе высказываются о себе в произведениях П.И. Мельникова-Печерского староверы, скромно замечаящие, что, владея грамотой, они не являются начетчиками. Заметим, что встреченная Потапом Максимычем в лесной глуши артель лесорубов страдает от нехватки грамотных людей. Весьма примечательно, что данный факт напрямую коррелирует с религиозной проблематикой. Так, немалую часть представленной трудовой общины составляли «никониане», а входившие в ее состав «старолюбцы» слабо держались «отеческих заветов» и весьма вольно исполняли бытовые предписания «старой веры» (Там же, т. 2, с. 309; т. 3, с. 305).

Показательно, сколь реальное положение староверия контрастировало с укоренившимися в сознании дворянства стереотипами о повальной безграмотности русского простонародья. Такие стереотипы можем обнаружить в рассуждениях Прасковьи Петровны из

повести «Бабушкины рассказы», с удивлением вопрошавшей: «Ну с какой стати мужику грамоте уметь?» [8, т. 2, с. 289]. Вместе с тем, Павел Иванович был вынужден отмечать зачастую весьма ограниченный кругозор и поверхностность образования старообрядцев. Так, игумен Красноярского скита Михаил признается Потапу Максимычу, что при всей своей начитанности в духовной литературе он совершенно не сведущ в грамматике и философии. В свою очередь, родители Сергея Андреича Колышкина, будучи фанатически преданными «старине», яростно отвергали гражданскую грамоту, аргументируя это тем, что она не одобрена в трудах отцов церкви и пошла в мир от антихриста. «Цифирную мудрость» отец Колышкина и вовсе называет «наукой богоотводной» (Там же, т. 3, с. 349, 377).

В первой части своей фундаментальной дилогии Павел Иванович раскрывает множество путей распространения грамотности среди «раскольников». Семейное образование в среде староверов, по всей видимости, было ведущим способом передачи грамотности подрастающему поколению. В частности, Сергея Колышкина, происходившего из небогатой «кержацкой» семьи, обучал собственный отец. Немалую роль в этом играли и представительницы женского пола, особенно из числа пожилых членов семьи. Так, отошедшая от трудовых забот Никитишна посвящает свою старость воспитанию и обучению внуков (Там же, с. 113, 377).

Нередко образование на дому дети получали от грамотных старообрядцев, не входивших в семейный круг. Так, П.И. Мельников упоминает о том, что имевшие финансовый достаток староверы содержали при своих домах старух-келейниц, в обязанность которым вменялось обучение хозяйских детей. Известно также, что старообрядческие скиты могли отправлять своих «читалок» в дома зажиточных «раскольников» для обучения их детей грамоте в обмен на щедрое пожертвование в пользу обители. По всей видимости, данные процессы приобретали системный и хорошо отлаженный характер, поскольку вместе с приезжавшей в дом зажиточного благодетеля послушницей обитель в обязательном порядке высылала набор необходимых для обучения книг и принадлежностей (Там же, т. 4, с. 12; т. 5, с. 77).

Несмотря на свои явные недостатки (поверхностность, крайняя догматизированность, отсутствие официального свидетельства об окончании образования), домашнее обучение обладало рядом существенных преимуществ. К таковым следует отнести отсутствие формализма и государственных требований к идеологической составляющей образовательного процесса, возможность сохранения конфессиональной идентичности воспитанников, а также широкий потенциал для педагогического творчества наставника [7, с. 66–67, 69].

В своем повествовании Мельников акцентирует внимание читателей на любопытных деталях образовательного процесса. Так, указывается обыкновенный возраст, в котором дети «староверцев» начинали овладевать грамотой – 7 лет. Подробно описаны книги, служившие пособиями в развитии их читательских навыков. По словам Мельникова, обучение начина-

лось с изучения Букваря, следом шло освоение Часослова. К десяти годам ребенок подходил к чтению Псалтыря. После этого для большинства рядовых староверов образование оканчивалось [8, т. 3, с. 113, 377].

Более обширные знания дети старообрядцев могли получить непосредственно в скитах, где усвоение книжной культуры происходило под пристальным контролем местных и приглашенных из других регионов страны начетчиков. Так, в обители матери Манефы дочери Потапа Максимыча «затвердили» Часовник и Псалтырь, учились без запинки читать святоотеческие книги, писать «уставом» (точнее, полууставом), справлять службу по Минее и петь «по крюкам». Наряду с этим обязательной частью скитской подготовки было обучение демественному пению¹, а также практика переписывания и украшения книг. П.И. Мельников с теплотой замечает, сколь приятно было Потапу Максимычу перечитывать Златоуст «с золотом и киноварью переписанный руками дочерей...», равно получать от них к праздникам рукописные цветники и сборники с изящно выведенными по краям листов «финиками» (Там же, с. 10).

Сообщения П.И. Мельникова согласуются с выводами современных исследователей, отмечающих, что на первом этапе образования дети усваивали грамоту, после чего почти сразу переходили к чтению богослужебной литературы и изучению церковного пения. И.В. Куприянова указывает, что классическая схема обучения старообрядцев (Азбука–Часослов–Псалтырь) была заимствована ими из древнерусской системы преподавания и носила весьма авторитарный характер. Согласно данным исследовательницы, освоение трех названных книг зачастую становилось первой и последней ступенью образования для староверов, поскольку крестьянство не отличалось существенными образовательными запросами, а знания Часослова и Псалтыря было достаточно для того, что удовлетворить минимальные богослужебные потребности простонародья [7, с. 65, 69].

П.И. Мельников отмечает, что укрывшиеся в волжских лесах старообрядческие монастыри предоставляли образование не только девушкам, но и мальчикам. Скитское образование виделось писателю явлением весьма неоднозначным. Обители благотворно влияли на уровень народной грамотности, однако, по утверждению Павла Ивановича, зачастую насельницы пустынь занимались просвещением исходя из сугубо меркантильных целей, надеясь склонить своих воспитанниц к принятию иночества и тем самым укрепить благосостояние скита за счет девичьего наследства [8, т. 1, с. 135; т. 3, с. 142–143]. Зачастую в романе близкие авторской позиции суждения вкладываются в уста Потапа Чапурина. Заметим, что именно Потап Максимыч обрушивается на Манефу с ожесточенными угрозами, заподозрив ту в намерении склонить Настю к принятию пострига.

Стоит отметить, что чаще всего скиты не занимались преподаванием основ церковной грамоты, а при-

¹ Одноголосое домашнее пение, исполняемое вне храма, не подчиняющееся уставным требованиям и характеризующееся особой виртуозностью, а также близостью к русской народной песне.

нимали детей, уже имеющих навыки чтения и письма. Об этом свидетельствуют и труды современных исследователей, выделяющих в образовании начетчиков три основных этапа: 1) домашнее обучение под руководством «мастера» или «мастерицы»; 2) восполнение религиозных знаний в старообрядческом центре; 3) освоение практики духовного наставничества [6, с. 5]. По замечанию П.И. Мельникова, даже происходившие из небогатых крестьянских семей дети, поступая в обитель, зачастую уже умели читать «поцерковному». Однако Мельников констатировал и имевшие место исключения. Так, игумен Михаил, по собственному признанию, до четырнадцати лет оставался необразованным, пока волей судьбы не оказался в заволжских пустынях, где и усвоил знания стараниями местных насельников [8, т. 3, с. 346; т. 4, с. 10].

Феномен безграмотности применительно к старообрядческому субэтносу почти не отмечен в трудах П.И. Мельникова-Печерского. Тем не менее данный вопрос поднимается в повести «Гриша», где главный герой, лишенный иных возможностей приобщиться к грамоте, в юном возрасте был вынужден учиться читать самостоятельно. Весьма показательно, что в последующем «раскольник» Гриша кормился тем, что за плату читал *Псалтирь* и Четьи-Минеи в домах состоятельных, но неграмотных «никониан» (Там же, т. 2, с. 320).

Наконец, Павел Иванович несколько раз упоминает о столь непопулярном в среде «староблюбцев» способе освоения грамоты, как светское образование. Повествуя о судьбе Сергея Колышкина, Мельников отмечает, что, будучи ребенком, Сережа был вынужден не раз тайком сбегать из отеческого дома в заводское училище. Родители Колышкина не отпускали сына в «бусурманское» училище, объясняя это тем, что преподают там «бригоусы». Следует отметить, что выбор наставника представлялся староверам ключевым вопросом организации обучения. Учитель должен был не только на должном уровне владеть грамотой, но также соответствовать высоким идеалам нравственно-этического характера: «не подобает неиспытанному в вере учителем других быть...». Когда барин замечает неординарные способности Сергея к наукам и решает отправить того в Петербург, родители яростно сопротивляются этому решению, умоляя не «поганить» ребенка нечестивым учением. Впоследствии семья Колышкина полностью обрывает всякую связь со своим сыном, воспринимая того отныне не иначе как иноверца (Там же, т. 3, с. 377, 379; т. 6, с. 162).

Сходную картину писатель демонстрирует в продолжении романа, повествуя о жизненных перипетиях Карпа Алексеича Морковкина. Так, с повелением гражданских властей об отправке определенного количества крестьянских детей в губернское училище в старообрядческой среде вспыхивает ропот, объясняющийся нежеланием староверов предавать своих детей «осквернению». В результате крестьянами принимается решение отдать на учебу сироту-захребетника Карпушку. Следует отметить, что опасения «раскольников» оказываются не беспочвенными, поскольку годами позже Карп Алексеич возвращается из города обмирщившимся и совершенно «отставшим от крестьянства» (Там же, т. 5, с. 118–119, 121).

О значительном разлагающем влиянии «немецкого» образования на нравственность старообрядческого сообщества несколькими десятилетиями позже в журнале «Голос Церкви» писал старообрядческий мыслитель И.А. Кириллов. Он утверждал, что вместе с уравнием в правах и открытием доступа к светскому образованию староверы были вынуждены столкнуться с угрозой культурной ассимиляции инославным окружением [5, с. 123]. Согласно И.В. Куприяновой, «раскольники» предпринимали попытки противодействия обмирщению молодого поколения. В частности, для сохранения этноконфессионального самосознания своих отпрысков родители-староверы стремились самостоятельно научить их основам христианской веры и лишь после этого допускали детей в государственные учебные заведения [7, с. 69].

Следует заметить, что именно неприятие «адамантами древнего благочестия» светских училищ стало одним из главных поводов критики П.И. Мельниковым старообрядческого жизненного уклада. По мнению автора «В лесах», для достижения гармоничного сосуществования «староверцев» с окружающей реальностью необходимо усердно бороться с такими характерными чертами «раскола», как неприятие достижений современной цивилизации, искусственное обособление себя от окружающих инаковерцев, а также крайний религиозный фанатизм.

Подобного рода ментальную трансформацию на протяжении сюжета демонстрирует Потап Максимыч, сохраняющий верность «отеческим заветам» и любящий на досуге почитать душеспасительные книги, но не считающий грехом подтрунивать над абсурдным доктринерством своих единоверцев, осуждать книжников и стариц или вступать в общение с духовенством официальной иерархии [3, с. 13]. Весьма показателен в данном отношении диалог Потапа Чапурина с артельщиками-лесорубами. Именно живущие в глуши и чуждые строгому исполнению религиозно-бытовых практик мужики, весьма близкие по своей ментальности единоверию, открывают умудренному древними книгами староверу Чапурину тонкости обращения с компасом. Особое восхищение старого купца вызывают дядя Онуфрий и юнец Петряйка: «Мальчишка, материно молоко на губах не обсохло, и тот премудрость понимает, а старый от писанья такой гордый, что пожалуй Манефе так в пору» [8, т. 3, с. 285, 287].

Следует полагать, что посредством данного сюжета П.И. Мельников стремился продемонстрировать необходимость преодоления староверами вероисповедных предрассудков, примирения с инославной средой, а также взаимного культурного обмена между старым патриархальным русским миром и прогрессивными веяниями Нового времени. При этом старообрядчество, по мнению Павла Ивановича, должно было первым сделать решительный шаг навстречу цивилизации, подобно единоверию, отказавшись от вековой фанатичности и догматизма. Именно такое поведение в конце книги обнаруживает Потап Максимыч, вопреки суровым требованиям своего согласия пустившись в пляс на свадьбе дочери.

Отметим, что выводы П.И. Мельникова о состоянии образования в старообрядческой среде весьма

совпадают с наблюдениями другого крупного этнографа XIX в. – А.С. Пругавина. В отличие от Павла Ивановича, стоявшего на консервативных позициях, Александр Степанович придерживался революционно-демократических взглядов и испытывал видимое сочувствие к притесняемым российскими властями «религиозным вольнодумцам». Идеологические предпочтения этнографа в значительной мере определили восприятие им процессов, происходивших в интеллектуальной жизни старообрядческого сообщества. Пругавин признавал «раскол» явлением глубокого умственного процесса. Вразрез с официальной церковной традицией, видевшей в староверии «лишь одну тупую любовь к старине, привязанность к букве <...> плод невежества, противодействие просвещению», Александр Семенович усматривал в старообрядцах интеллектуальную элиту русского простонародья, тяготеющую к знаниям и ничему не верившую на слово [10, с. 161–162; 11, с. 91].

Подобно П.И. Мельникову, рассматривая проблему ретрансляции грамотности в среде староверов, А.С. Пругавин ссылается на наличие в скитах обширной сети школ и библиотек, предоставлявших крестьянским детям бесплатное образование, а зачастую и обеспечивавших обучающихся необходимыми учебными принадлежностями (перья, бумага, чернила, книги). Александр Семенович положительно оценивает роль наставников, занимавшихся домашним обучением детей в местностях, где отсутствовали школы. Несмотря на неудовлетворенность этнографа качеством предоставляемых в скитах знаний (порой детей учили читать, вовсе не объясняя смысла прочитанного), Пругавин констатировал, что даже такое скудное образование было лучше полной безграмотности [10, с. 163, 173, 175, 177].

Однако мы можем обнаружить и некоторые расхождения в суждениях П.И. Мельникова и А.С. Пругавина относительно образовательных предпочтений староверов. Так, в противоположность Павлу Ивановичу, подчеркивавшему острое неприятие старообрядцами светского образования, Александр Семенович, напротив, отмечал готовность «раскольников» отдавать своих детей в казенные училища (Там же, с. 172). Столь значимое расхождение, по всей видимости, следует объяснять тем, что А.С. Пругавин создавал свои труды на рубеже XIX–XX вв., когда реакционность старообрядческого сообщества стремительно снижалась. Другим объяснением может служить региональный фактор. Так, непосредственное знакомство со староверами А.С. Пругавин приобрел на Русском Севере, где издавна господствовало умеренное крыло старообрядческого движения – поморское согласие, отличавшееся большей лояльностью в отношении светских институтов, нежели «раскольники», проживавшие в Заволжье.

Старообрядческие публицисты рубежа XIX–XX вв. также были вынуждены признавать недостаточный уровень просвещенности староверческих общин, ставший результатом консервации педагогической практики «раскольников» и ее радикальной изоляции от альтернативных образовательных систем. Однако «защитники отеческой старины» винили в этом главным образом репрессивную государствен-

ную политику, ведь вплоть до издания Манифеста 1905 г. власти предпринимали усилия по ограничению доступа в казенные училища выходцев из староверия [5, с. 122].

Отметим, что многие из изложенных П.И. Мельниковым особенностей образования и книжной культуры «ревнителей старины» восприняты и современными представителями старообрядческого субэтноса. Так, и поныне именно кириллическая книжность играет ключевую роль в процессе трансмиссии вероисповедных знаний подрастающему поколению, является главным учителем и наставником, структурирует картину мира молодых староверов, а также устанавливает для них свод непреложных религиозно-бытовых норм [9, с. 10].

Этнографические исследования современных вятских старообрядцев зафиксировали, что создание рукописных сборников продолжает играть значительную роль в межпоколенной преемственности ими вероисповедных знаний. При этом составление сборников духовных стихов по-прежнему остается преимущественно женским занятием, на что не раз указывал в своих произведениях Мельников-Печерский. Как и в его времена, семья и духовные наставники в староверии выступают основными субъектами передачи церковной грамотности молодому поколению. При этом продолжают фиксироваться случаи освоения кириллической книжности *самоуком* 'самостоятельно' [4, с. 77–78].

Исследователи также отмечают, что учебники, пособия, азбуки и рекомендации для учителей, разработанные староверами еще в конце XIX столетия, в ряде случаев сохраняют актуальность и для их нынешних потомков. Вместе с тем, принцип неразрывности обучения и воспитания доселе остается одним из характерных атрибутов старообрядческой педагогической практики [12, с. 153, 155–156].

В процессе данного исследования удалось выявить некоторые любопытные аспекты восприятия П.И. Мельниковым-Печерским книжной культуры и образовательной модели волжских «старолюбцев». Оказывается, старообрядческая интеллектуальная культура занимала существенное место в творчестве Павла Ивановича. Посредством обращения к печатному и рукописному наследию «ревнителей древнего благочестия» писатель раскрывал характеры своих героев, объяснял мотивы их поведения, иллюстрировал происходившие в обществе культурные трансформации. Необходимо, однако, констатировать, что для всестороннего раскрытия исследуемой проблематики требуется обращение ко второй части фундаментальной диалогии писателя (роману «На горах»), а также к обширному научному наследию П.И. Мельникова.

Литература

1. Алексеева, Л. В. Локус Комаровский скит в диалогии П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» / Л. В. Алексеева // Проблемы исторической поэтики. – 2014. – № 12. – С. 328–348.
2. Боченков, В. В. П. И. Мельников (Андрей Печерский): Мировоззрение, творчество, старообрядчество / В. В. Боченков. – Ржев : Маргарит, 2008. – 348 с.
3. Боченков, В. В. Творчество П. И. Мельникова-Печерского и изображение старообрядчества в русской ли-

тературе XIX в. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Боченков В. В. – Москва, 2005. – 16 с.

4. Воронцова, Е. В. Пути трансляции религиозных знаний в среде современных старообрядцев-беспоповцев на юге Вятского края (полевые заметки) / Е. В. Воронцова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. – 2015. – Вып. 6 (62). – С. 70–80.

5. Кириллов, И. А. О старообрядческом воспитании / И. А. Кириллов // Голос Церкви. – 1918. – № 3. – С. 120–130.

6. Кузнецова, Н. Ю. Непрерывное религиозное образование в традиционном обществе: опыт староверов России / Н. Ю. Кузнецова // Непрерывное образование: XXI век. – 2015. – Вып. 4 (12). – С. 1–13.

7. Куприянова, И. В. Наследие сибирского старообрядчества в деле формирования христианского «педагогического идеала» / И. В. Куприянова // Вестник Московского госу-

дарственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 3 (83). – С. 63–71

8. Мельников-Печерский, П. И. Полное собрание сочинений : в 14 томах / П. П. Мельников-Печерский. – Москва ; Санкт-Петербург : Изд-во тов-ва М.О. Вольф, 1897–1898.

9. Мудрик, А. В. Социализация у старообрядцев: механизмы и средства / А. В. Мудрик // Сибирский педагогический журнал. – 2015. – № 3. – С. 8–14.

10. Пругавин, А. С. Запросы и проявления умственной жизни в расколе / А. С. Пругавин // Русская мысль. – 1884. – Кн. 1. – С. 161–198.

11. Пругавин, А. С. Раскол и сектанство в русской народной жизни / А. С. Пругавин. – Москва : Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1905. – 95 с.

12. Скурыдина, Е. М. Народная педагогика в современной особой религиозной общности старообрядцев (духовно-нравственное воспитание) / Е. М. Скурыдина, П. В. Ерохина // Преподаватель XXI век. – 2017. – № 2. – С. 150–162.

S.S. Bytko

OLD BELIEVER EDUCATIONAL PRACTICES IN THE NOVEL BY P.I. MELNIKOV-PECHERSKY «IN THE WOODS»

The purpose of the study is to consider the peculiarities of P.I. Melnikov-Pechersky's perception of the educational traditions of the Volga Old Believers. Within the framework of the research, the author turns to biographical, cultural-historical and comparative-historical methods. The sources of the formation of the writer's ideas about the role of bookishness in the daily life of «dissenters» are established. Curious details of the educational model of the Old Believers are clarified, and the main ways of spreading literacy among the «zealots of ancient piety» are determined. The social position of the initiators is described, their role in the organization of the religious and everyday life of the Old Believer communities is revealed. The conclusion is made about the very ambiguous attitude of P.I. Melnikov to the educational traditions of the «old lovers». The writer notes the extreme dogmatization and one-sidedness of the Old Believer education, based on the patriarchal norms of ancient Russian schools and denying the achievements of modern civilization. At the same time, he points out the positive features of the Old Believers' intellectual tradition – the high culture of reading, the preservation of the ethno-confessional self-consciousness of pupils, as well as the beneficial role in overcoming the illiteracy of the common people.

P.I. Melnikov-Pechersky, education, bookishness, Psalter, Book of Hours, ABC books, Old Believers, literacy.



О.Н. Краснова
Алтайский государственный университет

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РАСКРЫТИЯ ГЛУБИННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ОБРАЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ «БЕДНОЙ ЛИЗЫ» Н.М. КАРАМЗИНА

Междисциплинарная статья на стыке литературоведения, психологии, лингвистики посвящена рассмотрению процесса смыслообразования, ведущего к глубинным художественно-психологическим характеристикам образа повествователя и сопряженными с ними характеристикам героев.

Исследуются синтаксические средства, способствующие раскрытию указанных характеристик: контекстуальная «пульсация» значений составного подчинительного союза в придаточном предложении; художественно-психологическое «уравновешивание» однородных членов предложения; зеркальное употребление отрицательных предикативных слов «нет» в репликах диалога; многоточие, маркирующее обрыв речи на фоне ясно обозначенной мысли – генерализации. Описываются приемы привлечения внимания читателя к художественно-психологическим характеристикам героев.

Синтаксические средства, повествователь, процесс смыслообразования, «пульсация» значений, диалог, обрыв речи, зеркальное употребление отрицательных предикативных слов «нет», выборочное умолчание.

Переосмысление на современном этапе наследия писателей-классиков является актуальной тенденцией литературоведения, и особую роль в этом процессе занимает творчество Н.М. Карамзина (А.Н. Кудреватых, М.А. Литвинок, А.Ю. Тираспольская, М.А. Литвинок, Т.А. Ложкова, И.Г. Комарда, Н.Л. Вершинина, И.В. Дубровина, Т.Б. Рынгач, Е.Ю. Поселенова, Л.А. Капитанова, А.Л. Зорин, А.С. Немзер и др.).

По словам В.Н. Топорова, перед исследователями, а также перед читателями стоит «задача вчитывания, правильного прочтения Карамзина и определения того духа, который веет в его произведениях и составляет их существо» [9, с. 25]. В решении такой задачи особую роль играют междисциплинарные исследования на стыке литературоведения и лингвистики, психосемантики, психолингвистики, литературоведения и психологии творчества, лингвостилистики, эмотивного синтаксиса, коммуникативного синтаксиса, семантического синтаксиса.

Предпринятое нами исследование является междисциплинарным на стыке литературоведения, психологии, лингвистики, так как названный подход позволяет проследить процесс смыслообразования глубинных художественно-психологических характеристик образа повествователя, а также связанных с ними характеристик героев.

Нами будут рассмотрены раскрывающие указанные характеристики средства синтаксического уровня, функционирующие в сильных позициях текста: ситуации первой встречи героев, «грехопадения» и связанного с ней разговора Лизы с матерью об Эрасте, объяснения о грядущей разлуке в связи с уходом на войну. Выбор исследуемых синтаксических средств (контекстуальные изменения значений составного подчинительного союза в придаточном

предложении; «уравновешивание» однородных членов предложения; зеркальное употребление отрицательных предикативных слов «нет» в репликах диалога; многоточие, маркирующее обрыв речи на фоне ясно обозначенной мысли), не являющихся типичными для поэтики Н.М. Карамзина, обусловлен поставленной целью выявления особенностей миропонимания повествователя, данных в повести имплицитно. Рассмотрение синтаксических средств будет происходить по мере текстового развертывания.

Поскольку неотъемлемой чертой образа повествователя является его ориентированность на читателя, то в исследовании мы также рассмотрим способы привлечения читательского внимания к раскрываемым в тексте художественно-психологическим характеристикам. По Ю.М. Лотману, через реконструкцию структуры воспринимающего сознания можно раскрыть «те стороны авторской системы, которые делаются более явными в процессе перевода ее читателем в иную систему “кода”» [8, с. 616]. Мы полагаем, что способы привлечения внимания, ориентированные на читателя, могут быть информативны в аспекте названных характеристик.

1. Контекстуальная «пульсация» значений составного подчинительного союза в придаточном предложении: *Молодой человек не хотел удерживать ее, может быть, для того, что мимоходящие начали останавливаться и, смотря на них, коварно усмехались* [4, с. 509]. В придаточном предложении причины, присоединенном характерным для Карамзина союзом «для того, что» в значении 'по причине', 'из-за того что' дается объяснение поведения Эраста, не желающего привлечения внимания со стороны случайных прохожих.

Наряду с приведенным значением союза в контексте возникает и эстетически «пульсирует» другое

значение за счет семантизации художественно-психологических отношений между коррелятами. Они складываются по финитивному типу¹, что способствует актуализации текстовой ситуации целеполагания. С учетом применения необходимого приема логико-грамматической трансформации фраза могла бы выглядеть так: *Молодой человек не хотел удерживать ее, может быть, для того, чтобы мимоходящие перестали останавливаться и, смотря на них, коварно усмехаться.*

Итак, в процессе контекстуальной «пульсации» происходит не только расширение семантики союза, но и ее сдвиг, что предопределяет актуализацию различных видов подчинительной связи, проявляющих различные художественно-психологические объяснительные мотивировки повествователя.

Описанный процесс способствует и соответствующей «пульсации» читательского внимания, которое, таким образом, направляется к «коварству» Эраста, испытывающего неосознанное желание соблазнить Лизу и художественно-психологически «переносащего» его на *мимоходящих*.

То есть уже при завязке взаимоотношений героев обозначается конфликт, а также проявляется скрытое намерение Эраста. Обстоятельство, что его намерение переносится на *мимоходящих*, то есть на других людей, а сам он остается в восприятии Лизы как тот, у кого *такое доброе лицо, такой голос*², имеет важное значение для характеристики глубинных художественно-психологических свойств обоих героев, данных в видении повествователя. Именно от него в конечном счете зависит восприятие героями мира и друг друга. Строя повествование, в котором отражается его восприятие событий и героев, он «прозревает» необходимые и существенные художественно-психологические потребности героев. Для Эраста это потребность уйти от ответственности; для Лизы – потребность в идеализации.

2. Художественно-психологическое «уравновешивание» однородных членов предложения.

В высказывании Эраста *Я надеюсь остаться жив, надеюсь возвратиться к тебе, моему другу* [4, с. 515] сочинительная связь между однородными членами проявляет художественно-психологическое «уравновешивание» героем смысла частей предложения. Эраст «надеется возвратиться» к Лизе настолько же, насколько *надеется остаться жив*³, что является фактической клятвой Лизе. Повтор знаменательной части составного сказуемого фиксирует акцентирование героем для собеседницы смысла «надежда». Аналогичную функцию выполняет уточнение *возвратиться к тебе, моему другу*.

Но с учетом того, что к описываемому моменту Эраст в отношении Лизы *наконец, ничего желать не мог*, его «надежда» на самом деле связана не с воз-

вращением к возлюбленной, а с уходом от нее. Таким образом, зафиксированными оказываются разнонаправленные намерения героя, «становящиеся конфликтными, когда они поставлены рядом» [5, с. 242]. Такое художественно-психологическое противоречие способствует фиксации читательского восприятия, а поскольку противоречие этическое, «предполагаемая позиция адресата» [7, с. 101], и личностная, и этическая, актуализируется.

3. Зеркальное художественно-психологическое значение отрицательных предикативных слов «нет» в репликах диалога: *Нет, береги себя, Лиза, береги для друга твоего. Я не хочу, чтобы ты без меня плакала. – Жестокий человек! Ты думаешь лишить меня и этой отрады! Нет! Расставись с тобою, разве тогда перестану плакать, когда высохнет сердце мое* [4, с. 515].

В реплике Эраста, являющейся ответом на слова Лизы *Ах, для чего не умею ни читать, ни писать! Ты бы уведомлял меня обо всем, что с тобою случится, а я писала бы к тебе – о слезах своих!* (Там же), «нет» употребляется в значении усиления отрицания, сказанного Лизой. Формально несогласие Эраста связано со стремлением героини излагать свои чувства (*писала бы к тебе – о слезах своих*), и в последующей реплике героя *Я не хочу, чтобы ты без меня плакала* материализуется та же его интенция. Тем не менее, художественно-психологическое несогласие распространяется и на высказанное Лизой мечтание о переписке, являющееся одновременно и мечтанием героини об общем будущем.

Эраст, отвечая лишь на вторую часть фразы Лизы, ориентирует героиню на чувства, переключая ее внимание с темы будущего. Обозначение такого художественно-психологического способа реагирования героя мы назовем выборочным умолчанием.

Отрицательное слово занимает акцентную позицию во фразе *Нет, береги себя, Лиза, береги для друга твоего*, вводя слова Эраста, побуждающие Лизу ориентироваться на его возвращение. Предложное управление в словосочетании *береги для друга твоего* оформляет выбранное Эрастом для Лизы обоснование своей просьбы как художественно-психологически значимое для него, что выделяется употреблением знаменательных зависимых слов *друга твоего*, а не ожидаемого местоимения «меня». Указанные средства обнаруживают контраст между внешними проявлениями искренности Эраста и имплицитными знаками, что соотносится с текстовым фактом его охлаждения к Лизе, уже известным читателю от повествователя.

Итак, через освещение выделенной приемом выборочного умолчания темы будущего Лизы и Эраста раскрывается глубинная противоречивость героя, связанная с его художественно-психологической незрелостью: *желая оставить Лизу, Эраст искренне просит ее береечь себя* для него. В момент произнесения этих слов героиня не замечает противоречия и не осознает, что сказанное является ложью.

В ответе Лизы «нет» – это несогласие с попыткой ограничения Эрастом ее чувств. Таким образом, «нет» Лизы и Эраста оказываются наполненными противоположным содержанием, связанным с глубинными художественно-психологическими установками геро-

¹ В определении «Синтаксического словаря» Золотовой Г.А. «Финитив – компонент с семантикой цели, назначения действия <...> коррелирует с придаточным цели» [3, с. 41].

² Р.О. Якобсон отмечает «расщепленность адресанта и адресата и, кроме того, расщепленность референции» в связи с неоднозначностью и удвоением смысла сообщения [10, с. 221].

³ А.А. Алексеева отмечает связанность семантики первого и второго сказуемых, а также их признаковой связи с подлежащим [1, с. 17].

ев: у Эраста – сохранение собственной картины мира, где он *добрый и ласковый*, ради чего допустим и обман; у Лизы – искреннее следование любви.

В этой связи стоит обратить внимание на знаки препинания, употребляющиеся в анализируемых текстовых фрагментах с отрицательными предикативными словами⁴.

У Эраста – это запятая, у Лизы – восклицательный знак. В количественном отношении в тексте Эраста, относящемся к анализируемой сцене, наблюдается преобладание запятых (13), в тексте Лизы – восклицательных знаков (11). Если исходить из положения Л.А. Будниченко об актуализации с помощью пунктуационных знаков частей текста в процессе его членения, то в тексте Лизы выделенными оказываются эмоциональные стороны жизни, у Эраста – логические⁵.

4. Многоотчие, маркирующее обрыв речи на фоне ясно обозначенной мысли в диалоге. *Лиза провожала его глазами, а мать сидела в задумчивости и, взяв за руку дочь свою, сказала ей: «Ах, Лиза! Как он хорош и добр! Если бы жених твой был таков!» Все Лизино сердце затрепетало. «Матушка! Матушка! Как этому стать? Он барин, а между крестьянами...» – Лиза не договорила речи своей* [4, с. 510]. В приведенном текстовом фрагменте мать инициирует тему гипотетического замужества дочери в связи с впечатлениями от визита Эраста. Если мать полностью проговаривает мысль – генерализацию⁶ о желательности того, чтобы жених Лизы был не только *хорош и добр*, но и «таков», как Эраст, то генерализацию о невозможности браков между представителями разных социальных слоев Лиза, обозначая, обрывает, что маркируется многоотчием.

Упомянутый обрыв высказывания связан, в первую очередь, с воспринятым героиней эмоционально-семантическим посылом о желательности для матери самого Эраста в качестве жениха Лизы. Поскольку для обеих женщин такое допущение лежит за пределами возможных для них жизненных представлений, мать говорит о том, что может иметь отношение к предполагаемой будущей судьбе дочери. Поэтому для матери становится художественно-психологически необходимым полностью вербализовать эмоционально-семантический посыл о походе на Эраста женихе Лизы. Обрыв начатой Лизой генерализации связан с транслируемым матерью первым посылом, совпадающим с тайным желанием самой Лизы, с чем связаны ее чувства волнения, стыда, страха.

⁴ Л.А. Будниченко, рассматривая экспрессивность в качестве кодированного семантического компонента, который может передаваться знаками препинания, образующими языковую подсистему, выступающую в процессе коммуникации как дополнительный языковой код и дополнительный канал связи между коммуникантами, различает структурно-логические знаки препинания (запятая, точка; вопросительный знак, двоеточие, тире) и эмотивные пунктуационные знаки (восклицательный знак, многоотчие, кавычки [2, с. 7–8].

⁵ Аналогичные тенденции наблюдаются и в других значимых сценах, например в сцене прощания перед уходом Эраста на войну.

⁶ Т.Н. Колокольцева, рассматривая структурно незавершенные высказывания, отмечает вербальную невыраженность тех или иных смыслов в содержательном плане в сочетании с обрывом синтагматической цепи членов высказывания в конструктивном плане [6, с. 44].

Далее в ходе развертывания текста эта оборванная Лизой мысль – генерализация полностью проговаривается в ситуации «грехопадения». *«Однако ж тебе нельзя быть моим мужем!» – сказала Лиза с тихим вздохом. – «Почему же?» – «Я крестьянка». – «Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнее всего душа, чувствительная, невинная душа, – и Лиза будет всегда ближайшая к моему сердцу»* [4, с. 514].

После вербализации генерализация, ранее высказанная не до конца, реализуется сюжетно, раскрывая, таким образом, свою семантико-эстетическую емкость: *Она бросилась в его объятия – и в сей час надлежало погибнуть непорочности!* (Там же).

Обобщая, скажем следующее. Эстетический перенос скрытого намерения героя на другое лицо имеет значение в качестве: характеристики повествователем художественно-психологических потребностей героев, элемента архитектоники повести.

Синтаксическое «уравновешивание» смысла частей предложения проявляет разнонаправленные намерения героя и фиксирует их для читательского восприятия.

Эстетически организованная «пульсация» и фиксирование внимания читателя способствует рефлексии художественно-психологических характеристик героев.

Прием выборочного умолчания позволяет выявить глубинные художественно-психологические характеристики, во-первых, за счет игнорирования героем части информации в реплике диалога с переключением внимания партнера на другую тему; во-вторых, за счет имплицитно возникающей в последующей речи упомянутой информации. Средством ее обнаружения может, в частности, служить употребление знаменательных зависимых слов вместо подразумеваемого местоимения.

Отрицание «нет», формально соотносясь с частью реплики в диалоге, за счет усилительного расширительного значения художественно-психологически является отрицательным ответом относительно всех последующих слов.

Обрыв ясно обозначенной мысли – генерализации, маркируемый многоотчием, полностью вербализуется и сюжетно раскрывается в последующей текстовой ситуации, что соответствует высокой художественно-психологической значимости генерализации для героя.

Литература

1. Алексеева, Е. А. Зависимость лексико-семантических свойств языковых единиц от условий их синтаксического использования / Е. А. Алексеева // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике : сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции (Воронеж, 21–22 октября 2016 г.) / под редакцией А. Л. Лебедевой, Е. Е. Ореховой, С. Л. Савиной, В. Б. Филатовой. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2016. – С. 16–25.

2. Будниченко, Л. А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте. На материале языка газет : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Л. А. Будниченко. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 2004. – 283 с.

3. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – Москва : Едитореал УРСС, 2006. – 440 с.

4. Карамзин, Н. М. Собрание сочинений : в 2 томах / Н. М. Карамзин. – Ленинград : Художественная литература, 1984. – Т. 1. – 672 с.

5. Клюев, Е. В. Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция / Е. В. Клюев. – Москва : Приор, 2001. – 272 с.

6. Колокольцева, Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т. Н. Колокольцева. – Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. – 359 с.

7. Кунавин, Б. В. Структура повествования в повести Карамзина «Бедная Лиза» / Б. В. Кунавин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 4 (24). – С. 100–103.

8. Лотман, Ю. М. Об одном читательском восприятии «Бедной Лизы» Карамзина / Ю. М. Лотман // Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1997. – С. 616–620.

9. Топоров, В. Н. «Бедная Лиза». Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет / В. Н. Топоров. – Москва : Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 1995. – 512 с.

10. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – Москва : Прогресс, 1975. – С. 193–230.

O.N. Krasnova

SYNTACTIC MEANS OF REVEALING THE DEEP ARTISTIC AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE NARRATOR'S IMAGE IN «POOR LISA» BY N.M. KARAMZIN

The interdisciplinary study at the intersection of literary studies, psychology and linguistics is devoted to the process of meaning formation leading to the deep artistic and psychological characteristics of the narrator's image and the associated characteristics of the characters. The syntactic means contributing to the disclosure of these characteristics are investigated: the contextual change of the meanings of compound subordinating conjunctions in a subordinate clause; artistic and psychological «balancing» of the homogeneous sentence parts; the reciprocal use of the negative predicative word «no» in dialogue replies; an ellipsis denoting a break in speech when a thought is clearly communicated – generalization. The techniques of attracting the reader's attention to the artistic and psychological characteristics of the heroes are described.

Syntactic means, narrator, the process of meaning formation, contextual change of meanings, dialogue, speech interruption, reciprocal use of the negative predicative word «no», selective aposiopesis.



А.Г. Маслова

Вятский государственный университет

ИНТЕРМЕДИАЛЬНАЯ ПОЭТИКА ПОВЕСТИ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «АПЕЛЛЕСОВА ЧЕРТА»

В статье анализируется ранняя повесть Б.Л. Пастернака как проявление художественных поисков начинающего писателя. В этом произведении Пастернак использует приемы театрального, музыкального и изобразительного искусств. Театральный текст повести проявляется в игровом поведении главного героя и в образе подмоштов. Музыкальные приемы реализуются в смене ритмов – замедлении, ускорении, паузах. Приемы изобразительного искусства выражены в мотиве черты и приеме сдвига. Черта рассматривается как главный штрих, характеризующий героя или ситуацию. Прием кубистического сдвига позволяет Пастернаку показать соединение разновременных сюжетов в похожих ситуациях, подчеркнуть идею неожиданности перехода границы между миром игры и миром настоящих чувств, между миром придуманных «сюжетов» и миром вечных сущностей. Главным в повести оказывается сюжет преображения, связанный с переходом героев из области театральной игры в область высокого чувства любви. Концентрация приемов разных видов искусств в «Апеллесовой черте» Б.Л. Пастернака вписывается в контекст художественных поисков русской литературы 1910-х годов.

Русская литература XX века, синтез искусств, поэтика сдвига, звучащие паузы, художественное время и пространство.

«Апеллесова черта» писалась в 1915 году, в период, когда русская культура была охвачена разнообразными экспериментами, связанными с попыткой отразить глобальные изменения во всех сферах человеческого бытия. Эксперименты со временем и пространством проникают во все виды искусства. Кубизм, супрематизм, симультанность, беспредметность, лучизм, поэтика сдвига, звучащие паузы и многие другие виды и приемы нового урбанистического искусства – вот та культурная среда, в условиях которой формировался поэтический гений Б.Л. Пастернака (см. об этом: [8, с. 13–20]).

В предложенной статье рассматривается феномен интермедийности в повести Б.Л. Пастернака «Апеллесова черта». Интермедийность в данном случае понимается как «особый тип структурных взаимосвязей внутри художественного произведения, основанный на взаимодействии языков различных видов искусства в системе единого художественного целого» [14, с. 4]. В анализируемом произведении взаимодействуют различные роды литературы (эпос, лирика, драма), театральное искусство, живопись и музыка, что позволяет автору передать особое психологическое состояние героев.

Сюжет ранней повести начинающего писателя совмещает несколько планов – древнюю легенду о греческих мастерах живописи Апеллесе и Зевксисе и вымышленную историю об эстетическом поединке двух поэтов – Генриха Гейне и Релинквимини, при этом эстетическое состязание, на которое вызвал известного поэта Релинквимини, перерастает в отнюдь не чисто эстетическое, а реальное соперничество за любовь прекрасной Камиллы. В произведении ис-

пользуется прием временного смещения, отражающий особую эстетическую концепцию Б.Л. Пастернака, считающего существование искусства явлением вневременным, способным вместить все времена в едином моменте творчества, о чем позже будет сказано в очерке «Несколько положений»: *Искусство никогда не начиналось. <...> Оно бесконечно. И здесь, в этот миг за мной и во мне, оно – таково, что как из внезапно раскрывшегося актового зала меня обдает его свежей и стремительной повсеместностью и повсевременностью, будто это приводят мгновение к присяге* [11, с. 368]. В повести «Апеллесова черта» оказывается возможным существование в одном времени Апеллеса, живописца эпохи Александра Македонского, и Зевксиса, жившего столетием позже. Как справедливо замечает Ю.М. Каган, в повести «Пастернак имя Апеллеса связал с именем другого античного художника – Зевксиса, которого многовековая традиция обыкновенно сопоставляла вовсе не с Апеллесом, а с превзошедшим Зевксиса в правдоподобию изображаемой им жизни художником Паррасием» [6].

Для Пастернака оказались важны не эпохи, а сходство ситуаций. По легенде Апеллес, пришедший к своему современнику художнику Протогену и не заставший его дома, нарисовал на стене тонкую линию, которая стала для вернувшегося Протогена однозначным знаком: он сразу понял, кто оставил этот росчерк. Пастернак соединил две разновременных ситуации в одну. Апеллес, согласно легенде, соперничал с Протогеном, признавшим превосходство Апеллеса, когда последний под линией соперника провел еще более тонкую черту. Зевксис, живший значительно позже Апеллеса, тоже оказался в ситуа-

ции эстетического состязания с художником Паррасием [6]. Эти две разновременных легенды объединены у Пастернака в одну, ставшую фоном нового сюжета, создающего ситуацию «повторения» уже пережитого когда-то художниками прошлого, но именно в том и состоит, по Пастернаку, чудо искусства: в единовременном слиянии великих творцов прошлого и человека «нового времени», в повторяющихся чертах, линиях, штрихах, переживаниях. Единым фоном, связывающим разновременные ситуации, художников и поэтов в общем пространстве искусства, является эпиграф повести «Апеллесова черта», где упоминается линия, начерченная Апеллесом, не заставшим дома своего соперника, но *Зевксис в долгу не остался. Он выбрал время, когда заведомо знал, что Апеллеса дома не застанет, и оставил свой знак, ставший притчей художества* [11, с. 7].

В повести Б.Л. Пастернака соперничают уже не художники, а поэты, при этом реально существовавший поэт, основные годы творчества которого выпадают на первую половину XIX столетия, вступает в поединок с придуманным Пастернаком поэтом начала XX века, который в его ранних статьях именовался Реликвимини и имел явно автобиографический характер, а здесь обрел несколько иное имя с добавлением буквы «н» – Релинквимини. Создавая сюжет, аналогичный соперничеству античных живописцев, оставляющих свой узнаваемый знак (черту, росчерк), поэт сталкивает две реальности – эстетическую, далеко не всегда соответствующую действительности, которая насыщается в произведении семантикой театра, создающего иллюзию жизни, и реальную, когда герои, независимо от разыгрываемой ими роли, оказываются вовлечены в переполняющее их сердца чувство любви, страсти: они уже не играют роли, а полноценно живут в том мире, который ими изначально воспринимался как игра. Метафора «театр есть жизнь» обретает в произведении Пастернака сущностный смысл. Придуманная одним из героев повести Генрихом Гейне сюжет лишается своей театральной сущности и становится реальностью, захватывающей героя в большей степени, чем ситуация актерского «погружения в роль».

Релинквимини призывает Генриха Гейне, оказавшегося в Италии, сказать о любви так, чтобы этот поэтический очерк *ваш не превышал лаконизма черты апеллесовой* (Там же, с. 8). В ответ известный немецкий поэт оставляет загадочную записку *без начала и конца: «но Рондольфина и Энрико, свои бывшие имена отбросив, их сменили на небывалые доселе: он – Рондольфина! – дико вскрикнув, – Энрико! – возопив – она»* (Там же). Энрико – итальянский вариант имени поэта Генриха Гейне. Написанные лирические строки лаконично передают главное чувство, которое испытывают влюбленные, – эффект высшего напряжения, названный современными психологами эффектом «пикового переживания». По А. Маслоу, под «пиковым переживанием» подразумевается такой момент в жизни человека, когда «все силы личности чрезвычайно эффективно сливаются воедино, доставляя интенсивное удовольствие, когда человек обретает единство, преодолевая разорванность, больше открыт ощущениям, отличается неповторимостью, экспрес-

сией и спонтанностью, более полно функционирует, обладает большими творческими способностями» [10, с. 132]. Это психологический переход из пространства повседневности в особое пространство, существующее «здесь же и сейчас же», но наполненное иным сущностным смыслом. О таком типе пространства, как указывал в своих ранних записях сам Б.Л. Пастернак, писал еще Лейбниц: «Лейбниц хочет метафизически [узаконить – *нрзб.*] реальность в бесконечно малой реальности времени – в моменте. <...> При этом, однако, реальность в качестве бытия должна пониматься как особое состояние, которое на этом уровне не может сводиться только к физической данности <...> логическое превращается в психическое» [5, с. 359].

Весь дальнейший текст повести представляет собой описание движения героев к этому моменту наивысшего напряжения, к моменту «пикового переживания». Именно эта ситуация преобразования действительности и выхода героев в особое психологическое пространство творчества, любви, счастья и является основной идейной составляющей повести Б.Л. Пастернака «Апеллесова черта». Для характеристики этой ситуации писатель использует прием соединения в художественном тексте различных видов искусств – театра, живописи, музыки.

Театральный подтекст повести проявляется в образе подмостков. С одной стороны, реализуется метафора «вся жизнь – игра», когда Гейне говорит Камилле: *...мы – всю жизнь на подмостках, и далеко не всякому по силе та естественность, которая, как роль, навязана каждому от самого рождения* [11, с. 14]. С другой – под подмостками понимается особое пространство, свидетельствующее о выходе из мира повседневности и равномерно движущегося времени в иной мир вечности и сущностного бытия: *Существуют часы, существуют и вечности. <...> При первом же удобном случае они вырываются наружу* (Там же, с. 17). Такой момент в жизни ярко освещен, как театральная сцена во время разыгрываемой на ней драмы. Герой повести «Апеллесова черта» замечает, что *в жизни всего сильнее освещаются опасные места: мосты и переходы. Какая резкость! Все остальное погружено во мрак. На таком мосту, пускай это и подмостки, человек вспыхивает, озаренный тревожными огнями, как будто его выставили всем напоказ, обнесши его перилами, панорамой города, пропастями и сигнальными рефлекторами набережных* (Там же, с. 16–17).

Хронотоп подмостков у Б.Л. Пастернака может рассматриваться как продолжение художественных поисков Ф.М. Достоевского, герои которого «постоянно находятся в предельно насыщенных “кризисных точках”, представляющих собою на уровне топики ситуацию “порога”» [7, с. 95]. Однако Пастернак дополняет смыслы такой кризисной пограничной ситуации театральным контекстом, когда на подмостках пространства «игра» и «выдумка» неожиданно оказываются «истинным, сущностным, онтологически значимым пространством» [9, с. 17]. Герой повести Б.Л. Пастернака «Апеллесова черта» сам восхищен тем, что случилось в его жизни: *Если бы вы хоть стороной нюхнули того, что вошло на дрожжах этой выдумки...* [11, с. 25] – восклицает он в ответ на возмущенные

возгласы редактора газеты, в которой Генрих Гейне поместил объявление о найденной рукописи, ставшее отправной точкой для встречи с Камиллой и неожиданно захватившего героев любовного чувства.

Следует отметить, что театральный контекст проникает в произведение начинающего писателя далеко не случайно. В первой трети XX столетия в русской культуре преобладала эстетика жизнотворчества и мифотворчества, деятели культуры творили свою жизнь по образцу разыгрываемой на сцене драмы, рождалась «новая театральность», которая, как подчеркивает А.В. Вислова, стала одной из форм жизнестроения [3, с. 86]. Генрих Гейне в повести Пастернака изначально «отождествляется с актером, который использует целый арсенал романтических приемов, выражений, поз, жестов и играет роль Дон Жуана», но в определенный момент уже не на выдуманных подмостках, а в реальной жизни происходит смена статуса, гибнет актер и рождается поэт [4, с. 5]. Игра в любовь преобразуется в настоящее любовное чувство.

Кульминационным в повести Б.Л. Пастернака становится именно этот момент преображения. При описании этой ситуации писатель использует приемы музыкального искусства. Обращение к музыкальным приемам также не случайно для Пастернака. Он сам долгое время увлекался музыкой, готовился стать композитором, его завораживало творчество А.Н. Скрябина, который в свою очередь стремился в музыке выразить свою неповторимую философию жизни. Д.А. Шумилин отмечает: «В своем творчестве Александр Николаевич столь широко и притом естественно раздвигает границы мира, известного под компромиссным названием “объективного”, что мысли и ощущения, возникающие при созерцании скрябинской Вселенной, с трудом находят себе адекватную вербальную форму» [15, с. 258]. Как почитаемый Пастернаком композитор А.Н. Скрябин, молодой писатель стремится передать в художественном тексте то, что невозможно передать словами, то, что раздвигает границы обычного мира, выходит за его пределы. Для этого он использует такие характерные для музыкального искусства приемы, как ускорение и замедление темпа, а также паузы.

Действие повести «Апеллесова черта» завязывается в Пизе, откуда Генрих Гейне, вызванный на эстетическую дуэль, отправляется в Феррару, зная, что именно в этом городе должна проживать возлюбленная его соперника, ведь *что ни любовное стихотворение у Релинквимини, то неизменная пометка «Феррара!»* [11, с. 10]. Первые две части произведения необычайно динамичны, и темп обрисовки событий, связанных с переездом героя из Пизы в Феррару, подачей объявления в газете «Vосе» намеренно ускорен. У Гейне мало времени – он должен успеть совершить задуманное за сутки, потому что он прекрасно понимает, что соперник, узнав о его поездке в Феррару, сразу же бросится за ним в погоню: *Ведь он с места же сорвется на вокзал, как только лакей скажет о моем маршруте!* (Там же, с. 11).

Действие на некоторое время замедляется, когда описывается сон Генриха Гейне в гостинице, но вновь убыстрется, когда город просыпается, движется, действует, несмотря даже на сон главного героя.

Пастернак сталкивает разные пространства (объективное и субъективное), показывает, как по-разному течет время в городе и в номере, где спит герой. За окном уже с самого утра происходит множество событий, в том числе и драма развалившейся, от жары пересохшей тележки, виды сменяют друг друга с кинематографической быстротой, от детальных изображений взгляд моментально перемещается к крупным планам, и наоборот: колесо тележки раскалывается, *спицы вытирают куском перекушенных колышков, тележка падает и килы газет вываливаются. Толпа, парасоли, витрины, маркизы. Газетчика на носилках несут – аптека совсем близости* [11, с. 12]. А в это время «часы лениво вырастают» в восьмом номере гостиницы: *Гейне спит. Сейчас он проснется. Сейчас. <...> Дайте ему только до конца доглядеть последний обрывок сновиденья...* (Там же).

Появление Камиллы изменяет ситуацию неравномерного течения времени. Действие продолжает развиваться в соответствии с реальным временем диалога: реплики и романтические монологи Гейне, играющего роль Дон-Жуана, сменяются репликами и комментариями Камиллы. Но именно в этой ситуации происходит смена онтологического статуса героев: игра и выдумка, театральное позерство преображаются в жизнь, в истинное чувство. Момент этого преображения в тексте повести обозначен весьма нетривиально. *Что за мука! – полушепотом вздыхает он, отрывает руки от внезапно побледневшего лица... и, взглянув в глаза все более и более теряющейся госпожи Арденце, к несказанному изумлению своему замечает, что...*

IV

...что женщина эта действительно прекрасна, что до неизвестности прекрасна она, что биение собственного его сердца, курлыча, как вода за кормой, подымается, идет на прибыль, заликает в плотную приблизившиеся колени и ленивыми, наслаивающимися волнами прокатывается по ее стану... (Там же, с. 17–18).

Здесь мы видим и многоточия, и разрыв предложения, и повторение союза «что», и явное замедление темпа повествования. Все это создает условия для восприятия этого эпизода как необычайно длительного и насыщенного эмоционально, хотя на самом деле это все длилось считанные секунды. Передача такого насыщенного эмоционального содержания стала возможной благодаря использованию приемов музыкального искусства: пауз, замедления и ускорения темпов, так как именно в музыке «на первом месте по роли восприятия стоят эмоциональные акценты. <...> Чем значительнее момент, тем большую важность он представляет, тем он дольше может переживаться и создать иллюзию длительности», что ведет «к переоценке реального времени» [1, с. 318–319].

То же самое мы наблюдаем в повести Пастернака. Момент изменения психологического состояния героев – кульминационный во всем произведении. Здесь – замедление темпа, а в центре – огромная пауза, прерывающая одно предложение и выраженная графически двойным многоточием, разделенным расстоянием между главами. В конце фразы – многоточие, слова Камиллы и вновь пустое пространство перед

последующим текстом. Почитаемый Б.Л. Пастернаком А.Н. Скрябин, как замечает Н. Виеру, говорил о важности пауз в музыкальном произведении следующее: «Тишина есть звучание... В тишине есть звук. И пауза звучит всегда <...>. Я думаю, что может быть даже музыкальное произведение, состоящее из молчания» [2, с. 337]. Пауза в музыке знаково изображается как фермата. Фермата, или звучащая пауза, подчеркивает момент напряженности, перелома. Д.Б. Терешкина, соотнося роль ферматы в музыкальном и словесном искусствах, подчеркивает: «Признаки ферматы: резкая смена настроения после нее, кульминация напряжения, недосказанность (и, вероятно, чем выше подтекст недосказанности, тем фермата дольше). <...> Фермата – это не остановка в звучании, а продление звучания, в том числе звучания тишины», и если в музыке фермата являлась признанным приемом, то в литературе этот прием обрел значимость «в основном в эпоху авангарда» [13, с. 67]. Так и в произведении Б.Л. Пастернака зафиксированная графически пауза, подобно музыкальной фермате, свидетельствует о точке высшего напряжения, о переходе из одного состояния в другое, о разрыве между обыденным миром театральной игры и лицедейства и миром вечных сущностей, любви и творчества. При этом до паузы очень динамично описываются в основном театрализованные, однозначно наигранные действия героя: *спрятал лицо в ладони, вздыхает, отрывает руки от внезапно побледневшего лица, взглянув в глаза <...> господжи Арденце...* [11, с. 12]. После паузы – следует передача лишь внутренних ощущений героя.

Момент от осознания наивысшего напряжения любовного чувства до спасительного для влюбленных, захлебывающихся этим чувством, поцелуя, снимающего это напряжение, в тексте максимально замедлен. Это одно предложение, сосредоточившее в себе и момент перехода из обычной реальности в пространство вечных сущностей, и изображение развития любовного чувства, которое напоминает нарастающее напряжение в музыкальной теме, ждущей своего разрешения в гармонических аккордах. В этом предложении присутствуют повторы, синонимические конструкции, градиционно не равнозначные друг другу по психологической эмоциональности, многочисленные причастные обороты, восклицательные знаки и тире, последние в литературном творчестве нередко рассматриваются как знаки «невыговариваемого» и способ помещения слова «в просторность неисследимого» [12, с. 130–131]. В отрывке, процитированном выше, тире, как видим, действительно, не просто пунктуационный знак, это знак психологического преобразования, пульсирующие точки, которые раз за разом меняют состояние героя, поднимают его над обыденностью, выводят за грань обычного времени и пространства.

Далее в повести эмоциональное напряжение снимается, следует эпизод с уличным оборванцем, принесшим по заказу Генриха Гейне цветы для Камиллы. Сцена передачи цветов заказчику развивается вновь в двух планах, но это уже не противостояние объективного и субъективного пространств, как в эпизоде описания ночного сна Гейне, а существование в одном месте и времени разных сущностей – обыденной и

возвышенной. В музыкальном искусстве это трактуется как несколько вариаций одной темы. Всех героев эпизода связывает одна тема – уличный мальчишка принес цветы по заказу синьора, проживающего в гостинице. Лакей воспринимает этого мальчишку как негодяя, которого *при совершенном неприличии его костюма* [11, с. 19] невозможно впустить в гостиницу. Но этот «неприлично» одетый «подросток-оборвыш» с головой погружен *в целый лес лиан, олеандров, флердоранжа, лилий... <...> роз, магнолий, гвоздики...* (Там же, с. 18). Вариация лакея звучит как приземленная, вариация же Генриха Гейне, воспринимающего эту сцену уже с высоты проникшего в его сердце любовного чувства, имеет иное звучание – обретает возвышенный, романтический характер. Для лакея вид «оборванца» неприличен, Гейне же трактует этот вид посланца, принесшего цветы, иначе: *Кто сшил тебе эти брючки из рыбацкой сети, прозрачное создание?* (Там же, с. 19) – с таким поэтическим вопросом он обращается к принесшему цветы молодому человеку. Третья «вариация темы» принадлежит мальчишке, который отстаивает свои права. Мальчишка оказывается пронишкой и плутом, добиваясь достойной оплаты за принесенный букет, но он, по сравнению с приземленным лакеем, явно наделен творческим потенциалом, так как на высокопарный вопрос Генриха Гейне он дает в таком же высоком духе сформулированный ответ: *Синьор, шипы колючих изгородей в Ферраре ежегодно оттачиваются наново специальными садовыми...* (Там же). Финал его ответа заглушается всеобщим смехом и методичным речитативом гостиничного служащего, недоброго происхождения. В целом эпизод напоминает оперные сцены, в которых разные герои, в том числе и второстепенные, одновременно пытаются выразить свои взгляды или чувства, и партия каждого оказывается важной не столько для развития действия, сколько для создания драматического эффекта.

Эпизод с цветами, принесенными уличным «оборванцем», явно не играет какой-то значительной роли в развитии любовного чувства главных героев, он прерывает течение времени, возвращает Гейне и Камиллу в реальную жизнь. Это своеобразная «проверка» той волны любовного чувства, которая захватила их неожиданно для них самих. В результате оказывается, что Генрих еще до конца не осознал того, что проникло в его сердце, ведь он сообщает уличному мальчишке, что через два часа уедет из Феррары, но все дальнейшее развитие событий противоречит этому. Гейне никуда не уезжает, он идет с Камиллой в кафе, а потом остается в гостинице на всю ночь, а дальше – уже и вовсе не распоряжается своим временем, о чем свидетельствует его разговор с редактором газеты «Vose», в котором он признается, что «время – цепь сюрпризов» и даже зовет редактора на встречу «послезавтра», сам не осознавая того, что с ним будет «послезавтра», так как это уже где-то за гранью той реальности, в которой он существует «здесь и сейчас» (Там же, с. 26).

Не менее значимыми в поэтике повести «Апеллезова черта» являются приемы изобразительного искусства. Само название повести связано с искусством «очертания», способностью художника передать не

просто внешний вид, но сущность, психологический характер своего героя. Генриха Гейне поражает, что Камилла смогла, будучи знакома с ним лишь считанные минуты, одной чертой охарактеризовать его: *Вы – поэт. <...> Какой-то богом взысканный, судьбою избалованный бездельник* [11, с. 16]. Такую характеристику он называет «чертой Апеллеса», передающей всю сущность его положения. Примечательно то, что сам он после этого открытия творческой сущности Камиллы даже не пытается прочертить заветную «черту Апеллеса», призывая свою возлюбленную дорисовать начатую линию, вести дальше эту черту, не прерывать ее, потому что эта линия – сама жизнь (Там же, с. 17). Действительно, в дальнейшем повествовании именно Камилла становится персонажем,двигающим действие. Она уговаривает Энрико остаться еще на сутки в Ферраре, а затем неожиданно появляется в гостиничном коридоре после телефонного разговора Гейне с редактором и просит его не тушить свет, что свидетельствует о продолжении «линии», связанной с любовным чувством героев «Апеллесовой черты», о ее незавершенности. Черта и очертание – обнаружение в человеке главной сущности без слов, в одном живописном росчерке или штрихе. Это суть портретного искусства, в переложении же на словесное искусство это должна быть весьма лаконичная фраза, афоризм, который передаст основную идею отдельных персонажей и всего произведения в целом. Сквозная идея повести состоит в том, чтобы открыть в героях ту самую «апеллесову черту», которую они в себе и не подозревали. Это становится возможным только в ситуации эстетического напряжения, или «пикового переживания», и в этом контексте призыв Генриха Гейне дорисовать начатую линию, адресованный Камилле, имеет многозначный смысл: эта линия открывает в сердце Генриха Гейне неожиданно для него самого искреннее чувство, она же открывает для Камиллы новые грани любовных переживаний и становится той чертой, или границей, перейдя которую герои обретут «новые имена», то есть новое осмысление самих себя.

Таким образом, повесть Б.Л. Пастернака «Апеллесова черта» является образцом ранней прозы начинающего писателя и поэта. Здесь сочетаются приемы разных родов литературы – лирики, драмы, эпоса. В повести присутствует любовный сюжет, имеющий необходимые стадии развития, такие как экспозиция, завязка и кульминация, развязка вынесена за пределы повествования, что характерно для произведений искусства первых десятилетий XX столетия. Приемы драматизации, театрального искусства связаны с особым мифологическим прочтением образа подмостков, когда театральная сцена обретает семантику мифотворчества и жизнотворчества, на подмостках решаются судьбы не актеров, а героев, живущих в реальном мире. Под подмостками у Пастернака подразумевается вовсе не сцена в театре, а сама жизнь в самых опасных, кризисных ситуациях, когда человек должен сделать выбор, когда он оказывается в ситуации «полного освещения», то есть понимает, что от этого выбора будет зависеть вся его дальнейшая жизнь. Здесь, в «Апеллесовой черте», лишь намечаются перспективы этого сущностного для художественного ми-

ра Пастернака образа, впоследствии образ подмостков возникнет в «Гамлете», открывающем цикл «Стихотворений Юрия Живаго», но уже в совершенно новом, этическом, прочтении.

В своей повести Б.Л. Пастернак, когда-то мечтавший стать композитором и увлекавшийся А.Н. Скрябиным, использует приемы музыкального искусства, такие как замедление и ускорение темпов, «звучащие» паузы, одновременное звучание нескольких голосов или вариаций одной темы. Эти приемы позволяют создать особую психологическую атмосферу повести, передать многоликость и многозвучность мира, в котором, кроме главных героев, существует еще множество других «звучащих» миров, одним из которых является город, живущий своей, отличной от героев жизнью. В этом же мире существуют и далеко не романтические, меркантильные герои, заботящиеся только о соблюдении приличий, и этим героям в повести тоже дается соответствующая их «оперной роли» партия.

Приемы изобразительного искусства тоже являются в повести «Апеллесова черта» значимыми для выражения основной идеи произведения. Само название, а также эпиграф повести отсылают к греческим художникам, их эстетическому союзу. Значение слова «черта» как отражение сущности изображаемого на полотне человека, как смысл всего портрета, реализуется в структуре произведения. Главную черту Генриха Гейне открыла Камилла, сразу же определившая в нем поэта, а черта, или линия любовного чувства, которое испытали герои, является основной идеей произведения, без этой «черты» не существовало бы и повести, как не существовало бы живописного полотна художника, решившего это любовное чувство запечатлеть на своей картине.

Литература

1. Беляева-Экземплярская, С. Н. Заметки о психологии восприятия времени в музыке / С. Н. Беляева-Экземплярская // Проблемы музыкального мышления. – Москва, 1974. – С. 303–329.
2. Виеру, Н. Скрябин и тенденции современного искусства / Н. Виеру, А. Н. Скрябин // Сборник статей. – Москва, 1973. – С. 320–343.
3. Вислова, А. В. «Серебряный век» как театр: Феномен театральности в культуре рубежа XIX–XX вв. / А. В. Вислова. – Москва : Российский институт культурологии, 2000. – 212 с.
4. Галоци-Комяты, К. От «Апеллесовой черты» к «Гамлету»: (Об одном мотиве в творчестве Пастернака) / К. Галоци-Комяты // Studia Rossica Posnaniensia. – 1993. – № 24. – С. 3–8.
5. Из наследия «раннего» Пастернака // Историко-философский ежегодник, 1991. – Москва : Наука, 1991. – С. 355–359.
6. Каган, Ю. М. Об «Апеллесовой черте» Бориса Пастернака: попытка постижения / Ю. М. Каган. – URL: <http://pasternak.niv.ru/pasternak/kritika/kagan-ob-appellesovoj-cherte.htm> (дата обращения: 11.12.2022). – Текст : электронный.
7. Куплевацкая, Л. А. Символика хронотопа и духовное движение героев в романе «Братья Карамазовы» / Л. А. Куплевацкая // Достоевский : материалы и исследование. – Санкт-Петербург : Наука, Санкт-Петербургское отделение, 1992. – Т. 10. – С. 90–100.
8. Маслова, А. Г. Аспекты анализа хронотопа лирического произведения (на примере поэзии Б. Л. Пастернака) :

учебное пособие к спецкурсу / А. Г. Маслова. – Киров : Издательство ВятГГУ, 2006. – 132 с.

9. Маслова, А. Г. Поэтика хронотопа в раннем творчестве Б.Л. Пастернака : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Маслова А. Г. – Киров, 2003. – 21 с.

10. Маслоу, А. Психология бытия / А. Маслоу. – Москва : Ваклер, 1997. – 300 с.

11. Пастернак, Б. Л. Собрание сочинений. В 5 томах. Том 4. Повести. Статьи. Очерки / Б. Л. Пастернак. – Москва : Художественная литература, 1991. – 909 с.

12. Раков, В. П. Семантика и графика стиля М. Цветаевой / В. П. Раков // Константин Бальмонт, Марина Цветаева

и художественные искания XX века. – Иваново, 1999. – Вып. 4. – С. 122–141.

13. Терешкина, Д. Б. Фермата, или управляемое безвремя: *ad libitum* как художественная стратегия / Д. Б. Терешкина // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – 2018. – № 3 (23). – С. 52–69.

14. Тишунина, Н. В. Западноевропейский символизм и проблема синтеза искусств: опыт интермедиального анализа / Н. В. Тишунина. – Санкт-Петербург : Издательство РГПУ имени А. И. Герцена, 1998. – 159 с.

15. Шумилин, Д. А. Скрябин – музыка – философия: к методологии проблемы / Д. А. Шумилин // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2009. – № 101. – С. 258–261.

A.G. Maslova

THE INTERMEDIAL POETICS OF B.L. PASTERNAK'S NOVELLA «APELLES LINE»

The study analyzes the early novella by B.L. Pasternak as a manifestation of the artistic search of a novice writer. In the novella Pasternak uses the techniques of theatrical, musical and visual arts. The theatrical text of the novella is revealed in the playing behavior of the main character and in the image of the stage. The musical techniques are implemented in changing rhythms – slowing down, accelerating, pauses. The techniques of fine art are expressed in the motif of the line and the technique of a shift. The line is considered as the main feature characterizing the hero or the situation. The cubist shift technique allows Pasternak to show the connection of different-time plots in similar situations, to emphasize the idea of the unexpected crossing of the border between the world of the game and the world of real feelings, between the world of invented «plots» and the world of eternal entities. The main thing in the novella turns out to be the plot of transformation, associated with the transition of the characters from the field of theatrical play to the field of high feelings of love. The concentration of techniques of different types of art in the «Apelles Line» of B.L. Pasternak fits into the context of the artistic search in Russian literature of the 1910s.

Russian literature of the 20th century, synthesis of arts, poetics of shift, sounding pauses, artistic time and space



Е.А. Сафрон

Петрозаводский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ЛИТЕРАТУРЫ УЖАСОВ (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА О. КОЖИНА «ЗВЕРИНЕЦ»)

В статье анализируются концепты жанра литературы ужасного в сборнике О. Кожина «Зверинец». Выявляется фольклорно-мифологический генезис рассказов, вычленяются компоненты поэтики, совпадающие с элементами поэтики литературы романтизма.

Литература ужасов, О. Кожин, фольклор, романтизм, жанр, суггестивность, быличка.

Жанр литературы ужасов, иначе называемый хоррором, традиционно имеет ограниченный круг поклонников. Можно предположить, что корень неприятия филологами этой темы кроется уже в самой характеристике жанра¹. Так, по словам Джона А. Куддона, это литература, *которая шокирует или даже пугает читателя <...> вызывает чувство отвращения* [13, с. 11].

Несмотря на отталкивающую тему, интерес к ней никогда не угасал: фольклор любой национальности знает страшные сказки (стоит вспомнить русскую народную «Медведь на липовой ноге»), в любом летнем лагере дети вечерами пересказывают друг другу страшные истории, художники выражают свои страхи на полотне или в цифровом пространстве (в качестве примера приведу коммерческую онлайн-галерею и сообщество художников DeviantArt).

Развивая интерес к обозначенной теме с научной точки зрения, автор настоящей статьи ставит перед собой цель проанализировать некоторые особенности жанра ужасного на примере рассказов петрозаводского писателя Олега Игоревича Кожина (род. 1981). Несмотря на то что родиной писателя является Норильск, он уже много лет живет в Петрозаводске и местом действия своих произведений делает, в том числе, карельские локации. Материалом настоящего исследования стал сборник его рассказов «Зверинец», вышедший в издательстве «АСТ» в 2020 г. Представленные в сборнике рассказы иллюстрируют разнообразные виды человеческих страхов, возникающих обычно еще в раннем детстве: страх темноты, неизлечимых болезней, оживших мертвецов.

Основываясь на классификации видов ужаса Ю.В. Назаровой и Е.Б. Кудтиновой, можно выявить следующие концепты жанра хоррора в представленном сборнике:

- Ужас перед локацией хаоса (дом, квартира с «плохой» историей; кладбище; место убийства (рассказы «Родительский день», «Граффити»));

- Ужас перед фактами реальной действительности (маньяки (рассказ «Вериярви»), пытки (рассказ «Все, и даже больше»), канибализм («Гуси-Лебеди»));

- Ужас перед женской природой (ведьмы, жрицы) (рассказы «Гуси-Лебеди», «Вериярви»);

- Ужас перед возможностью телесной десакрализации (трансформация, превращение («Человек-крот»), оборотничество («Вольк»), восстание мертвых (рассказы «Ледник», «Узкая колея нашего детства»));

- Ужас перед жертвоприношением потустороннему миру (мистическая смерть («Родительский день», «Сетевой», «Памятка юного бродяжки»)) [11, с. 32].

Однако предлагаемая классификация относительно сборника О. Кожина кажется неполной, т. к. в отдельных произведениях анализируемого писателя можно выделить еще одну категорию ужаса – ужаса перед предательством другого живого существа (будь то человек, животное или представитель потустороннего мира). При этом предавать может как сам протагонист, так и его самого. К примеру, в «Узкой колее нашего детства» Лешка Сорокин, бросивший своего друга на съедение зомби в заброшенном поселке, возвращается туда через много лет в надежде исправить ситуацию. При этом автор как бы помогает своему персонажу: он отматывает время вспять, превращает взрослого мужчину в двенадцатилетнего ребенка: *Одежда обвисла на мне как на вешалке <...>. В бутинках образовалось много свободного места. Сбрасывая года, как куропатка в линьке сбрасывает оперение, я летел на помощь к Алому. К нему и ко всем мальчишкам, застрявшим в бесконечном кошмаре. Я вытащу их. Или останусь там вместе со своим другом. Держись, Алый. Я скоро* [7, с. 184–185].

Войтельница Хельга из «Лисьей осени» плачет перед смертью, но не только от сознания грядущего конца, а также и из-за понимания того, что лисавка – человекоподобная лисица – обманула ее: под видом дружбы она заманила ее в свое новое племя, чтобы потенциальные сородичи съели женщину живьем и приняли лисавку в стаю.

В «Зверинце» Степан Бехтерев, всю жизнь занимавшийся отловом мифических существ, ценой собственной жизни освобождает их из специализированного зверинца, организованного министерством обороны, т. к. понимает, что своими действиями разрушал уникальный мир природы и обрекал на верную смерть

¹ Исключением из этого ряда являются монографии Д. Хапаевой: «Кошмар. Литература и жизнь», Москва: Текст, 2010, «Готическое общество: морфология кошмара», Москва: Новое литературное обозрение, 2007, а также Международная научная конференция «Все страхи мира: ноты в литературе и искусстве», организованная Институтом русской литературы (Пушкинский Дом), 24–25 апреля 2014 г.

только за то, что эти существа не были частью бытовой реальности. Таким образом, мы можем говорить о глубоком нравственном послые рассказов – страх перед собственной гибелью нивелируется перед осознанием того, что гуманистические ценности оказываются низвергнутыми.

По происхождению большинство страшных персонажей О. Кожина имеют легко идентифицируемую фольклорно-мифологическую основу: Баба-Яга (рассказ «Гуси-Лебеди»), волк-оборотень (рассказ «Вольк»), домовая (рассказ «Сетевой»), принимающие жертвы комары (рассказ «Вериярви»). Подчеркнем, что в последнем из упомянутых рассказов О. Кожина, как и, скажем, в карельской сказке «Черная уточка», комары связаны с женским началом, архетипическим образом Богини-Матери, которая одновременно является и Богиней Смерти. Так, согласно сказке, комары появляются на свет из-за проклятья поверженной ведьмы Сюоятар, которая пророчит перед смертью, что из ямы, где ее сожгут, вылетят *комары да мошкара, чтобы вечно кусать и мучить людей* [12]. В «Вериярви» члены одной семьи – бабушка, мать и внучка – являются носителями тайного знания: им известно место на болоте, где обитают комары, представляющие собой некую форму божества леса. (Отметим, что по причине большого количества водоемов на территории Карелии популяции комаров очень обширны.) Женщины приносят им в жертву своих врагов, а те выпивают у них кровь до дна, транслируя вечную мудрость природы, не видящей разницы между Добром и Злом и подчиняющейся только одному закону – закону выживания: *Всего лишь круг жизни, – шептали они. – Большие должны стать пищей малым <...> Ради равновесия* [7, с. 130–131].

По мнению Б. Крид и В.В. Корнева, связь образа выпивающих кровь комаров с женским началом необходимо трактовать в духе фрейдистской концепции: женская физиология определяется метафорой мифологической *vagina dentata*, притягивающей и отталкивающей одновременно, несущей непосредственную угрозу для тех, кто желает вступить с ней в более тесный контакт [6, с. 185; 9, с. 68–69].

Подобно фольклорным персонажам, герои литературы ужасов встречаются со своими страхами по причине нарушения какого-либо запрета, т. е. в текст вводится тема карающей судьбы, рока. К примеру, в рассказе «Иней на наших лицах» группа авантюристов направляется в портал между мирами, расположенный на просторах якутской тайги, несмотря на то, что предварительно получают предупреждение от местного жителя об опасности этого предприятия. В результате, оказавшись в параллельной неизменной, путешественники становятся жертвами неизвестных паразитов, превращающих их в зомби. Аналогично и в рассказе «Человек-крот», юный Саша, подначиваемый своими приятелями по детскому лагерю, избивает цыганенка, за что его родственники проклинают его, и мальчик превращается в гигантского крота, пожирающего своих же собственных друзей.

Представляется необходимым отметить, что превращение проклятого человека в крота является традиционным мифологическим мотивом (в пользу чего свидетельствует особая форма пальцев животного) [10, с. 108–109]. Скажем, в болгарской легенде отец

проклял 40 своих сыновей за то, что они все время не могли поделить полученную в наследство землю. В итоге они превращаются в кротов, которые без остановки роются в земле [8]. Крот является хтоническим животным, связанным с миром смерти [2, с. 43]: его нора уподобляется могиле, сам он, как мертвец, живет под землей. Таким образом, использование писателем этого образа для создания семантики ужасного представляется вполне закономерным.

Однако, несмотря на фольклорно-мифологическую ориентированность рассказов, тексты О. Кожина принципиально отличает трагический финал и традиционная для жанра ужасов установка на достоверность. В «ужасном» тексте, как и в тексте романтического толка, художественный мир выстраивается с опорой на принцип фантастического двоемирия: с одной стороны, мир бытовой, с другой – сверхъестественный, представленный проявлением ужасного существа, несущего для героя смертельную опасность. Например, в рассказе «Вольк» к сидящей с маленькими детьми героине вместо мужа в квартиру является волк-оборотень, жаждущий съест молодую мать и ее сыновей, или в рассказе «Граффити» на рисующих в заброшенном здании школьников нападает гигантский еж, внезапно сошедший с изображения на стене.

Таким образом, мы выходим на самый частотный сюжетный ход жанра – мир сверхъестественный ставит перед собой цель полного уничтожения мира реального, причем известно это либо только одному протагонисту, либо небольшой группе персонажей.

Факт владения информацией о двоемирии узкой группой лиц также характеризует генетическую обусловленность хоррора романтической традицией. Скажем, в «Повелителе блох» Э.Т.А. Гофмана только главному герою Перегринусу Тису открывается возможность видеть истинную сущность окружающих его людей, и то благодаря особому стеклу, которое ему дарит повелитель блох. Аналогично и в рассказах О. Кожина: например, только пятнадцатилетней Маричке известна дорога в избушку Бабы-Яги, куда братья Лебедевы унесли ее младшего брата: *Пусть, известными только зверью лесному, детям да выжившим из ума старухам-травницам* [7, с. 406].

Контраст реального, привычного читателю мира, и сверхъестественного, чудовищного существа (являющегося в функциональном плане одной фантастической посылкой) и создает эффект максимальной *суггестивности, т.е. на читателя производится эффект от прочитанного*: если бы действие происходило изначально в сфабрикованной фантастической вселенной, то встреча с иным миром не произвела бы должного впечатления, читателю не было бы страшно. Так, действие рассказов «Граффити», «Все, и даже больше» происходит непосредственно в Петрозаводске, причем автор называет конкретные объекты, прекрасно известные каждому местному жителю.

Отметим, что Петрозаводск – единственная локация, чей статус и реальное имя в рассказах О. Кожина совпадают. Остальные топосы носят названия других мест: город Сумеречи по описанию похож на город Сегежу, хотя в Сегежском районе действительно существует деревня Сумеречи, в которой на данный момент проживает всего 9 человек.

Деревни Вериярви, расположенной, согласно фантазии писателя, среди карельских болот, в реальности не существует, однако это название образовано писателем по аналогии с другими топонимами, в составе которых есть финское järvi – озеро. (Ближе всего по названию – Вероярви (väärajärvi – дословный перевод с ингерманландского диалекта финского языка «кривое озеро» – водоем, расположенный на Карельском перешейке во Всеволожском районе Ленинградской области.) Описание деревни, согласуясь с традицией литературы ужасов, определяется семантикой старости, омертвения: *Краска облезла, опасно накренилась труба* [7, с. 93], *Мертвые дома разглядывали Софью выбитыми глазницами* (Там же, с. 118).

В рассказе присутствует пришедший из готической литературы мотив темного леса [1, с. 378–379] – один из самых распространенных мотивов хоррора: *Под сенью елей, крепко взявших друг друга за лапы, стояла непроглядная иссиня-черная темень. Настоящий дремучий лес, из которого <...> тянуло холодом, сыростью и мрачной тайной* (Там же, с. 101). Однако темная таинственность леса не угрожает человеку напрямую, и особенно носителю тайны о скрытом мире потустороннего: главной угрозой оказывается сам человек – обитатель деревни – сумасшедший насильник и каннибал.

Обязательное условие бытования ужаса в литературе соответствует описанию страшного в быличке – рассказе очевидца о встрече с нечистой силой: при характеристике существа акцент делается на отдельных деталях, производящих максимальное впечатление. Например, в рассказе «Ледник» героя пугает не сам факт нападения со стороны мертвеца, но тот факт, что *Конечности передвигались попарно: левая рука – правая нога и наоборот. Почему-то именно нечеловеческая пластика размороженного заставила Толика лягнуть зубами* (Там же, с. 85). Интерпретацию такого принципа изображения находим у немецкого философа Г. Гегеля в «Йенской реальной философии»: *В фантазмагорических представлениях – кругом ночь, то появляется вдруг окровавленная голова, то какая-то белая фигура, которые так же внезапно исчезают. Эта ночь видна, если заглянуть человеку в глаза – в глубь ночи, которая становится страшной; навстречу тебе нависает мировая ночь* [3, с. 289].

По словам Т. Горичевой, человек как конечное существо встречается с бесконечностью мировой ночи и *будто бы невзначай заглядывает в глаза собственной смерти. И именно здесь обретает позицию Господина, ибо тот, кто способен посмотреть в лицо своей смерти, по-настоящему свободен* [4, с. 286]. Переживающий такую встречу человек перестает бояться, выносит себя из нее победителем и освобождается. Именно поэтому Маричка из «Гусей-лебедей» перестает бояться старой ведьмы и, убивая ее и ее сыновей, спасает своего брата.

E.A. Safron

SOME FEATURES OF HORROR LITERATURE POETICS (ON THE EXAMPLE OF THE STORYBOOK BY O. KOZHIN «THE MENAGERIE»)

The study analyzes the concepts of horror literature in O. Kozhin's storybook «The Menagerie». The author reveals the folklore-mythological genesis of the stories and singles out those components of poetics, which coincide with the elements of the poetics of romanticism literature.

Horror literature, O. Kozhin, folklore, romanticism, genre, suggestiveness, bylichka.

Таким образом, несмотря на отталкивающее впечатление, производимое рассказами ужасов О. Кожина, их терапевтическая функция становится очевидной: встречаясь со своим страхом, читатель учится быть сильнее, учится преодолевать себя и находить новые нравственные ориентиры. Родные же для читателя локаций заставляют не только поверить в возможность существования потустороннего, что позволяет по-новому взглянуть на привычное пространство, но и оценить имеющуюся возможность жить в мире, в котором проблемы обусловлены исключительно реальными, а не сверхъестественными причинами.

Литература

1. Антонов, С. А. Анна Радклиф и ее роман «Итальянец» / С. А. Антонов, А. А. Чамеев // Радклиф. А. Итальянец, или Исповедальня Кающихся, Облаченных в Черное. – Москва : Ладомир : Наука, 2000. – С. 371–481.
2. Бурнаков, В. А. Образы мыши и крота в фольклоре и верованиях хакасов (конец XIX – середина XX в.) / В. А. Бурнаков // Гуманитарные науки в Сибири. – 2020. – Т. 27, № 2. – С. 40–45.
3. Гегель, Г. В. Ф. Работы разных лет : в 2 томах / Г. В. Гегель. – Москва : Институт философии АН СССР : Мысль, 1970. – Т. 1. – 668 с.
4. Ужас реального / Т. Горичева, Н. Иванов, Д. Орлов, Д. Секацкий. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 288 с.
5. Гришин, А. А. Феномен ужаса: этико-философский анализ : специальность 09.00.05 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Гришин А. А. – Иваново, 2015. – 21 с.
6. Крид, Б. Ужас и монструозно-фемининное: Воображаемое отторжение (абъекция) / Б. Крид, Н. Самутина // Фантастическое кино. Эпизод первый : сборник статей. – Москва : Новое литературное обозрение, 2006. – С. 183–212.
7. Кожин, О. И. Зверинец / О. И. Кожин. – Москва : АСТ, 2020. – 410 с.
8. Кононенко, А. А. Крот / А. А. Кононенко // Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии. – URL: <https://history.wikireading.ru/406131> (дата обращения: 26.12.2022). – Текст : электронный.
9. Корнев, В. В. Фильм ужасов / В. В. Корнев // Философские дескрипты : сборник научных статей, 2007 / под редакцией О. Л. Сытых. – Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2007. – Вып. 6. – С. 68–77.
10. Левкиевская, Е. Е. Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. – Москва : Астрель, АСТ, 2002. – 528 с.
11. Назарова, Ю. В. Культурные и этические истоки концепта ужаса (на материале англоязычной литературы жанра horror) / Ю. В. Назарова, Е. Б. Кудинова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2016. – № 2 (18). – С. 29–34.
12. Черная утка // Карельские сказки. – URL: <http://www.rodon.org/other/ks7.htm> (дата обращения: 26.12.2022). – Текст : электронный.
13. Cuddon, J. A. Introduction / J. A. Cuddon // The Penguin Book of Horror Stories. – Harmondsworth : Penguin, 1984. – P. 3–12.



Н.Г. Шарапенкова, М.А. Бахлаева
Петрозаводский государственный университет

СКАНДИНАВСКИЕ ЯЗЫЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА О. СКОТТА «TWILIGHT OF THE GODS»)

В статье на примере романа-фэнтези современного американского писателя О. Скотта «Twilight of the Gods» выявлены особенности ритуалов древних скандинавов, их структура и основные характеристики. Детально с привлечением теоретического и мифолого-фольклорного материала были рассмотрены три ритуала: ритуал погребения, жертвенный обряд призыва предков и ритуал лечения.

Роман, фэнтези, Оден Скотт, «Twilight of the Gods», магия, ритуал погребения, жертвенный обряд призыва предков, ритуал лечения.

Введение

Современное фэнтези в литературоведении, по определению Е.А. Сафрон, относят к «синтетическому жанру фантастической литературы» [8, с. 48], некоторые виды которого восходят к фольклорно-мифологической традиции. При этом писатели адаптируют архаичную традицию к знакомой им реальности, конвергируя, таким образом, мифическую древность и действительность.

Это возможно благодаря универсальности самих мифологических моделей, связанных с ментальной деятельностью человека. В ней можно выделить два типа мышления: безобразное (силлогистическое) и образное, то есть мифологическое, основой которого выступает ритуальная деятельность.

Ритуал, который связан с когнитивной функцией человека, согласно определению О.М. Кордас, – «это упорядочивание, установление пределов, закономерной последовательности» [7]. Само познание окружающего мира происходит при помощи «физических и интеллектуальных посредников-символов» [3], раскрывающих причинно-следственную закономерность между явлениями. В роли таких «посредников», как правило, выступают, как их вычлняет Е.В. Стоянова, ритуальные «действия, заклинания, обряды, многочисленные талисманы-обереги» [10]. Всех их объединяет особая функция, которая, согласно верованиям архаичного человека, связана с влиянием на окружающий мир. Многие западные и отечественные ученые, к примеру Г.Р. Леви, Ж. Дюмезиль, Б.К. Малиновский, Дж. Фрейзер, считают, что ритуал – это прямое отражение мифа, т. к. и миф, и ритуал осуществляют *образное осмысление* действительности и даже в некотором смысле дублируют друг друга. Таким образом, справедливым будет следующее утверждение: ритуал может сформироваться под влиянием мифа, а может, наоборот, ему предшествовать.

Ритуальные действия, согласно воззрениям архаичного человека, оказывают воздействие на божественные силы. Ритуал, таким образом, можно рас-

сматривать как символическое выражение отношения человека к трансцендентной, божественной реальности и воспринимается «как возможность, условие и божественный залог благополучной, счастливой жизни» [14, с. 155].

Проанализировав работы ученых, посвященные исследованию ритуалов, Э. Дюркгейма, М. Мосса, А. Геннепа, Э. Мирчи, М. Дуглас, В. Тэрнера, нами были выделены основные характеристики ритуально-го действия.

В своей работе «Соотношение ритуала и мифа и механизмы коммуникативного воздействия» исследователи И.В. Журавлев и Ю.В. Журавлева определяют *суть ритуалов* как совокупность «действий, смысл которых не выводится напрямую из их структуры» [6]. Таким образом, одни и те же ритуальные действия у различных народов и этносов могут как отождествляться, так и трактоваться различными способами.

Структуру ритуала можно разделить на четыре части, которые В. Тэрнер называет «точками зрения» [12, с. 16]: 1) символическая – собрание символов с мельчайшей единицей ритуала, символом; 2) ценностная – передача информации о ценностях и иерархии; 3) телическая – система целей и средств без религиозного значения; 4) ролевая – взаимодействие статусов и положений. Описание структуры ритуала возможно только при синергии всех четырех «точек зрения». Кроме того, важной характеристикой ритуала является *смысл*. Существует три способа «символической референции» (Там же): 1) явный смысл, сознательный; 2) латентный смысл, сознательно-бессознательный; 3) скрытый смысл, бессознательный. Подлинный ритуал должен содержать «неизменность» [2, с. 18]. Трансформируясь, он теряет свои функции и значение. Центральной фигурой любого ритуала является шаман или духовный проводник.

Ритуалы делятся на *отрицательные* (система запретов) и *положительные* (поощрение), в т.ч. *искупительные*; *имитационные* (подражающие) и *коммеморативные* (воспроизводящие); *магические* и *религиозные*; *кризисные* и *календарные*, ритуалы *родства*.

Е. Чепл и С. Кун предложили также ритуал «интенсификации» [13, с. 14], то есть ритуал-совокупность предыдущих, направленный на повышение сплоченности с целью противостоять внешнему миру.

Рассмотрим и проанализируем ритуалы, представленные в романе О. Скотта «Twilight of the Gods», который стал материалом для данного исследования.

Роман «Twilight of the Gods» (2020)

Оден Скотт (род. 1967 г.) – современный американский писатель, чья дебютная работа «Man of Bronze» (2005), написанная в жанре исторического романа, вызвала огромный резонанс в западных СМИ. За этот и последующие романы автор получил одобрение влиятельного «Общества исторического романа» (англ. Historical Novel Society), некоммерческого международного литературного объединения, которое занимается распространением жанра исторического фэнтези. О. Скотт пишет не только книги, но и рассказы, научно-популярные статьи, правила для настольных игр, а также сопроводительные материалы к компьютерным играм.

Роман «Twilight of the Gods» (2020) («Сумерки богов») является вторым в серии книг «Grimnir» («Гримнир»), в которую, по замыслу автора, должны войти рассказы «Beasts of Waste and Desolation» (2022) («Чудища пустоши и разрушений») и третья книга, чей выход в печать запланирован в 2023 году. Американская библиотечная ассоциация (Reference & User Services Association) с 2018 г. внесла серию «Grimnir» в список рекомендованного чтения.

Анализируемый роман раскрывает историю Гримнира, последнего из народа каунар («каунаров») с новой стороны. Спустя два столетия после событий первой книги герой поселился в шведском лесу вместе с местными язычниками. Они воздвигли в честь него культ «Скрытого»¹ (англ. яз. The Hooded One), а Гримнир взамен защищает их от угроз внешнего мира. Язычники переживают тяжелые времена: сменилась верховная жрица, и ее место заняла еще совсем молодая девушка Диса Дагрудоттир. Кроме того, Рим объявил крестовый поход, и теперь Гримниру предстоит защитить свою веру и свой народ.

Ритуал погребения в романе «Twilight of the Gods»

Для удобства все обрядовые действия, рассматриваемые в статье, поименованы нами «ритуалами». Первый ритуал, встречающийся в романе, – это похороны. А.Я. Гуревич в своих статьях об эпохе викингов не раз замечал, что «особенно ярко духовную культуру скандинавов этой эпохи характеризуют погребения» [5, с. 170].

О. Скотт в своем романе «Twilight of the Gods» не дает детального описания похорон: нет информации о том, как именно подготавливали тело Кольгримы Гудрунардоттир к упокоению (англ. яз. Kolgríma Guðrúnardóttir). Описание начинается сразу с экспозиции и с задач, которые стоят перед жрецом или

жрицей: «Перед Вороньим Камнем был сложен костер, где лежал труп, завернутый в ткань. <...> Диса мало что знала о своих обязанностях, но она знала одно: только жрица Скрытого могла зажечь огонь, который поглотит бренные останки ее предшественницы»². Назначение Вороньего Камня в ритуале не упоминается, однако можно сделать предположение, что это определенный ориентир или некий центр, вокруг которого и была построена деревня. Далее О. Скотт описывает, что это за камень и каким образом он появился в деревне: «...кусок базальта, смутно напоминающий перо ворона, чуть более четырнадцати футов в высоту, на одну сторону широкий и плоский»³. Данный камень появился в поселении благодаря Гифру (англ. яз. Gífr), одному из предков Гримнира. На Вороньем Камне вырезали следующие слова: «Сын Гифра Кьялланди воздвиг этот камень в память о Радболге, своем брате. Он умер в объятиях змея»⁴. Необходимо отметить, что в оригинале данная надпись выделена курсивом: таким образом О. Скотт указывает на скандинавскую фольклорно-эпическую традицию романа.

Главная героиня Диса во время анализируемого ритуала читает речь о принятии всех обязанностей покойной: «То, что было твоим при жизни, я, Диса Дагрудоттир, теперь считаю своим! Твои долги теперь мои! То, что была должна ты, теперь должна я!»⁵ Далее все жители деревни, начиная с Дисы, предали тело Кольгримы огню.

Рассмотрим эпизод похорон в скандинавской традиции подробнее. Впервые погребальные обряды скандинавов были описаны арабским путешественником и писателем Ибн Фадланом (877–960 гг.) в его мемуарах о знакомстве с русами. О. Скотт для изображения ритуала погребения выбрал один из типичных сюжетов, а именно возведение погребального огня. Второй способ «упокоить душу» воина или отправить ее в загробный мир – это так называемый «погребальный корабль» [5, с. 50]. Такой способ, к примеру, упоминается в «Перечне Инглингов»: дружинники конунга Хаки сожгли его на погребальном костре, который разводили на корабле, пущенном по волнам.

Данный ритуал в символическом и аксиологическом аспектах предстает как ритуал упокоения души и отправления ее в мир мертвых. Телическая и ролевая функции этого ритуала – передача титула от одного жреца к другому. Центральной фигурой данного ритуала является жрец. В мифопоэтической классификации это воспроизводящий и религиозный ритуал.

² «A pyre lay prepared before the Raven Stone, topped by a linen-swaddled corpse. <...> Dísá did not know much about her duties, but she knew this: only a priestess of the Hooded One could light the fire that would consume her predecessor's mortal remains» [15, с. 55].

³ «...chunk of basalt, vaguely reminiscent of a raven's feather – a bit over fourteen feet in height with one side that was broad and flat» (Там же, с. 274).

⁴ «Gífr Kjállandi's son raised this stone in memory of Raðbolg, his brother. He died in the wyrm's embrace» (Там же).

⁵ «What was yours in life, I, Dísá Dagrúndóttir, now claim as my own! What debts you owed are now my own! What was owed to you now is owed to me!» (Там же, с. 56).

¹ Далее в тексте статьи перевод цитат из романа О. Скотта на русский язык выполнен М.А. Бахлаевой.

Жертвенный обряд призыва предков в романе О. Скотта «Twilight of the Gods»

Следующий ритуал, который проанализирован нами, – это *жертвенный обряд призыва предков*. Уточним, что название этого ритуала нами было предложено условно, так как в тексте романа О. Скотта наименования нет: Гримнир предлагает свою помощь, в общих чертах объясняя жителям деревни, что собирается сделать.

В романе «Twilight of the Gods» ритуал описан следующим образом: на некоем религиозном месте зажигается костер, при этом неважно, кто именно будет его разводить и поддерживать силу и яркость пламени. Далее в образовавшемся от костра «колодце тени»⁶ размещается некая приманка, предположительно жертвенная фигура. Затем выполняется ряд таинственных действий, наделенных магическим смыслом и направленных на взаимодействие с «жертвой». Магические действия сопровождаются специальными речами-заклинаниями. Далее кровью закланной жертвы окропляется само религиозное место. Ритуал считается завершенным, если предок «явил себя».

Гримнир провел ритуал следующим образом: велел всем развести огонь, чтобы в тени от него утонул Вороний Камень, руническая стела, предположительно обладающая магическими свойствами. Туда поместили останки павшего в бою воина-дана таким образом, чтобы на них не попадал свет. Для удобства останки были перемещены в хозяйственное ведро без отличительных признаков и опознавательных знаков. Гримнир «перемешал кровь и внутренности бедренной костью»⁷, также находившейся в ведре: три раза по часовой и три раза против часовой стрелки. Гримнир трижды повторил данное действие, произнося вслух обращение к предкам, живущим в месте, называемом Нострэнд (исл. Náströnd, шв. Nastrand, «Берег Мертвых» [1, с. 187]). Согласно «Старшей Эдде», Берег Мертвых – это место в царстве Хель, где живет великий змей Нидхёгг и обгладывает трупы. Это загробная жизнь для тех, кто виновен в убийстве, прелюбодеянии и нарушении клятв – во всем, что скандинавы считали худшими из возможных преступлений человека.

После обращения к предкам Гримнир вылил кровь и останки дана на Вороний Камень, продолжив читать заклинание. Он перечислил всех своих предков, остановившись на том, чьей помощи ждал: «Гифр Кьялландиссон, / К тебе я зываю»⁸.

Завершается ритуал объявлением имени того, кто его проводит, которое можно переложить следующим образом: я, Гримнир, сын Балегира, сделал эти ворота из крови и кости и зову вас к своему порогу. Данная формулировка похожа по форме на традиционную надпись на рунических камнях: как правило, они очень краткие и состоят или из одного слова, или представляют собой некую «графаретную формулу» [9, с. 419], если речь идет о мемориальной надписи, например «Я, X, вырезал руны для Y».

В результате проведения ритуала на плоской стороне Вороньего Камня, послужившего символическими «воротами», сформировались голова и плечи Гифра. Они были «казалось бы, сделанные из застывшей сукровицы, безглазые и не имеющие рта»⁹. Ритуал, судя по описанию в романе, можно считать успешно проведенным.

Отметим, что методика проведения данного ритуала может варьироваться, так как скрелинг¹⁰ на вопрос «Ты когда-нибудь делал это?» ответил «Что-то похожее на это»¹¹. Тем не менее, точно определить назначение человеческой жертвы в данном ритуале нельзя. Мы предполагаем, что это религиозное «кормление предков» было вызвано попыткой воплотить в крови и костях призванного духа, так как кости позже исчезли в плоскости Вороньего Камня.

Данный ритуал может быть описан следующим образом: символически и ценностно это ритуал обращения к предкам; телесная и ролевая функции этого ритуала – помощь и ответы на вопросы. Центральной фигурой данного ритуала является Вопрошающий. Это положительный ритуал, воспроизводящий, нерелигиозный.

Ритуальное лечение в романе О. Скотта «Twilight of the Gods»

Третий тип обрядовых действий, рассмотренный в статье, – это *ритуал восстановления, или ритуал лечения*, проведенный троллем Халлой. Роль врачевателей, как правило, отводилась женщинам, поэтому выбор данной героини для исполнения этого обряда вполне объясним. Халле предстояло заживить раны на теле и голове Дисы. Для того чтобы это сделать, тролль прибегла к помощи ритуала, так как лечить такие тяжелые травмы самостоятельно она не может. Девушку положили на специальную плиту, по краям которой находилось «созвездие глубоко вырезанных рун, выкованных из серебра и светящихся, излучающее неземной свет»¹². Чтобы активировать древнюю магию, Халла принялась за ритуальные пения, обращенные к ветте (vættir) – духам природы. В романе упоминается несколько типов ветте (мн. ч. веттиры): landvættir – духи земли и хранители местности, vatnavættir – духи воды, а также духи остальных стихий.

Троль пела и измельчала в ступе при помощи пестика некоторые ингредиенты: конопляное семя, янтарь, патину и уксус, железную стружку от огненно-черных скал, которую «сбросили с небес сами боги»¹³, и порцию сырого, неразбавленного вина из виноградников древних греков. Все это было смешано при помощи палочки, сделанной из пыли, оставшейся после вырезания на плите рун. Затем тролль приготовила «Вино Гуннлёд»¹⁴. В «Эддах» не встречается

⁶ В оригинале: «a well of shadow» [15, с. 275].

⁷ В оригинале: «stirred the blood and viscera with the thigh bone» (Там же, с. 276).

⁸ «Gífr Kjallandisson, / I call out to you» (Там же).

⁹ В оригинале: «seemingly made from congealed ichor, eyeless and owning no mouth» [15, с. 277].

¹⁰ Скрелинг (ст.-норв., «skræling» абориген) – наименование народа, к которому принадлежит Гримнир.

¹¹ «Something akin to it» (Там же, с. 275).

¹² В оригинале: «a constellation of deeply-cut runes, silver-wrought and glowing, provided an unearthly light» (Там же, с. 83).

¹³ В оригинале: «the Gods themselves hurled down from the heavens» (Там же, с. 84).

¹⁴ В оригинале: «Wine of Gunnlöð» (Там же, с. 79).

упоминаний подобного напитка, однако в поэтической «Эдде» Снорри Стурлусона Гуннлёд упомянута как хранительница так называемого «меда Суттунга» [11, с. 60], меда поэзии, наделявшего богов и людей поэтическими способностями.

Далее Халла вылила на каменную плиту, где лежала Диса, половину напитка. Она «катализовала» возникновение на камне побегов ясеня (священного у скандинавов дерева), дуба, ивы и рябины. Выбор деревьев нам кажется не случайным, так как листьями, корой, плодами и семенами данных растений в народной медицине лечат некоторые хронические заболевания. Кроме того, сок ясеня употреблялся и как противоядие от змеиного яда.

Побеги преобразовались в «гомункула, манекена, созданного в пародии на человеческую форму»¹⁵, с которым позже Халла вела диалог об излечении Дисы. В результате тело героини было оплетено сотней корешков и усиков, а комнату, в которой они находились, наполнил «жуткий» зеленый свет и запах жимолости, мокрой травы, свежеспаханной земли и гиацинта. После завершения ритуала Диса была здорова.

Данный ритуал может быть описан следующим образом: символически и ценностно это ритуал обращения к духам природы; телесная и ролевая функции этого ритуала – помощь и лечение. Центральной фигурой данного ритуала является жрец или шаман. Это положительный ритуал, воспроизводящий, нерелигиозный.

Заключение

В данной статье нами были рассмотрены и определены понятие «ритуал», его структура и основные характеристики, а также проанализировали обряды, упомянутые О. Скоттом в романе-фэнтези «Twilight of the Gods», а именно ритуал погребения, жертвенный обряд призыва предков и ритуал лечения. Описывая данные ритуалы, автор подчеркнул народные мотивы в своем романе и указал на скандинавскую мифолого-культурологическую и лингвистическую основу своего произведения.

Литература

1. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / редколлегия: С. Шлапоберская (ответственный редактор) [и др.] ; вступительная статья А. Я. Гуревича ; художник В. Носков. – Москва : Художественная литература, 1975. – 752 с.
2. Быкадоров, А. И. Ритуал в современной культуре : специальность 09.00.13 «Философия и история религии,

философская антропология, философия культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Быкадоров Александр Иванович ; Ростовская государственная академия архитектуры и искусства. – Ростов-на-Дону, 2006. – 26 с.

3. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова // Philology.ru : русский филологический портал, 2000. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/glazunova-00.htm> (дата обращения: 22.04.2022). – Текст : электронный.

4. Гуревич, А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги / А. Я. Гуревич. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. – 352 с.

5. Гуревич, А. Я. Избранные труды. Норвежское общество / А. Я. Гуревич. – Москва : Традиция, 2009. – 470 с.

6. Журавлев, И. В. Соотношение ритуала и мифа и механизмы коммуникативного воздействия / И. В. Журавлев, Ю. В. Журавлева // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 26. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-rituala-i-mifa-i-mehanizmy-kommunikativnogo-vozdeystviya> (дата обращения: 09.04.2022). – Текст : электронный.

7. Кордас, О. М. Роль ритуала в антропосоциогенезе / О. М. Кордас // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2015. – № 5 (9). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-rituala-v-antroposotsiogeneze> (дата обращения: 15.04.2022). – Текст : электронный.

8. Сафрон, Е. А. Традиции романа воспитания в городском фэнтези (на примере романа М. и С. Дяченко «Vita Nostra») / Е. А. Сафрон // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 11. – С. 48–51.

9. Словарь средневековой культуры / редколлегия: А. Я. Гуревич (ответственный редактор) [и др.]. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 632 с.

10. Стоянова, Е. В. От ритуала и мифа к метафоре / Е. В. Стоянова // Русистика. – 2008. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-rituala-i-mifa-k-metafore> (дата обращения: 15.04.2022). – Текст : электронный.

11. Стурлусон, С. Младшая Эдда / С. Стурлусон ; РАН ; редколлегия: М. И. Стеблин-Каменский (ответственный редактор) [и др.]. – Москва : Наука, 2006.

12. Тэрнер, В. Символ и ритуал / В. Тэрнер ; составитель В. А. Бейлис ; ответственный редактор Е. М. Мелетинский. – Москва : Наука, 1983. – 277 с.

13. Черных, А. И. Ритуалы в медиатизированном обществе / А. И. Черных ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 56 с.

14. Quine, W. O. Natural kinds / W. O. Quine // Naming, necessity, and natural kinds / Corell University Press ; ed. by S. P. Schwartz. – Ithaca. – L., 1977. – P. 155–176.

15. Scott, O. Twilight of the Gods / O. Scott. – New York : St. Martin's Publishing Group, 2020. – 352 p.

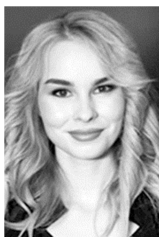
N.G. Sharapenkova, M.A. Bakhlaeva

SCANDINAVIAN PAGAN RITUALS IN THE ODEN SCOTT'S NOVEL «TWILIGHT OF THE GODS»

The modern imaginative-fiction novels are based on folklore and mythology. The study analyses the pagan rituals in Oden Scott's novel «Twilight of the Gods»: a burial ritual, a sacrificial rite of calling the ancestors, and a healing ritual. The novel describes the events in Sweden in the early 13th century, when Conrad the White's crusade targeted to eradicate paganism.

Novel, imaginative fiction, Oden Scott, «Twilight of the Gods», magic, burial ritual, sacrificial rite of summoning ancestors, healing ritual.

¹⁵ В оригинале: «homunculus, a manikin wrought in parody of the human form» [15, с. 85].



Ф.Б. Акбаева

Северо-Кавказская государственная академия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МАССМЕДИЙНОГО ТЕКСТА О ЗДОРОВОМ ПИТАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КУЛИНАРНЫХ РЕЦЕПТОВ)

Статья посвящена анализу лингвистических особенностей англоязычного массмедийного текста о здоровом питании. На примере кулинарных рецептов показана специфика их языкового оформления на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Массмедийный нутрициональный дискурс, текст о здоровом питании, кулинарный рецепт, лексические/морфологические/синтаксические особенности, английский язык.

На современном этапе развития цивилизации проблемы здорового питания и здорового образа жизни в целом регулярно привлекают внимание исследователей из различных областей знания (медицина, психология, философия и др.). Социальная значимость указанных вопросов обусловила их распространенность в пространстве массмедиа, в пределах которых их интерпретация и обоснование имеют определенную прагматическую составляющую и сводятся к воздействию на адресата [8; 11] и убеждению его в целесообразности применения принципов правильного питания.

В силу того что современные СМИ чрезвычайно разнообразны и описать специфику всех их форм в рамках одной работы не представляется возможным, настоящее исследование мы посвятим изучению англоязычных тематических журналов по питанию, сделав особый акцент на кулинарных рецептах и их языковых особенностях.

Материалом исследования выступают 700 кулинарных рецептов, опубликованных в англоязычных журналах BBC good food, Cooking light, Olive и размещенных на сайтах соответствующих издательств. Выбор обозначенной категории текстов объясняется их частотностью в СМИ, а также популярностью у целевой аудитории, стремящейся постичь и освоить на практике принципы здорового питания.

Следует также отметить, что данное исследование базируется на постулатах дискурсивного анализа и подразумевает рассмотрение как непосредственно языка, так и его функции в пределах определенной дискурсивной сферы. В нашем случае, полагаем, речь идет, с одной стороны, о массмедийном дискурсе (анализируемые кулинарные рецепты представлены в СМИ – в печатных и электронных версиях журналов), а с другой – нутрициональном, повествующем о здоровой еде и идеях правильного питания. В результате подобного рода взаимодействия формируется отдельное исследовательское поле, называемое нами «мас-

медийный нутрициональный дискурс», под которым понимаем всю совокупность устных и письменных текстов, репрезентируемых в различных СМИ и затрагивающих ключевые аспекты правильного питания и здоровья.

По мнению исследователей, кулинарный рецепт является особой формой отображения действительности, конкретной исторической эпохи, национальной культуры и идентичности [4; 5; 9; 10 и др.], и именно в кулинарных рецептах аккумулируется огромный пласт новых знаний, столь востребованный целевой аудиторией.

Говоря об особенностях оформления текстов кулинарных рецептов, нельзя не отметить степень важности визуальной репрезентации информации. В силу того что кулинарный рецепт представляет собой креолизованный текст, сочетающий знаки вербальной и невербальной природы [3], он, как правило, сопровождается яркой и запоминающейся иллюстрацией того или иного блюда, использование которой подчинено прагматике СМИ и обусловлено стремлением адресанта оказать воздействие на целевую аудиторию (читателя). Именно оценив внешний вид блюда по изображению, представленному в рецепте, читатель принимает решение продолжить ознакомление с техникой его приготовления.

Подчеркнем, тем не менее, что в контексте настоящего исследования при изучении обозначенной категории массмедийных сообщений особого внимания заслуживает проблема языкового воплощения кулинарных рецептов. Проведенное исследование позволяет нам утверждать, что в рамках кулинарного рецепта наблюдается тщательный подбор средств языка на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях, обеспечивающих четкость и логичность изложения информации. Рассмотрим лингвистические особенности кулинарных рецептов на всех обозначенных уровнях организации текста.

I. Лексический уровень.

A) использование эмоциональной, оценочной лексики.

В контексте массмедийных кулинарных рецептов весома роль эмоционально-оценочного корпуса языковых единиц, посредством которого всякое повествование приобретает особую экспрессию, яркость и неповторимость. Приведем примеры:

1. *This vibrant chicken salad, with crunchy green beans and lentils, is low in fat. Plus, it's super simple and ready in 30 minutes – the perfect way to start the week* [12].

2. *Try this healthy chicken pasta bake with peppers, courgette and ricotta for a nutritious midweek dinner. It's sure to be a hit with everyone* [13].

В примерах, представленных выше, подвергаются высокой оценке блюда, обсуждаемые в рецептах, а именно – салат из курицы (1) и запеченная куриная паста. Положительная оценка вербализуется при помощи прилагательных *vibrant/яркий, super simple/супер простой, perfect/идеальный*, а также существительного *hit/xит*, которые вкупе задают эмоциональный тон рецептов, воздействуют на адресата, вызывая в нем интерес и желание попробовать лакомство, приготовив его самостоятельно.

В пространстве СМИ в целом и в рамках кулинарных рецептов в частности одним из наиболее распространенных и эффективных языковых средств, обладающих особой эмоциональной и оценочной природой, а также обеспечивающих воздействие на адресата, является метафора, придающая всякому повествованию экспрессию и уникальность [6]. Приведем примеры:

3. *Robust Italian flavors – piney rosemary, peppery pancetta, zingy lemon – make homey chicken breasts sing in this classic Italian chicken dish* [14].

4. *Crisp on the outside and soft on the inside, these Cheesy Cauliflower Tots are perfect for curbing those fast-food cravings. Flavored with red bell peppers, cheese, and cilantro, they knock the potato version out of the ring* [15].

Примеры (3) и (4) маркированы наличием метафор, образованных на основе яркой ассоциации, в соответствии с которой куриные грудки наделяются способностью петь, подобно человеку (пример 3), а сырные котлеты из цветной капусты сродни спортсмену (боксеру) – особой силой и мощью, вкупе позволяющие им успешно «нейтрализовать» соперников/аналогов (пример 4). Очевидно, что значение метафоры реализуется семантикой глагола *sing/петь* и конструкцией *knock... out of the ring/выбить... из ринга*. Полагаем, что метафора в рамках кулинарного рецепта используется целенаправленно для оказания воздействия на реципиента и создания экспрессии в контексте.

Б) использование специализированной лексики кулинарной отрасли.

Безусловно, в кулинарных рецептах присутствуют лексемы, используемые непосредственно в области кулинарии, в профессиональной коммуникации как специалистов, так и любителей кулинарного искусства. Рассмотрим пример:

5. *Instead of a sauce or side, we serve this Provençal dish as it was originally intended – a simple, humble stew* [16].

В примере (5) отмечаем употребление лексем *sauce/соус, side/заправка, serve/подавать (блюдо), stew/рагу*, служащих для номинации блюд, продуктов питания и активно используемых в кулинарии. Безусловно, некоторые слова получили дальнейшее распространение в пределах других сфер, например, понятие «соус» применяется также в искусстве для обозначения художественных материалов, однако, прежде всего, с указанными лексическими единицами ассоциируется кулинарная отрасль.

В) использование заимствований (названия блюд и отдельных ингредиентов).

Высокая частотность заимствований в кулинарных рецептах объясняется популярностью той или иной национальной кухни, распространением ее влияния в целом на индустрию питания. Помимо этого возможным обоснованием присутствия заимствованной лексики в рецептах служит отсутствие соответствующего понятия (названия) в других языках. Обратимся к примерам:

6. *This silken tofu and miso soup is nourishing, smooth and speedy, too – it's ready in just 15 minutes* [17].

7. *Not only is salty halloumi a satisfying veggie wrap filling, it is a delicious source of protein. Serve with a fresh and bright salad for a quick, nutritious midweek meal* (Там же).

Здесь лексемы *tofu, miso soup, halloumi* представляют собой образцы заимствований, активно используемых в кулинарных рецептах. При этом, изначально зародившись в недрах азиатской кухни (*tofu/тофу, miso soup/мисо суп*) и кипрской кухни (*halloumi/халлуми*), указанные наименования продуктов питания вышли за пределы родной национальной кухни и нашли свое практическое применение в рецептах других стран, в словарном составе которых нет аналогичных понятий (в нашем случае – отсутствие в английском языке подобной аналогии). Однако процессы интеграции, глобализации, а также интернационализации, имеющие место сегодня, способствовали подобного рода переходу и обеспечили понимание целевой аудитории специфики каждого продукта, его уникальных свойств и особенностей.

Г) употребление аббревиатур (для обозначения количества необходимых продуктов).

Экономичный подход к организации кулинарного рецепта обусловил появление в нем аббревиатур, сокращений, например:

8. *Heat 1 tbsp of the oil in a flameproof casserole dish over a medium heat* [18].

9. *Whizz the onion, garlic, ginger and chili with 50 ml of water in a high-powered blender until smooth* [12].

В примерах, представленных выше, фиксируем наличие общеизвестных сокращений (*tbsp/ст. л., ml/мл*), обозначающих меры измерения продуктов и используемых в кулинарных рецептах с целью краткой передачи информации и экономии массмедийного пространства, отведенного на рецепт.

II. Морфологический уровень.

A) использование имен существительных (при перечислении ингредиентов).

10. *2 teaspoons chopped fresh oregano
1/2 teaspoon chopped fresh rosemary
1/2 teaspoon freshly ground black pepper
15 oil-cured olives, pitted and sliced
1 large shallot, sliced
1 lemon, thinly sliced* [19].

Очевидно, что список ингредиентов – неотъемлемая часть всякого кулинарного рецепта. При этом, как показывает пример (10), при перечислении необходимых продуктов весовая роль имен существительных [1], сообщающих подробную информацию рецепиенту.

Б) использование относительных и качественных прилагательных.

Вне всякого сомнения, в аспекте морфологии кулинарный рецепт маркирован наличием широкого спектра имен прилагательных, относительных и качественных, где первые указывают на продукт, из которого приготовлено блюдо, а вторые – выражают оценку и отношение автора текста к обсуждаемому блюду [2]. Приведем примеры:

11. *With sweet, moreish squash, spicy harissa and salty feta, everyone will love this stunning Middle Eastern-style centrepiece. Serve with one of our veg-rich sides for a balanced meal* [20].

12. *Fibre-rich cauliflower is roasted in a miso dressing – also filled with probiotics – and turned into a rustic salad with pickled onions and lentils. It's delicious and great for your gut too* [21].

В представленных примерах отмечаем употребление относительных и качественных прилагательных (*sweet/сладкий, moreish/сочный, spicy/острый, salty/соленый, fibre-rich/богатый клетчаткой, stunning/потрясающий, delicious/вкусный, great/полезный*), которые в купе способствуют созданию особого эмоционального фона, что в контексте стандартизированного кулинарного рецепта не столь типично. Несмотря на то что изначально кулинарный рецепт подразумевал использование нейтральной лексики, в пространстве массмедиа он претерпел определенные изменения и приобрел новые свойства, среди которых отметим экспрессивность, нацеленную на оказание воздействия на получателя информации.

В) употребление числительных.

В силу того что в кулинарном рецепте содержится информация о необходимом количестве тех или иных продуктов, вполне логично и обосновано присутствие здесь числительных. Приведем пример:

13. *Put all the ingredients in a medium pan with 750 ml water. Bring to the boil, then cover and cook for 20 mins. Turn off the heat and leave for 5 mins to absorb any excess moisture. Serve with the curry* [22].

Отмечаем здесь употребление числительных для обозначения четкого количества ингредиентов (воды), а также времени приготовления блюда на той или иной стадии процесса. Очевидно, что числительные в контексте кулинарного рецепта имеют существенное значение, и соблюдение всех заявленных рекомендаций и количественных показателей способствует правильному приготовлению блюда и, как следствие, получению искомого гастрономического удовольствия.

Г) употребление глаголов.

В силу того что кулинарный рецепт характеризуется перформативной (действенной) природой, так как это,

прежде всего, инструкция по приготовлению того или иного блюда [7], оправдана высокая частотность глаголов в анализируемых текстах. Рассмотрим пример:

14. *Place the parchment and dough on a flat baking sheet. Bake at 500°F for 3 minutes. Spread marinara sauce on the crust. Top evenly with tomato, corn, cheese, and garlic. Sprinkle with salt and black pepper. Gently slide the pizza onto the preheated pizza stone. Bake at 500°F for 12 minutes or until crust is browned and edges are crispy. Sprinkle basil and crushed red pepper evenly over top; drizzle with oil and balsamic glaze. Cut into 6 slices* [23].

Исходя из примера (14), каждое действие, предполагаемое от адресата, оформляется отдельным предложением и, с точки зрения языкового воплощения, актуализируется при помощи соответствующего глагола (*place/разместите, bake/выпекайте, spread/смажьте, top/распределите* и т.д.). Используя данный прием, автор приглашает рецепиента (читателя) к совместной деятельности или к деятельности под его руководством. Безусловно, для достижения желаемого результата критично выполнение всего алгоритма в строго заявленной последовательности.

III. Синтаксический уровень.

Оформление текста кулинарного рецепта с позиции синтаксиса обусловлено самой его спецификой, стремлением к четкости и краткости изложения информации. В связи с чем анализируемые в работе тексты лаконичны, логичны, и транслируемое адресату сообщение понимается им конкретно и однозначно.

А) доминирование простых предложений над сложными.

15. *Place the black beans in a pile in the corner of a shallow bowl. Heat a small skillet over medium-high. Add the oil to the pan; swirl to coat. Add the tomatoes; cook until charred but not collapsing, about 3 minutes, shaking the pan once to turn the tomatoes. Place the tomatoes next to the beans in the bowl* [24].

В приведенном примере представлен пошаговый алгоритм действий, необходимых для приготовления блюда, при этом каждое действие оформляется отдельным простым предложением, что обеспечивает усвоение информации рецепиентом и максимальную синхронность с рецептом его действий. Безусловно, простые предложения, которыми изобилуют кулинарные рецепты, легки для восприятия и последующей практической реализации в ходе приготовления того или иного блюда.

Б) большое количество однородных членов предложения.

Использование однородных членов предложения также определяется экономией слов в масштабе всего рецепта, а также необходимостью передачи четкой и однозначной информации. Обратимся к примерам:

16. *In a large mixing bowl, combine yogurt, ginger, paprika, cumin, garlic, lemon juice and salt* [25].

17. *Heat a medium/large frying pan over a medium heat and add the olive oil. Cook the onion until turning translucent, then add the garlic and chilli, and cook for 5 minutes. Add in the butter, lemon juice, parmesan, mustard and plenty of seasoning, and cook on a low-medium heat until the cheese is melted and everything is combined (reserve a little sauce to drizzle over the broccoli)* [26].

В представленных примерах фиксируем наличие однородных членов предложения, при помощи которых автор текста перечисляет ингредиенты, задействованные на конкретном этапе приготовления блюда. Номинация каждого отдельно взятого компонента посредством нового предложения здесь лишена смысла еще и потому, что все обозначенные ингредиенты подвергаются одновременно одному и тому же действию (смешиванию), поэтому оформление предложения с однородными членами в данной ситуации закономерно и логично.

В) употребление вопросительных и побудительных предложений.

Высокая степень репрезентации вопросительных и побудительных предложений в анализируемых текстах определяется спецификой массмедийной коммуникации и стремлением авторов установить эмоциональный контакт с целевой аудиторией, а также перформативной природой сообщений. Рассмотрим примеры:

18. *Who says salads aren't for breakfast? There are a million and one uses for diced avocado – but we especially love it in this simple green salad* [9].

19. *Try our spaghetti dinner for two, with king prawns and harissa dressing! It only takes 20 minutes to make and is healthy too – great for a midweek meal* [27].

В примере (18) содержится вопрос (*Who says salads aren't for breakfast?/Кто сказал, что салаты нельзя есть на завтрак?*), подразумевающий от адресата определенный ответ (опровержение излагаемой информации). Полагаем, что подобного рода тактика нацелена на привлечение и удержание внимания и интереса читателей, итогом которой станет знакомство с рецептом и, возможно, последующее приготовление обсуждаемого блюда. Пример (19) – образец побудительного предложения (*Try our spaghetti dinner for two, with king prawns and harissa dressing!/Попробуйте наш ужин на двоих из спагетти с королевскими креветками и соусом из хариссы!*), используя которое автор текста призывает реципиента совершить конкретное действие – отведать описываемое блюдо и подчеркивает его пользу и быстроту приготовления.

Завершая наш обзор, отметим, что в рамках настоящей статьи были обозначены наиболее существенные лингвистические особенности массмедийного текста о здоровом питании, а именно – кулинарного рецепта как одной из самых распространенных форм его реализации в масштабе англоязычных тематических журналов.

Опираясь на результаты проведенного исследования, сформулируем основные выводы:

1. Текст кулинарного рецепта является одной из форм реализации массмедийного нутриционного дискурса и, выступая самостоятельным жанром, относится к категории текстов-инструкций, которому характерны как универсальные признаки текста, так и исключительно собственные свойства.

2. С прагматической точки зрения, массмедийный кулинарный рецепт призван воздействовать на целевую аудиторию, обратить внимание читателей на те или иные кулинарные творения и в итоге вызвать у них интерес и желание приготовить блюдо самостоятельно.

3. С точки зрения языкового оформления, кулинарный рецепт имеет свои особенности организации

на лексическом (распространенность эмоционально-оценочной лексики, профессиональной кулинарной лексики, заимствований, аббревиатур), морфологическом (частое использование имен существительных, прилагательных, числительных, глаголов), синтаксическом (доминирование простых предложений над сложными, употребление однородных членов предложения, использование вопросительных и побудительных предложений) уровнях.

Литература

1. Буркова, П. П. Морфологический уровень организации кулинарного дискурса / П. П. Буркова // Вестник Московского университета. – 2012. – № 2. – С. 61–63.

2. Буркова, П. П. Общие структурные параметры кулинарного текста / П. П. Буркова. – URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4471/ (дата обращения: 10.11.2022). – Текст : электронный.

3. Буркова, П. П. Текст кулинарного рецепта как лингвизуальный феномен / П. П. Буркова // Лингвистическое образование: профессия, миссия, карьера : материалы. – Ставрополь : Издательство Ставропольского госуниверситета, 2003. – С. 87–94.

4. Волкова, А. Ю. Текст кулинарного рецепта в свете современных теорий текста / А. Ю. Волкова // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2011. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-kulinarnogo-retsept-a-v-svete-sovremennyh-teoriy-teksta> (дата обращения: 10.11.2022). – Текст : электронный.

5. Китайгородская, М. В. Кулинарный рецепт как жанр устной речи / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык сегодня. X Шмелевские чтения : сборник докладов. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – 2012. – С. 202–210.

6. Милетова, Е. В. Процесс метафоризации в дискурсе СМИ (на материале британской газеты The Guardian) / Е. В. Милетова, Ю. П. Чалая // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2022. – № 15. – С. 125–134.

7. Хорохордина, О. В. Инструкция как тип текста / О. В. Хорохордина // Мир русского слова. – 2013. – № 4. – С. 7–14.

8. Ширяева, Т. А. Когнитивно-дискурсивные механизмы генерирования нового знания в англоязычных научно-популярных изданиях / Т. А. Ширяева, О. М. Литвишко // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3 (46). – С. 701–704.

9. Diemer, S. Recipes and food discourse in English – a historical menu / S. Diemer // Culinary Linguistics: The chef's special Culture and Language Use. – John Benjamins Publishing, 2013. – P. 139–155.

10. Eriksson, G. Discourses of 'Good Food': the commercialization of healthy and ethical eating discourse / G. Eriksson, D. Machin. – doi:10.1016/j.dcm.2019.100365 // Context & Media. – 2020. – Vol. 33, 100365.

11. Isernia, P. The Role of the Media in Increasing Awareness of Food Security and Sustainability / P. Isernia, A. Marcolin. – doi:10.1016/B978-0-08-100596-5.22411-6 // Encyclopedia of Food Security and Sustainability. – 2019. – Vol. 1. – P. 165–171.

Источники

12. Olive. – URL: <https://www.olivemagazine.com/recipes/collection/best-ever-healthy-low-fat-recipes/> (дата обращения: 10.11.2022). – Text : electronic.

13. BBC good food. – URL: <https://www.bbcgoodfood.com/recipes/healthy-chicken-pasta-bake> (дата обращения: 10.11.2022). – Text : electronic.

14. Cooking light. – URL: <https://www.cookinglight.com/recipes/chicken-artichoke-pan-sauce> (дата обращения: 10.11.2022). – Text : electronic.
15. Cooking light. – URL: <https://www.cookinglight.com/eating-smart/smart-choices/cauliflower-carb-swaps> (дата обращения: 10.11.2022). – Text : electronic.
16. Cooking light. – URL: <https://www.cookinglight.com/recipes/skillet-ratatouille> (дата обращения: 10.11.2022). – Text : electronic.
17. Olive. – URL: <https://www.olivemagazine.com/recipes/collection/high-protein-vegetarian-meals/> (дата обращения: 10.11.2022). – Text : electronic.
18. BBC good food. – URL: <https://www.bbcgoodfood.com/recipes/healthy-tikka-masala> (дата обращения: 10.11.2022). – Text : electronic.
19. Cooking light. – URL: <https://www.cookinglight.com/food/in-season/cooking-with-rosemary> (дата обращения: 10.11.2022). – Text : electronic.
20. Olive. – URL: <https://www.olivemagazine.com/recipes/collection/healthy-dinner-ideas/> (дата обращения: 10.11.2022). – Text : electronic.
21. Olive. – URL: <https://www.olivemagazine.com/recipes/healthy/miso-roasted-cauliflower-avocado-and-lentil-salad/> (дата обращения: 10.11.2022). – Text : electronic.
22. BBC good food. – URL: <https://www.bbcgoodfood.com/recipes/cardamom-chicken-lime-leaves> (дата обращения: 10.11.2022). – Text : electronic.
23. Cooking light. – URL: <https://www.cookinglight.com/recipes/tomato-basil-corn-pizza> (дата обращения: 10.11.2022). – Text : electronic.
24. Cooking light. – URL: <https://www.cookinglight.com/recipes/avocado-black-bean-and-charred-tomato-bowl> (дата обращения: 10.11.2022). – Text : electronic.
25. Cooking light. – URL: <https://www.cookinglight.com/chicken-paprika-in-yogurt-sauce/> (дата обращения: 10.11.2022). – Text : electronic.
26. Olive. – URL: <https://www.olivemagazine.com/recipes/vegetarian/garlic-butter-gnocchi-broccoli/> (дата обращения: 10.11.2022). – Text: electronic.
27. BBC good food. – URL: <https://www.bbcgoodfood.com/recipes/prawn-harissa-spaghetti> (дата обращения: 10.11.2022). – Text : electronic.

F.B. Akbaeva

**LINGUISTIC FEATURES OF THE ENGLISH MASS MEDIA TEXT ON HEALTHY NUTRITION
(BASED ON CULINARY RECIPES)**

The article is devoted to the analysis of linguistic features of the English mass media text on healthy nutrition. The specificity of language at the lexical, morphological and syntactic levels is shown on the example of culinary recipes.

Mass media discourse, nutritional discourse, text on healthy nutrition, culinary recipe, linguistic features, lexical / morphological / syntactic features, English.

*И.В. Романовская**Петрозаводский государственный университет*

АНГЛИЗАЦИЯ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА, ЕЁ ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье рассматривается процесс англизации на примере шведского языка. Англизация исследуется не только как средство обогащения словарного запаса шведского языка, но и как главная причина беспокойства шведских лингвистов. Сегодня наблюдается неконтролируемое, немотивированное использование англицизмов, которое приводит к тому, что шведский язык становится менее востребованным. Особое внимание в статье уделяется причинам англизации, примерам освоения английской лексики в шведском языке, примерам заимствования лексики без какого-либо ее освоения, а также следствиям англизации. В статье раскрываются тематические поля, для которых степень проникновения англицизмов наиболее высокая.

Английский язык, шведский язык, англизация, лексика, грамматика.

Англицизмы – это слова или выражения, созданные под влиянием английского языка или пришедшие в него как заимствования из английского. Соответственно англизация – это процесс внедрения лексических единиц, также грамматических конструкций английского языка в языки других народов мира, сопровождающийся перестраиванием собственного языка под влиянием английского. Активное проникновение англицизмов в другие языки заставляет задуматься о причинах заимствований, сферах влияния и распространения английского языка, способах освоения англицизмов, сосуществовании языков и создании полиязыковой среды, также о последствиях и мерах в отношении защиты основного языка.

Проблема распространения англоязычных заимствований в мире набирает популярность. На эту тему все чаще высказываются отечественные исследователи: М.Т. Фахрутдинова [9], О.Р. Бондаренко [3], С.А. Бойко [2], С.В. Власенко [4], Е.А. Денисова [5] – об особенностях процесса англизации современного русского языка, В.Т. Клоков [6], Е.О. Опарина [8] – о массовом внедрении английской лексики во французский язык, Н.Д. Белоножко [1] – об экспансии английского в испанском языке, О.А. Никитина [7] – в немецком.

В Швеции процесс англизации – одна из наиболее дискуссионных тем. Свои работы влиянию английского языка посвятили А. Шипперс [14], Х. Ньюман [13], С. Бергман [10], Д. Фохберг [10], Т. Дальберг [11], Е. Юрина [12] и др. Интерес исследователей направлен, прежде всего, на характер смешения языков и сосуществование английского и шведского в условиях глобализации.

То, что сейчас происходит масштабная, мало контролируемая англизация шведского языка, – это неоспоримый факт, другой вопрос – *как и почему* английский язык занял доминирующую позицию в шведском обществе? Данному вопросу мы уделим пристальное внимание в начале данной статьи.

Швеция еще в 1995 г. вступила в Европейский союз. При том что в Швеции официальным языком

являлся/ется шведский (также были и есть миноритарные языки), стремительно начал развиваться английский. Безусловно, английский язык появился в Швеции задолго до 1995 г., однако, именно с момента вступления в ЕС английский язык стал играть чуть ли не ведущую роль в разных сферах жизни Швеции: в повседневной жизни, работе, образовании, науке, технике, средствах массовой информации и т.д.

Средства массовой информации являются главной причиной высокого уровня освоения английского языка шведами. В Швеции почти весь телевизионный контент воспроизводится на английском языке с субтитрами. Вещание шведского радио *Sveriges radio* ведется на шведском языке, однако, музыка все чаще звучит по-английски. Свыше 80% информации в Интернете представлено на английском языке. Более 30% шведов играют в компьютерные игры, причем играют в основном на английском языке. Приобретение к английскому языку с помощью средств массовой информации происходит в раннем возрасте и, как результат, шведы уже в средней школе свободно говорят по-английски. В средней школе (*grundskola*) английский изучается с начальных классов. Количество часов, выделяемых на данный предмет, сопоставимо с изучением родного языка. Это приводит, в свою очередь, к тому, что некоторые обучающиеся владеют английским языком если не лучше, то наравне со шведским.

По окончании школы обучающиеся вправе продолжить обучение в высшей школе, где многие образовательные программы также реализуются на английском языке. В Стокгольмском университете [15], к примеру, количество курсов и образовательных программ, предлагаемых абитуриентам, на английском языке (1017) сопоставимо с количеством курсов и программ на шведском (1212). Ни один из других языков не востребован в Швеции в таком же объеме, как английский (для сравнения: программ и курсов на испанском языке – 52, французском – 35, финском – 33, немецком – 24, русском – 8, норвежском – 5).

Аналогичная ситуация и в других образовательных учреждениях Швеции¹.

С момента присоединения Швеции к Болонскому процессу в 1999 г. шведы сумели создать такое образовательное пространство, которое готово и способно принимать обучающихся из разных стран. Интеграция курсов и программ на английском языке в шведскую образовательную систему привела к заметному улучшению уровня владения обучающимися английским языком, резкому увеличению количества иностранных студентов в Швеции, созданию поликультурного, гибридного в национальном отношении общества, созданию условий для межкультурной коммуникации.

Чем больше курсов предлагается на английском языке в Швеции, тем больше иностранных студентов, также иностранных лекторов и исследователей могут принять в них участие. Вместе с тем, растет и количество курсов на английском языке, разрабатываемых иностранными преподавателями. Так, английский язык является и причиной, и следствием образовательной интеграции.

В Швеции английский язык уже давно стал языком науки. В качестве доказательства данного тезиса приведем статистику научных публикаций в Стокгольмском университете за 2021–2022 гг. Учитывая только количественный фактор, мы имеем дело с поразительными данными: научных публикаций на английском языке в 8 раз больше, чем на шведском. Научная деятельность гораздо активнее ведется на английском языке, чем на других языках (для сравнения на английском языке научных работ опубликовано 8074, а на русском – 4). В данный момент английский язык вытесняет из научной среды даже шведский.

Не стоит забывать о том, что английский язык стал не только языком науки, но и техники. В Швеции он используется как основной язык машиностроения, электротехники, программирования, медицины, гражданского строительства и т.д. Подавляющее большинство технических материалов (к примеру, программ, инструкций) создаются на английском языке, что вызвано необходимостью не только взаимодействовать с международным сообществом, но и развивать отрасли технического знания, передавая накопленный опыт от одного поколения другому или от специалистов одной страны специалистам другой, что было бы невозможно при использовании национальных языков.

В профессиональной сфере также отдается предпочтение английскому. В крупных компаниях, таких как Spotify, Electrolux, IKEA и др., в целях улучшения взаимодействия между сотрудниками, имеющими разное происхождение, а также между дочерними и головными компаниями используется английский язык. Официальный язык корпорации (*koncernspråk*) призван ускорить рабочие процессы за счет налаживания языкового взаимодействия. К примеру, компания Electrolux, головной офис которой располагается в Стокгольме, осуществляет производство техники по

всему миру. Английский, выбранный в качестве корпоративного языка, способствует взаимодействию, созданию межличностных отношений. Он создает «иллюзию» того, что, даже находясь в разных странах, можно общаться друг с другом, не испытывая неловкостей в общении. Использование корпоративного языка приводит к «включенности» сотрудников в совместную профессиональную деятельность.

Итак, причины англолизации Швеции связаны с принятыми на законодательном уровне решениями (такими, как, например, вступление в ЕС), международной, глобально-интегрированной деятельностью как отдельных компаний, так и целых отраслей, гибридизацией шведского общества, полиэтничным характером культуры, личными стремлениями граждан и их укоренившимися привычками.

Вторая часть статьи непосредственно посвящена описанию англолизации шведского языка.

Количество английских слов неуклонно растет в шведском языке. Проанализировав шведские газеты *Aftonbladet*, *Expressen*, *Dagens Nyheter*, мы видим, что английские слова, к примеру *comeback*, *team*, *afterwork*, *weekend*, *workshop*, *deadline*, *stream*, *trailer*, *spinoff*, *tweet*, *influencer*, *post*, *reality*, *live*, используются носителями языка регулярно и наряду со шведскими. Заголовки статей «Ernsts tvivel för *comeback* i TV4», «Fansens favorit gör *comeback*» показывают, что, даже несмотря на существование шведских эквивалентов (*comeback*, к примеру, можно заменить словом *återkomst*, *deadline* – *tid* или *tidsgräns* и т.д.), англицизмы используются в готовом виде. Для носителей шведского языка вышеперечисленные, а также многие другие англицизмы уже стали частью шведской культуры. Произошло смешение языковых кодов, носители шведского языка часто не чувствуют разницы в употреблении шведских и английских слов.

Многие шведы неосознанно обращаются к лексическим средствам английского языка. В неформальном общении английский используется для выражения эмоциональных состояний. Так, к примеру, шведы прибегают к английским междометиям (*oops*, *wow*, *oh my God* и пр.), обценной лексике, считая, что английские слова более убедительно передают чувства и эмоции, чем шведские. Другая причина неосознанного использования англицизмов – быстрый темп речи. Шведы, спешно формулируя мысль, часто не задумываются о поиске эквивалентов на родном языке, они используют первые пришедшие им на ум слова и выражения – часто английские.

Носители шведского языка могут, в том числе, специально употреблять английские лексические единицы, считая, что они лучше подходят ситуации общения. По мнению шведов, система смыслов английского языка гораздо богаче их родного языка. Многим шведам нравится говорить по-английски, так они чувствуют себя более раскованно.

Несомненно, многие слова, поступающие из английского языка в шведский, проходят процесс приспособления к системе шведского языка: меняется их фонетическая, графическая форма, грамматическое употребление и семантическое значение.

Рассмотрим возможные варианты освоения англицизмов.

¹ В Лундском университете [17] почти половина курсов преподается на английском языке (1080 на английском и 1240 на шведском), в Упсальском университете [16] соотношение выглядит как 1034 к 1455.

др. Он имеет наибольшее распространение среди молодежи в возрасте до 40 лет, что связано с двумя тенденциями: большей «гибридизацией» общества (поликультурным составом групп) и большей склонностью к использованию средств массовой информации.

Отношение к английскому языку в Швеции балансирует на грани резко положительного к резко отрицательному. Если для одной части населения английский язык открывает возможности взаимодействия с представителями других стран, участия в глобализационных процессах и сам английский язык рассматривается исключительно положительно как источник обновления шведского языка, то для других английский язык неприемлем в принципе. В шведском обществе растет напряжение в связи с его повсеместным употреблением. Считается, что утрата шведского языка приведет к утрате шведской культуры и идентичности.

Остановить глобализационные процессы невозможно, однако, можно начать управлять языковыми процессами таким образом, чтобы экспансия английского языка не была столь стремительной. Деятельность в отношении англицизмов должна быть продуманной и одновременно очень осторожной. Радикальное «изгнание» английского языка из Швеции и создание единого языкового поля может привести к резко отрицательной реакции со стороны общества и может повлечь за собой еще большую англизацию. В качестве мер, способствующих снижению числа употреблений англицизмов, можно выделить: требование к изучению шведского языка всеми мигрантами, в поликультурной среде отдавать предпочтение родному языку, а не английскому. В лексическом отношении вводить требования по сознательному регламентированию употребления англицизмов, предлагать варианты адаптации и замены английских слов и выражений шведскими.

Литература

1. Белоножко, Н. Д. Заимствования в современном испанском языке в аспекте языкового пуризма / Н. Д. Белоножко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 11. – С. 203–207.
2. Бойко, С. А. Глубина проникновения англицизмов в современный русский язык / С. А. Бойко // Известия Байкальского государственного университета. – 2015. – Т. 25, № 14. – С. 735–741.
3. Бондаренко, О. Р. Англизация коммуникативного пространства современной России: что дальше / О. Р. Бондаренко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Гуманитарные науки. – 2019. – № 3 (819). – С. 22–34.

тического университета. Серия Гуманитарные науки. – 2019. – № 3 (819). – С. 22–34.

4. Власенко, С. В. Массовая «колонизация» англицизмами языкового сознания русскоговорящих как проблема когнитивной фильтрации / С. В. Власенко // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 81–90.

5. Денисова, Е. А. Интернациональная лексика молодежного жаргона (на материале Runglish) / Е. А. Денисова // Царскосельские чтения. – 2013. – Т. 1. – С. 276–279.

6. Клоков, В. Т. Французский язык в условиях англоязычной экспансии / В. Т. Клоков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 45–48.

7. Никитина, О. А. О конкуренции англицизмов и новообразованных слов в современном немецком языке / О. А. Никитина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2011. – № 130. – С. 119–129.

8. Опарина, Е. О. Сосуществование языков в условиях глобализации / Е. О. Опарина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2020. – № 2. – С. 44–50.

9. Фахрутдинова, М. Т. Особенности процесса англизации современного русского языка / М. Т. Фахрутдинова // Современные исследования социальных проблем. – 2019. – Т. 11, № 5–1. – С. 247–254.

10. Bergman, S. Svenska eller engelska? En litteraturstudie av engelskans påverkan på svenska språket, samhället och undervisningen / S. Bergman, D. Forsberg. – Linköping, 2017. – 37 s.

11. Dalberg, T. Engelskans utbredning i den svenska högskolan / T. Dalberg. – Uppsala : Uppsala universitet, 2013 – 54 s.

12. Jurina, J. Påverkan av engelska lånord på svenskans hälsouttryck / J. Jurina. – Zagreb : Zagrebs universitet, 2021. – URL : <https://zir.nsk.hr/islandora/object/ffzg:4835/datastream/PDF/view> (дата обращения: 27.12.2022). – Текст : электронный.

13. Nyman, H. Engelskan i Sverige Attitydundersökning av engelskan i svenskan och i det svenska samhället / H. Nyman. – URL: <http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:1178646/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 27.12.2022). – Текст : электронный.

14. Schippers, A. Svengelska och engelska importord i nutidssvenskan / A. Schippers. – URL: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/handle/2077/38263/gupea_2077_38263_1.pdf?sequence=1&isAllowed=y / (дата обращения: 27.12.2022). – Текст : электронный.

15. Stockholms universitet. – URL: <https://www.su.se/> (дата обращения: 20.11.2022). – Текст : электронный.

16. Uppsala universitet. – URL: <https://www.uu.se/> (дата обращения: 20.11.2022). – Текст : электронный.

17. Lunds universitet. – URL : <https://www.lunduniversity.lu.se/> (дата обращения: 20.11.2022). – Текст : электронный.

I.V. Romanovskaia

THE PROCESS OF BORROWING FROM ENGLISH INTO SWEDISH: CAUSES AND CONSEQUENCES

The study examines the process of borrowing from English into Swedish. The process is explored not only as a means of enriching Swedish vocabulary, but also as a major cause of concern for Swedish linguists. Nowadays the uncontrolled and unmotivated use of English words leads to the fact that Swedish is becoming less popular. Particular attention is paid to the reasons for the process, the examples of the development of English vocabulary in Swedish, the examples of borrowing words without any development of them, as well as the consequences of borrowing from English. The article reveals the thematic groups of words which are enlarged with English lexical neologisms most of all.

English, Swedish, processes of English borrowing, vocabulary, grammar.



Г.В. Судаков

Вологодский государственный университет

«ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС» КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ «ЖИТИЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО»)

Проблема «плетения словес» рассматривается на материале краткой редакции «Жития Стефана Пермского», представленной в кирилловском сборнике 1644 года. Данный список анализируется впервые. «Плетение словес» оценивается как литературно-языковой феномен, основным приемом создания которого является повтор, разнообразный по выбору модели и по лексико-грамматическому наполнению, утверждаются три принципа «плетения словес»: тождество, противопоставление, сходство.

История русского литературного языка, книжно-славянский тип языка, житие, три принципа «плетения словес»: тождество, противопоставление, сходство.

Введение

Жития – основной материал для формирования и презентации стилистики «плетения словес». В творчестве Епифания Премудрого (вторая пол. XIV – первая четверть XV в.) «плетение словес» достигло наивысшего развития. Интересующее нас произведение имеет полное название «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом Макарием в великие Четьи минеи.

«Слово о житии...» дошло до нас в двух десятках полных списков и почти в тридцати сокращенных. В задачи нашего исследования входит введение в научный оборот не учтенного ранее филологами сокращенного списка Жития, выполненного и включенного в состав Сборника в 1644 году монахом Кирилло-Белозерского монастыря Иларионом (в миру Третьяк Самсонов). Сборник включает в себя более десятка житий и других четьих книг. В настоящее время хранится в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО) в составе библиотеки архива.

Житие Стефана Пермского активно изучалось историками литературы. Обобщающая статья историко-литературоведческого содержания опубликована Г.М. Прохоровым [8]. В статье, в частности, отмечались следующие речевые особенности произведения: обильное цитирование (340 цитат, из которых 158 – из Псалтыри), игра словами, внимание к оттенкам смысловой и звуковой, музыкальной стороны, искусные вариации на темы отдельных слов, использование созвучия окончаний и «равнопадежья» с целью ритмизации текста, перенасыщение текста метафорами, эпитетами, сравнениями, которые выстраиваются в длинные ряды. В изучение этих особенностей большой вклад внесла О.Ф. Коновалова [7].

Композиционно Житие состоит из введения, основного повествования (17 главок) и риторического завершения, в котором есть несколько оригинальных произведений, выходящих за жанровые рамки жития: «Плачь церкви Пермския, егда овдове и плакася по

епископа си», фольклорные мотивы которого связаны с похоронными плачами вдов и невест. В целом же заключение содержит три стилистических потока: фольклорный, летописный и житийную похвалу. Анализируемое произведение не имеет обязательных для жития сведений о чудесах.

Исследование

Исследуя структурные элементы «плетения словес», ученые рассматривают или отдельные речевые средства, из которых формируется словесно-художественное полотно «плетения словес», или описывают оригинальные приемы употребления речевых средств, что и составляет особенности данной манеры создания текста (традиционное выражение *стиль «плетение словес»* оставляем без толкования, имея в виду конечные результаты: тождество, противопоставление и сходство). Таким образом, речевые средства, особенности и результат их употребления – это и есть предлагаемая характеристика создания текста путем «плетения словес», что является новацией нашего исследования.

Учитывая рамки журнальной статьи, постараемся описать и минимально проиллюстрировать речевые средства, особенности их употребления и получаемые лексико-семантические результаты. При этом будем проводить различие между составляющими, входящими в ту или иную группу.

Приведем в алфавитном порядке перечень образных средств, используемых Епифанием Премудрым и его последователями (всего 18 групп):

- амплификация,
- анафора и эпифора (общее греческое название *гомеоарктеоны*),
- ассонансы и консонансы (звукопись),
- многокорневые слова (*composita*),
- синтаксический параллелизм,
- стилистическая симметрия,
- кольцо, лексические повторы,
- словообразовательные повторы,

- лексическая синонимия,
- антитеза, цитация (прецедентные элементы),
- пример, авторское отступление,
- метафора,
- эпитет,
- сравнение,
- перифраза.

Следует учесть, что Епифаний следовал заветам античных риториков, где наиболее логичной является классификация фигур, предложенная Гервасием Мельклейским [4, с. 136]. Произведение Георгия Хировского «О образех», на котором могли бы изучать риторические фигуры древнерусские книжники, было впервые опубликовано в Изборнике Святослава 1073 г.

Мы предлагаем функциональный подход к классификации изобразительных средств:

- ограничение (сужение смысла) или стилистическая симметрия, конкретизация, уточнение: лексическая синонимия, амплификация;
- уподобление: метафора, эпитет, сравнение, перифраза;
- суггестивизм (удержание смысла и поэтического ритма): синтаксический параллелизм, разнообразные модели повторов (как крайние случаи: единоначатие и единоокончание фраз), цитация (прецедентные элементы), см. описание в книге: [3, с. 224–254];
- звукопись.

Упрощая эту классификацию, все риторические приемы древнерусских книжников объединяем в три группы: 1) **повтор** (принцип тождества); 2) **противопоставление** (принцип противоположности); 3) **сходство** (аналогичный принцип).

В первую группу войдут следующие средства:

– **структурные повторы**: гомеарктеоны, синтаксический параллелизм, стилистическая симметрия, амплификация, на периферии – звукопись, кольцо, корневой повтор;

– **семантические повторы**: лексическая синонимия, цитация, звукопись, на периферии – корневой повтор.

Вторая группа представлена приемом лексическая антонимия и второстепенными средствами: синтаксический параллелизм, аффиксная мена.

При описании исследуемого материала термины используются в следующих значениях:

принцип построения текста – это способ, посредством которого организуется текст;

средство – это основной прием, с помощью которого реализуется тот или иной принцип построения текста;

традиция использования – указание на жанры литературы, в которых используется данное средство.

Начинаем с **повтора (или тождества)** как принципа создания текста, тождество широко использовалось в гимнах и псалмах. Повтор в художественном тексте определяет его связность и цельность. Любое формальное повторение имеет целью акцент на семантике повторенного элемента, поэтому разделение повтора на структурную и семантическую разновидности в значительной степени условно. Благодаря повтору в произведении появляется особая ритмика, особенно заметная при устном воспроизведении текста. О поэтике повтора см.: [1; 5].

Главное средство (или епифановский прием), реализующее повтор, – это разновидности структурных повторов, которые начинаются с синтаксического параллелизма и заканчиваются повтором одинаковых частей слова. Структурный повтор – это повторение формы или структуры в небольших смежных частях текста, выполняющее выделительную и усилительную функции.

Синтаксический параллелизм – особое синтаксическое построение текста, при котором, благодаря параллельному расположению частей, возникает смысловая параллель между предметами и явлениями, названными в этих частях. Параллелизм часто используется в древнерусских текстах вместе с повтором, анафорой, эпифорой, стилистической симметрией. Традиции параллелизма: устно-народная и византийско-книжная счастливо соединяются в древнерусских текстах XIV–XV вв. Синтаксический параллелизм пронизывает весь текст ЖЕП, где насчитывается около 150 подобных случаев. Это свидетельство функциональной значимости приема как текстообразующего, как фундамент для других средств речевой выразительности.

См. примеры синтаксического параллелизма (вертикальной чертой обозначен конец фразы, чтобы подчеркнуть звуковую организацию текста): *Будет град великий многочеловечень / и вера хрстова возсияет / И церкви святыя возградятся / и монастыри устроятся* (л. 161 об.). В данном примере позиции субъектов замещены существительными со значением «вера». Глаголы же имеют семантику возрождения. Получается два ряда слов: *аера – церкви – монастыри; возсияет – возградятся – устроятся*. Благодаря существованию рядов происходит семантическая компрессия, описанная в работе [9]. Модель троичного построения В.В. Колесов назвал «триадой», имея в виду, что здесь соотносятся слова одной части речи (чаще глаголы) [6].

См. следующий пример: *Они же убо в сладости послушаша учение его / и и с радостию прияша проповеди его / и со тцанием вероваша словесем его* (л. 182 б); *Яко боги наша испоругалъ еси / И храмы ихъ разрушилъ еси / И огнемъ пожеглъ еси / И службу и честь нашу избесчествовалъ еси* (л. 194).

Бывает так, что иерархия членов триады передается через гиперонимические отношения и имеет склонность к уточнению, см.: *Бгъ мира да управитъ путь мой / Да исправитъ стопы моя / И направитъ ноги наша на путь мирень* (л. 164 об.).

При повторе одинаковых синтаксических конструкций возникает **стилистическая симметрия**, характерная также для псалмов, см.: *И покушашеся идолы ихъ разорити / И оопроверже требища ихъ / И боги ихъ раскопа / И божиею силою нарочитую ихъ / Кумирницу пожже / И пламенемъ запали ихъ* (л. 176). Стилистическая симметрия не сопоставляет два разных явления, но дважды говорит об одном и том же, повторяет другими словами, происходит остановка повествования, зато акцентируется внимание на объекте. В Житии Стефана Пермского обнаружено 52 случая стилистической симметрии.

Что касается отдельных моделей, то можно говорить об отражательном (зеркальном) типе модели, например: *Изучися Гречестеи грамоте Книги гре-*

чески извыче (л. 158 об.); *умея глаголати тремя языками тако же и грамоты три умеяше* (л. 158 об.). Одновременное использование двух образных средств – синтаксического параллелизма и стилистической симметрии – усиливает выразительность текста, например: *Да стадо Христова растеть и множитя по вся дни а неверных стадо паче умалятися и оскудевати* (л. 183 об.).

Стилистическая симметрия может выражаться без осложнений: *зело желаше и велми хотяше шествовати* (л. 158 об.); *собери люди твои расточенныя и призови овца твоя заблуждѣшая* (л. 170 об.); *велми печаловаше и зело тужаше* (л. 173). Как видим, стилистическая симметрия имеет цель ограничения и сосредоточения внимания автора и читателя на определенном явлении.

Повтор синтагм также усиливает смысловое выделение значащих фрагментов текста: *Отрокъ добротумичень зело / преспевающе же душевнымъ разумомъ / И вестою телесною / И благодатью* (л. 135 об.).

Епифаний Премудрый использует и повтор финальной части слов (гомеоарктеон): *приставаше – внимаше, водворяшеся – отвращашеся* (л. 135 об.).

Повтор сложных слов внутри небольшого фрагмента текста имел целью усилить смысловую или стилистическую значимость данного отрывка, например: *благоволения, долготерпения, любомудрия* (155 об.).

Умело используются в тексте фонетически близкие приставки: *супротивления и суесловия* (л. 192 об.); *прения препрети и прельстити* (л. 188 об.). Звуковые повторы усиливают семантическую значимость корня или предлога, например: *противитися противу смыслу и разуму* (л. 189 об.); *тмы тмами, тысяца тысяцами, множаши множашеся* (л. 193 об., 178, 164).

Гораздо богаче смыслами и такие семантические усилители, как семантические повторы. Ср., например, лексическую синонимию: *помоляся Бгу и сотворив молитву* (л. 176). Семантический (смысловой) повтор – это повторение смысла в смежных частях текста, что вызывает эффект «приращения смысла» за счет разнообразия дифференциальных сем. Частичное или полное совпадение смысла в подбираемых словах сближает позиции автора и читателя.

К семантическим повторам можно отнести лексическую синонимию и цитацию. Лексическую синонимию исследователи давно отнесли к «фирменным» особенностям «плетения словес». Многообразны и функции этого повтора: ограничение или усиление полноты смысла (отсюда впечатление «словесной сытости»), подчеркивание ритмики текста. Ср. также: [2, с. 128].

Цитация как прием усиления выразительности текста имеет своей основой такое мерило истины, как Священное Писание. Сравнение текстов ЖСП и Священного Писания неоднократно выполнялось литературоведами и богословами.

Рассмотренные языковые средства в целях усиления выразительности часто употребляются одновременно, например: *И бози твои падением падоша и не восташе / Низриновением быша и не могут встати / Сняты быша и падоша / Мы же востахом и прости быхом* (л. 189 об.). Здесь есть лексический повтор, амплификация, синтаксический параллелизм, эпифора, лексическая синонимия и сравнение.

Принцип противопоставления – это не только риторический прием, но и один из принципов христианского мировосприятия. Ср. оппозиции: мир материальный, тленный – мир невидимый, нетленный, миг – вечность, добро – зло. Дуализм мировосприятия предполагает двойственность человеческой природы: тленное тело и вечная душа. Таким образом, классическая риторика и библейская поэтика сошлись в своих взглядах на антитезу. Антитеза – это поэтический прием, участвующий и в построении текста, что часто демонстрировал Епифаний Премудрый. В тексте ЖСП антитеза носит тематический характер. Она может реализовываться антонимами, противоположными аффиксами при одинаковости корней, с помощью сопоставительной или противительной конструкции, с помощью зависимых слов.

Антитеза (противопоставление) реализуется приемом синтаксического параллелизма, повторим еще раз предыдущий пример: *И бози твои падением падоша и не восташе / Низриновением быша и не могут встати / Сняты быша и падоша / Мы же востахом и прости быхом* (л. 189 об.). В различении оппозитивов помогает, как видим из этого примера, прием синтаксического параллелизма, с помощью которого выделены для читателя сопоставляемые предметы.

Какие основные сопоставления в ЖСП? Тело – душа, идольская прелесть – вера христианская, тьма – свет. Последняя оппозиция является традиционной для православия, она наиболее абстрактна, основана на метафорах – символах, где первый член представлен словами *тьма, сень, геона огненная*, а второй – синонимическим однокоренным рядом: *свет, светлыици, светлыи, светить*.

Значимым противопоставлением является конкретная оппозиция верующих христиан и язычников. Напомним, что произведение рассказывает о миссионерской деятельности Стефана в среде некрещеных пермян. В лексике это выражается неоднократно: *некрещеные люди, люди неверныя, неверныя человеки, идолослужители, суетныя, помрачени тмою, тяжкосердши, нечестивыя, иноязычницы неверныя – христиане новокрещеныя, крещеныя пермяне*. См. сопоставление двух частей пермского народа: *и лучися разделятися и раздвоитеся народу на две части; единая страна нарицашеся христиане новокрещеныя, а другая часть звахуся кумирслужительницы и неверныя* (л. 179 об.–180). Обратим внимание и на семантику глаголов, так как с них начинается противопоставление: *звахуся* – прошлое длительное состояние, *нарицашеся* – целиком завершённое, единичное действие. Продолжим наблюдение: *И не бе промежу ими согласия но распри / и несть мира в нихъ но разногласие* (там же). За счет употребления не в полной мере противоположных слов благодаря корневому повтору *-глас-* образуется замкнутая, кольцевая структура.

Ср. далее: *Того ради кумирницы ненавидяху христианъ и не любяху во единстве быти* (там же). Вначале подводится итог предыдущего *того ради*, затем лексически выражены постепенно сближающиеся оппозитивы *ненавидеть – не любить*. Следующая ссылка на Священное Писание представляет сложную риторическую фигуру из четырех оппозиций: *яко же Павелъ апостоль рече / Кая часть есть свету со*

тмою / или кое причастие есть верну с неверным / или кое общение церкви бжии со идоды, / или кое согласие истине з беззакониема (л. 190). По сути, четыре оппозиции представляют одно противопоставление добра и зла, веры и неверия. В словах *причастие, общение, согласие* актуализируется сема «совместность». Рассмотренные примеры демонстрируют тесную связь принципа противопоставления с принципом повтора.

Приемов для выражения **сходства** гораздо больше. Как в фольклоре, так и в религиозных текстах (Священное Писание, жития) распространены сравнения: *Он же и скочи от нихъ яко елень* (л. 206); *Язь же яко маслина плодовица в дому господни* (л. 157).

Перифразы менее частотны, они употребляются в именовании Бога: *сотворитель небу и земли* (л. 178), *млсрдый чклолюбец* (л. 182 об.), *человеколюбче всемогаи* (л. 170 об.).

Метафора как прием была хорошо освоена в фольклоре и Священном Писании. См. пример из ЖСП: *Зубы ихъ оружие и стрелы / Языкъ их меч остръ* (л. 170). Метафора являлась традиционным средством риторической убедительности и образности. Из двух функций метафора-эпитет и метафора-символ в древнерусской литературе побеждает первое, связанное с фольклором. В то же время формируется новое содержание христианской символики, основанное на уподоблении человека и его духовного мира небесным светилам, природным стихиям, миру живой и неживой природы.

Рассмотрим с учетом предмета уподобления две группы метафор в ЖСП: уподобление человека растению без его активного участия, уподобление человека растению с учетом его активного, творческого поведения (*делатель, сеятель*). Приведем примеры растительных метафор: *бысть яко древо плодовица; и плод свои дастъ во время свое кия же плоды духовныя* (л. 156 об.). Зооморфная метафора – дань библейско-византийской традиции. Уподобление идолов волку, людей стаду овец, а просветителя пастырю встречается часто.

Воинская метафора была представлена в книгах Соломона, в Псалтыри, в апостольских посланиях. Воинская метафора связывалась с описанием подвигов святых – христовых воинов. В ЖСП представлена развернутая метафора в описании благословения Стефана на святое дело в Пермь: *Препояши истинною чресла своя крепко, аки храбрыи воинъ христовъ вбронися во все оружие божественное... облецыся в броню правды и прими щит веры и шлемъ спасения и меч духовныи иже есть глгль бжии* (л. 165). Оружейная метафора с агрессивной семантикой используется при описании идолослужителей (*стрелы смертоносные и прямолучные* (л. 174)), образ оружия как защиты используется при описании миссионера.

О символичности метафор можно говорить, имея в виду слово *свет* как образ христианства, *солнце* как образ Христа. Христианство и есть свет, исходящий от солнца, а тьма – это образ безбожия. Святой подвижник – это светильник, а деятельность его носит просветительский характер: он распространяет свет. Весна как светлое время года – это торжество христианства, отсюда март – начало начал. Таким образом,

метафора в ЖСП представлена традиционными для библейской поэтики группами.

Выводы

1. «Плетение словес» во всех отношениях синтетическое литературно-языковое явление. Понять его можно, учитывая историко-религиозный и культурный контексты эпохи. Именно комплексный подход к анализу текста помогает полно и правильно описывать особенности древнерусских произведений.

2. «Плетение словес» строится на трех основных принципах организации текста: повтор, антитеза и сходство. Средства создания риторической убедительности и образности разнообразны и способны к различным преобразованиям.

3. Принцип тождества находит свое выражение в разновидностях повторов, имеющих усилительно-выделительную и ритмообразующую функции.

4. Принцип противопоставления (поляризации) реализуется с помощью различных приемов антитезы, которая позволяет обогащать семантику слова.

5. Синтаксический параллелизм используется как для выражения тождества, так и для выражения смыслового противопоставления.

6. Принцип сходства выражается при помощи системы тропов. Особым разнообразием символических приращений отличается метафора.

7. «Плетение словес» – это не набор риторических средств и приемов их употребления, не функциональный стиль (слово *стиль* здесь используется условно), а **способ создания нового типа текстов**. Словесные ряды, подчиненные принципам тождества, противопоставления и сходства, создают в тексте структурные и семантические параллели или переключения, то есть феномен «плетения словес».

Источники

Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археографической комиссии. – Санкт-Петербург, 1897. – 112 с.

ЖСП – Многогрешна и недостойна в иноцех Епифания счино бысть Слово о Стефане бывшем епископе в Перми // Сборник старца Кирилло-Белозерского монастыря Илариона, 1644. – Л. 155–235.

Литература

1. Авласович, С. М. Поэтика повтора у Епифания Премудрого (на материале Жития Сергия Радонежского) / С. М. Авласович // Святоотеческие традиции в русской литературе. – Омск, 2005. – С. 24–31.

2. Антонова, М. Ф. Некоторые особенности стиля Жития Стефана Пермского / М. Ф. Антонова // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. – Ленинград, 1984. – Т. 34. – С. 127–133.

3. Верещагин, Е. М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания / Е. М. Верещагин. – Москва, 2014. – 610 с.

4. Гаспаров, Б. М. Средневековая латинская поэтика в системе средневековой грамматики и риторики / Б. М. Гаспаров // Проблемы литературной теории в Византии. – Москва, 1986. – С. 91–169.

5. Иванова, М. В. Лексическая доминанта «Жития Стефана Пермского» / М. В. Иванова // Филологические науки. – 2007. – № 3. – С. 70–77.

6. Колесов, В. В. Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. – Ленинград, 1989. – 296 с.

7. Коновалова, О. Ф. Панегирический стиль русской литературы конца XIV – начала XV в (на материале Жития Стефана Пермского), написанного Епифанием Премудрым) : автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Конова О. Ф. – Ленинград, 1970. – 24 с.

8. Прохоров, Г.М. Епифаний Премудрый / Г. М. Прохоров // Словарь книжников и книжности Древней Руси.

Выпуск 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 1. А – К. – Ленинград : Наука, 1988. – С. 211–220 (библиография подготовлена Н.Ф. Дробленковой).

9. Рогожникова, Т. П. Семантическая поляризация и семантическая компрессия как принципы организации текста типа «плетение словес» / Т. П. Рогожникова // Историческая стилистика русского языка. – Петрозаводск, 1990. – С. 103–112.

G.V. Sudakov

**«WEAVING WORDS» AS A WAY TO CREATE TEXT
(BASED ON THE MATERIAL OF «THE LIFE OF STEFAN OF PERM»)**

The problem of «weaving words» is considered on the material of a short edition of the «Life of Stephen of Perm», included in the Cyril collection of 1644. This work is analyzed for the first time. The problem of «weaving words» is evaluated as a literary and linguistic phenomenon which is mainly created with the repetition. The repetition can be diverse due to the choice of models and lexical and grammatical content. Three principles of «weaving words» are suggested: identity, opposition, similarity.

The history of the Russian literary language, the book-Slavic type of language, Life, three principles of «weaving words»: identity, opposition, similarity.



А.А. Червяков

Вологодский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРНЕТ-МЕМЕ КАК ЯЗЫКОВОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ЯВЛЕНИИ

Правильное восприятие и использование в речи мемов указывает на успешную интеграцию говорящего в соответствующую лингвокультурную среду и социум в целом. Для успешного межкультурного общения человеку, использующему иностранный язык, необходимо не только владеть его грамматикой и лексикой, но также обладать экстралингвистическими знаниями, навыками и умениями, а также приемами адекватного поведения в области иноязычной культуры. Человек, способный понимать мем на иностранном языке, обладает языковой, культурологической и лингвострановедческой компетенциями. Для этого необходимо иметь представление о природе такого явления, как мем, истории происхождения, развития и распространения, типологии и грамматических особенностях интернет-мемов.

Мем, типология, грамматические особенности, восприятие, межкультурная коммуникация.

Актуальность статьи. В настоящее время почти каждый человек зарегистрирован в социальных сетях, которые оказывают значительное влияние на наше сознание и жизнь. Мемы, которым посвящена данная статья, стали частью социальных сетей, соответственно они влияют на нас, наше настроение, восприятие определенных явлений, отношение к другим людям, к окружающему миру в целом, к различным сферам нашей жизни, таким как здоровье, учеба, работа, увлечения и многие другие.

Теоретическая база статьи включает работы таких авторов, как Р. Докинз, Т. Бретт, Р. Броди, С. Блэкмор, М. Кронгауз и др. *Объектом* настоящего исследования является современная культурная информация и ее распространение в социальных сетях, *предметом* – мем как особая единица информации и его влияние на современное общество и процесс восприятия им окружающего мира.

Целью написания статьи является систематизация знаний по проблеме мема как языкового явления, в *задачи* входит описание его природы, истории происхождения, развития и распространения, процесса внедрения в интернет-пространство; типологии и особенностей интернет-мемов, примеров актуальных англоязычных интернет-мемов. Проведенное исследование направлено также на формирование и развитие иноязычной социокультурной компетенции пользователей Интернета.

В числе *методов* исследования можно выделить описание, дистрибутивный и компонентный анализ материала. *Теоретическая значимость* статьи заключается в том, что она вносит вклад в исследование современной культурной информации, обобщает и систематизирует знания относительно мема как языкового явления.

О природе языкового мема. Возникновение интернет-мема

Понятие «мем» возникло в конце XX века, его автором принято считать Ричарда Докинза. В своей

книге «Эгоистичный ген» Р. Докинз предложил идею о том, что вся культурная информация состоит из базовых единиц – мемов, подобно тому, как биологическая состоит из генов. Мемы и гены подвержены естественному отбору, мутации, искусственной селекции. Мемом, по словам Р. Докинза, считается любая мелодия, идея, манера, символ, слова и выражения, образ действия, которые распространяются между людьми и передаются от человека к человеку посредством речи, письма, видео, жестов, ритуалов, плакатов и т.д. Р. Докинз утверждает, что мемы – это своеобразные закономерности, которые влияют на свое окружение и способны к размножению, репликации. Мемы – элементы культуры, передаваемые через имитацию [8, с. 18–35]. Данная теория стала объектом споров среди биологов, социологов и ученых других дисциплин. Однако исследователь не предоставил удовлетворительного ответа на вопрос, как эти единицы культурной информации влияют на поведение человека и как они способны влиять на культуру, т.к. основной темой книги была генетика.

По словам Р. Броди, такое определение мема облегчает понимание человеческой психики. Однако оно также не дает ответа на вопрос, как это знание влияет на наше поведение и культуру. Р. Броди указывает, что мемы – это внутренняя репрезентация знания и их существование приводит к определенным последствиям во внешнем мире. Гены – скрытые внутренние единицы информации, заложенной в эмбрионе, и ее особенности имеют свой «результат»: при участии окружающей среды из нее развиваются организмы. Мемы же являются скрытой репрезентацией знания, которая также при воздействии среды имеет определенные проявления во внешнем поведении человека [6].

Рассмотрим когнитивистское определение. Оно было дано психологом-когнитивистом и философом Д. Деннетом. По Деннету, мем – комплексная идея, которая образует себя в виде чего-то конкретного и

запоминаемого, т.е. в сознании зарождаются такие формы, которые впоследствии материализуются в физическом мире и передадутся в сознание другим людям [9].

Р. Броди также утверждает, что существует возможность наблюдать, как мемы возникают, распространяются, как конкурируют друг с другом, как воздействуют на наше поведение, т.е. благодаря когнитивистскому определению мы можем понять, почему один мем стал популярнее другого. Автор указывает, что мем определяется как единица информации, которая содержится в нашем сознании и которая воздействует на события так, чтобы в сознании других людей возникало как можно больше его копий. Как мы видим, данное определение объединяет в себе свойства всех трех определений мема (биологического, психологического и когнитивистского) и раскрывает данное понятие. Автор также утверждает, что, если рассматривать образование как процесс передачи фактов и идей из поколения в поколение, то образование – процесс копирования мемов, ведь назначением данной системы является воспроизведение и копирование [6].

Дальнейшее развитие теория мемов получила в книге С. Блэкмор. Автор указывает, что «все то, чему вы научились, подражая другому человеку, есть мем. Мем – каждое слово в вашем языке, каждая крылатая фраза или выражение. Любая история, которую вы когда-либо слышали, и все известные вам песни – мемы. Мемы – это поведение, это повседневные факты, которыми наполнена наша жизнь. Они – это все, что скопировано» [7, р. 211–214].

С. Блэкмор объясняет, почему и ген, и мем можно назвать эгоистичными. По ее словам, мемы можно так назвать потому, что они копируют себя при первой же возможности и будут жить в нашем сознании, чтобы повториться, передаться другим людям. Согласно автору, мемы представляют собой инструменты, посредством которых мы мыслим, а наши умы – совокупность мемов.

В работе «Мемы в интернете: опыт деконструкции» [5] М.А. Кронгауз рассматривает понятие интернет-мема. Он утверждает, что, хотя понятие «мем» и восходит к определению Р. Докинза, интернет-мем отличается от него. Интернет-мем, по Кронгаузу, – это короткая информация (слово, фраза, изображение и т.д.), которая стала популярной мгновенно и которая воспроизводится в Интернете в различных ситуациях и контекстах. Таким образом, интернет-мем имеет сходства с мемом Р. Докинза: он также копируется, тиражируется в сознании людей, передается от одного коммуниканта к другому. М.А. Кронгауз считает, что интернет-мем популярнее своего научного источника, и часто эти понятия смешиваются в силу того, что ради экономии времени «интернет-мем» мы называем «мем». Выделяется четыре стадии существования мемов: 1) создание мема, что происходит на сайте, форуме, блоге, где возникает абсурдная ситуация, следствием которой становится обсуждение, 2) распространение, т.е. перемещение фразы на другие площадки, трансформация в новые контексты и ситуации, 3) использование – фаза стабильности, когда мемом пользуются, но он не вызывает живого об-

суждения, 4) исчезновение мема по причине утраты интереса к нему. Однако есть случаи, когда интернет-мем может сохраниться в языке и перестать быть мемом, что произошло, например, со смайликом, который сейчас уже не воспринимается как мем.

Интернет-мемы зарождаются в рамках особой аудитории, и именно на нее рассчитан комический эффект (студенты, представители определенных профессий, родители и т.д.). Для остальных носителей языка они, скорее всего, при первом знакомстве останутся непонятными, если не сопроводить их необходимыми пояснениями, и соответственно не вызовут смеховой реакции. Исследователи утверждают, что мем обладает культурной коннотацией, т.к. предоставляет адресату возможность идентифицировать прецедентный феномен, т.е. интернет-мемы сохраняют в себе информацию о том тексте, информационном ресурсе, культурном феномене или историческом событии, который послужил источником для появления мема. Эффективность коммуникации в этом случае напрямую зависит от умения интернет-пользователя осуществить экспликацию скрытых культурных коннотаций мема, восстановить те ассоциативные связи, которыми обеспечен комический эффект.

Традиционно в интернет-среде от пользователя к пользователю передавались анекдоты, шутки, ссылки на медиаобъекты развлекательного характера, но специальное внимание на данное явление обратили, когда по тому же принципу стали распространяться не только шутки, но и более сложные образования, в которых вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, предназначенное для комплексного воздействия на адресата.

Языковая типология интернет-мемов

Логичной представляется следующая языковая типология интернет-мемов:

1) текстовые, представляют собой слово, словосочетание или фразу, например: *I too like to live dangerously, Keep calm and carry on*. Сюда же можно отнести своеобразные клишированные обороты, начинающие или оканчивающие высказывание: *Британские ученые выяснили..., Keep calm and..., What if... or...?* и др. Источниками появления подобных мемов нередко становятся высказывания обычных пользователей;

2) графические – изображения, картинки, которые вызвали интерес у большинства пользователей, например: *Ждун, Advice Dog*;

3) аудиальные – мелодия, песня, например: *Mr. Trololo*;

4) видеомемы – короткие комические видеосюжеты, которые размещаются на личных страницах пользователей социальных сетей и передаются друг другу. Видеомемы могут просматривать неоднократно, а также коллективно. Их популярность оценивается количеством просмотров. Некоторые видеомемы задумываются и снимаются как пародии, а другие, напротив, становятся источником комизма неожиданно для героя видеозаписи, например: *This is Sparta!*

Важно отметить, что для адекватной интерпретации интернет-мемов необходимо совпадение составляющих культурного опыта коммуникантов. Несовпадение элементов апперцепционной базы автора и адресата (незнание адресатом соответствующих рекламных текстов, фразеологизмов, отсутствие необходимого, хотя бы предварительного, знакомства с литературными источниками, кинофильмами; незнание исторических или актуальных событий, лозунгов и т. п.) может привести к коммуникативному сбою – отсутствию комического эффекта. Возможность достижения комического эффекта при использовании интернет-мемов любого типа связана с включенностью адресата в культурный контекст, наличием у него определенных предварительных знаний. Этим обусловлена относительная недолговечность активности мемов.

Наиболее популярные мемы в англоязычном сегменте Интернета 2010-х годов

1. *Be like Bill*. В январе 2016 года Интернет получил нового героя – Билла. Данный мем широко расхочется в социальных сетях. На его официальную страницу подписано полтора миллиона пользователей. Секрет успеха мема – в простых жизненных советах, которые помогут каждому стать немного лучше. *Bill is on the internet. Bill sees something that offends him. Bill moves on. Bill is smart. Be like Bill* или *This is Bill. Bill is about to eat. Bill is just going to eat instead of taking a picture and post it all over Instagram. Bill is smart. Be like Bill*. Что касается грамматической характеристики данного мема, в нем наблюдается двучленная структура предложения, по функциональному критерию согласно цели высказывания предложения повествовательные, наклонение – изъявительное.

2. *Grumpy Cat*. «Сердитый котик» – настоящая кличка Соус Тардар – кошка, которая благодаря своей внешности стала интернет-знаменитостью после того, как брат ее хозяйки разместил фотографию кошки на сайте Reddit. Она набрала популярность благодаря вечно недовольному выражению морды. Она родилась в 2012 году в США, штат Аризона. По словам хозяйки, такая необычная внешность связана с карликовостью и врожденным неправильным прикусом. Кличка кошки происходит от названия соуса тартар, но название было написано с ошибкой, в итоге его решили оставить. После того как кошка стала достаточно популярной, хозяин решил создать ее страницу на Facebook, на которую уже подписался один миллион человек. В мае 2013 года «Сердитый котик» получил премию Webby Award в номинации «Мем года». Тардар снимается в рекламе кошачьего корма, от ее имени выпущено две книги. Рассмотрим несколько примеров данного мема. *I had fun once. It was awful. Love is in the air? Get out the gas mask. I like long walks. Especially when they are taken by people who annoy me. Why fall in love when you can fall asleep?* Как мы видим, правила английской грамматики соблюдены, однако в вопросительном предложении присутствует прямой порядок слов.

3. *Skai Jackson*. Обычная фотография юной звезды канала Дисней завоевала популярность среди многочисленных пользователей. Он описывает неловкую

ситуацию и адресован людям, которые испытывают психологический дискомфорт в определенных условиях. Например, *When u meet his mom and she says «Oh so you're the girl he's always on FaceTime with» but you got an android or When Noah tried telling his people that a flood was coming and they should get on the ark but they didn't listen so they ended up dying*. Можно сделать вывод, что в некоторых мемах соблюдаются правила английской орфографии, в некоторых предпочтительнее современный язык Интернета, допускающий отступления от них. Грамматическая структура предложения при этом сохраняется, предложения могут быть простыми и сложными.

4. *Keep Calm and Carry On*. Известное выражение «Keep Calm and Carry On» и его производные имеют давнюю историю. Эта фраза появилась на плакате, который был выпущен британским Министерством информации еще в 1939 году. В то время вся Европа была охвачена беспокойством об угрозе фашизма и начале Второй мировой войны, поэтому целью данного постера было поднять боевой дух британцев, внушить им оптимизм. Фоном плаката является изображение британского флага или красное поле, над слоганом расположена корона. Было отпечатано два с половиной миллиона копий, однако в сороковых годах он не был знаком практически ни одному жителю Великобритании. Также существует еще два плаката данной серии – *Freedom is in peril. Defend it with all your might* и *Your courage, your cheerfulness, your resolution will bring us Victory*. Автор данного плаката и слоганов неизвестен. В 2000 году владельцы книжного магазина супруги Мэнли нашли плакат, сложенный на дне коробки со старыми книгами, которые они приобрели на аукционе. Не зная истоков, пара повесила этот плакат в своем магазине. На следующий год они начали делать копии этого плаката и продавать его. По словам Мэри, было продано более сорока тысяч копий к марту 2009 года. В 2012 году в Имперском военном музее Англии было найдено около пятнадцати дополнительных копий. Знаменитый слоган стал очень популярен во всем мире. Его используют повсеместно: на чашках, подушках, сумках, игрушках, футболках. Попав в Интернет, известный плакат стал объектом различных юмористических вариаций, например *Keep Calm It's Only Garlic, Keep Calm and Caps Lock* и т.д.

5. *LOL – Laughing-Out-Loud*. Согласно статистике, проведенной группой студентов, использование интернет-сленга на 2003 год оказалось ниже ожидаемого. В мгновенных сообщениях аббревиатуры были использованы 90 раз, 76 из которых были LOL (0,6 % от общего числа слов). Со временем процент использования интернет-сленга повышался. В 2011 году акроним LOL был внесен в Оксфордский словарь, что свидетельствует о широком использовании аббревиатуры. Словарь дает значение «extremely funny» и поясняет, что данный акроним используется в интернет-общении и показывает, что человеку очень весело или он не воспринимает что-либо серьезно.

6. *Futurama Fry / Not Sure If...* Мем, изображающий персонажа из мультсериала «Футурама» по имени Фрай, который прищурил глаза, выражает подозрение в чем-то. Верхняя строчка начинается со слов

«Not sure if X», а нижняя – со слов «or just Y». Выражение лица мема появляется в конце одиннадцатой серии второго сезона, когда Фрай подозревает, что его обманывают. Мем быстро набрал популярность. Его можно встретить и в онлайн-дискуссиях, и в пабликах социальных сетей, в чатах, на форумах и в любых диалогах-переписках, где проявляется подозрение.

7. *I Too Like To Live Dangerously*. Существует множество мемов-скриншотов из знаменитых фильмов, к которым добавляют текст. Один из наиболее часто встречающихся – мем «Я тоже люблю рисковать». В декабре 2012 интернет-пользователь выложил фотографию, на которой человек нарушает правило «Do not touch», а внизу прикрепил картинку Остина Пауэрса с данной надписью. В 2013 году на Фейсбуке была создана группа, посвященная этому мему, где пользователи размещали фотографии, на которых они игнорируют правила.

8. *Philosoraptor*. «Задумчивый велоцираптор» или «Филосораптор» – мем, на котором изображен динозавр, погруженный в различные философские размышления или разгадывающий причудливые парадоксы. Название мема происходит от соединения слов Philosophy и Raptor. Данный мем отличается от других тем, что, помимо своей развлекательной функции, он также заставляет читателя задуматься над интересными вопросами. С точки зрения грамматики, текстовая часть мема содержит придаточные условия и вопросительные конструкции.

9. *Rage comics*. «Rage comics» – это веб-комиксы, на которых изображены персонажи, созданные наименее простыми редакторами, например MS Paint. Комиксы используются, чтобы поведать истории из реальной жизни, поделиться опытом. Существует несколько типов данных комиксов, среди них: «Forever alone», «Y U No Guy», «Trollface», «Okay Guy», «Cereal Guy» и др., каждый из которых имеет свои типичные свойства. Например, персонаж «Okay Guy» выражает недовольство, но в отличие от других персонажей данной серии он произносит «Okay» и не пытается изменить ситуацию. «Forever alone Guy» выражает одиночество и разочарование в жизни, а «Cereal Guy» хочет высказаться и вступить в дискуссию. Рассмотрим подробнее мем из данной серии под названием *Challenge accepted* – персонаж данного комикса изображается черно-белым, с решительным выражением лица и уверенно скрещенными руками. Эта серия состоит из классических 4-панельных комиксов с изображением реальных жизненных ситуаций, в которых персонаж сталкивается со сложной, а возможно, даже опасной задачей. В этих случаях герою требуется храбрость и решительность для решения различных ситуаций, но он выходит победителем в каждом случае. Данная серия комиксов появилась в 2010 году на форуме «The flood». Однако фраза стала популярна благодаря американскому телевизионному сериалу «Как я встретил вашу маму», в котором один из главных героев произносил фразу «Challenge accepted», когда кто-то утверждал, что сделать что-либо невозможно. Герой данного мема быстро завоевал популярность, эволюционировал на другие сайты, распространился по всему Интернету. Также появились подвиды данного комикса, одним из которых

является вариант, противоположный первоисточнику «Challenge denied». Например, *Exams? Challenge accepted; It is impossible to sneeze with your eyes open. Challenge accepted* и др. Выражение *Вызов принят* в значении *Я готов соревноваться/проявить характер* проникло и в русскоязычную среду.

Грамматические особенности интернет-мема

Выше уже отмечалось, что глобальная сеть Интернет имеет огромное влияние на все сферы жизни человека: профессия, учеба, общение и др. Все это способствовало появлению сферы виртуального общения, которая порождает новые модели вербального взаимодействия и имеет особые нормы речевого поведения пользователей. В свою очередь, эти новые модели требуют новых языковых средств или изменения старых, в связи с чем появляется интернет-сленг, которым пользуется «население киберпространства». В процессе общения в сети Интернет человек не может передать звук, движение, цвет, поэтому они заменяются вербальными аналогами – обилие восклицательных знаков, использование разнообразных шрифтов. Образ человека в чатах, социальных сетях и на форумах формируется на основе его высказываний, того, как он или она выражает свои мысли. Известно, что грамматические навыки и орфоэпические умения проявляются в спонтанной речи, которая ранее осуществлялась только в устной форме. В Интернете спонтанная разговорная устная речь фиксируется в письменной форме. Соответственно речевые и языковые ошибки также фиксируются в письменном виде. Впечатление о личности складывается исходя из ее языка, т.к. все ее речевые индивидуальные особенности оказываются на виду. В процессе интерактивного общения можно проследить определенные изменения языка на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях.

Поскольку виртуальное общение в основном рассчитано на визуальное, а не аудиальное восприятие информации, пользователи не могут определить интонационное оформление предложения, к которому относятся тон, темп, длительность и логическое ударение. Однако эта цель достигается графическими средствами. Например, для передачи повышенного тона используется клавиша Caps Lock (все буквы прописные). В качестве примера рассмотрим комментарий пользователя с форума, на котором обсуждалась игра, в которой игрок сражается с большим количеством врагов: *Now imagine it having been here for FIFTEEN YEARS, during which time, MORE characters have been introduced, MORE interesting stories have been told, MORE songs featured, and MORE people (even outside of the west) have joined the fray and continued to create fan media of the series*. Благодаря изменению шрифтов пользователи видят, какие слова находятся под логическим ударением, и точнее воспринимают комментарий собеседника.

Удлинение гласных, распространенность предложений свидетельствуют о длительности речи. Например, *Oh noooooo! I love her*. Таким образом, интернет-коммуниканты могут «слышать» сообщения друг друга.

Интернет-общение может вестись одновременно с несколькими людьми, поэтому быстрое реагирование

и скорость печатания приобретают значимую роль. В связи с этим существует тенденция к сокращению часто употребляемых слов. Например, *plz* вместо «please», *y/o* вместо «years old», *how r u?* вместо «how are you?». Предпочтение отдается кратким формам, таким как *I'll*, *He's*, *'cause*. Изобилие аббревиатур также часто встречается в английском интернет-сленге – *LOL*, *IMHO* («in my humble opinion»), *JK* («just kidding»), *OMG* («Oh my God»). Существуют и более сложные, используемые тогда, когда хочется выразить недовольство собеседником, например *KTHXBAI* («Ok, thanks, bye»), или, наоборот, выразить симпатию – *LYLAB* («Love you like a brother») / *LYLAS* («Love you like a sister»). Еще одним свойством английского интернет-языка является пренебрежение орфографическими правилами. Часто англоязычный текст в Интернете напоминает искаженную транскрипцию, демонстрируя прочную связь орфографии с фонетикой. Например, глагол *to be* заменяется на букву «b», *to see* – «с», а прилагательное *some*, заменяется сходным по произношению словом *sum*. Буквы, словосочетания, а иногда и целые тексты могут заменяться цифрами. Например, предлог *for* заменяется цифрой «4» (four), которая имеет почти идентичное произношение. Предлог *to* заменяется цифрой «2» (two) по тому же принципу. Использование одного регистра, в целях экономии времени, ведет к тому, что в тексте нет заглавных букв, поэтому можно встретить слова со строчной буквы, такие как местоимение *I*, названия стран, городов, имена собственные и др. Более того, использование сленга, неологизмов и диалектизмов также характерно для английского интернет-языка. Это происходит потому, что Интернет объединяет людей, говорящих на разных диалектах. Например, вместо *want to* используется сокращенная форма *wanna*, а *going to* заменяется на *gonna*.

Таким образом, интернет-сленг можно подразделить на три группы: 1) акронимы, 2) сокращения, 3) слова, в которых использованы цифры или символы. Акронимы – слова, сформированные из первых букв нескольких слов. В интернет-общении они используются для передачи некоторых фраз и выражений. Например, *BTW* («by the way»), *ASAP* («as soon as possible»), *FAQ* («frequently asked questions»). Сокращения предполагают усечение гласных, например *pls*, *tx*, *r* («are»). Слова, в которых использованы цифры или символы, выглядят следующим образом: *a very c%l concert*, где «c%l» заменяет «cool», *@ 7 o'clock*, где @ заменяет «at».

Проанализировав англоязычные социальные сети, можно сделать вывод, что существует тенденция к сокращению грамматических форм, что часто ведет к формальной грамматической ошибке. Из всей системы английских времен чаще всего используются времена групп *Indefinite* и *Continuous*, часто заменяющие времена группы *Perfect*. Например, *I met him today* вместо *I have met him today* или *I'm learning English for five years* вместо *I have been learning English for five years*. Также можно наблюдать нарушение порядка слов, отсутствие подлежащего в предложении. Например, *want to listen to this song*, *The USA is getting crazy?*

Таким образом, интернет-пользователи используют простые, нераспространенные предложения,

опускают члены предложения, не соблюдают грамматические правила. Такие же особенности прослеживаются и в собственно мемах: намеренное сокращение грамматических конструкций, использование аббревиатур, сокращений слов. Тем не менее, это не препятствует адекватному взаимопониманию коммуникантов, соответственно это может считаться специфической чертой виртуального общения.

Выводы

1. Мем преимущественно определяется как единица информации, которая содержится в нашем сознании и которая воздействует на события так, чтобы в сознании других людей возникало как можно больше его копий. Интернет-мемы представляют собой информацию (ссылки, тексты, картинки, разговорные конструкции), передаваемую пользователями друг другу через сеть, основной целью которых является развлечение. Первоисточники мемов разнообразны: предметы искусства, фильм, персонаж, чье-либо высказывание. Таким образом, мемы сохраняют в себе информацию, которая послужила источником для их появления. Следовательно, мем имеет культурную коннотацию, ведь эффективность коммуникации зависит от умения интернет-пользователя осуществить экспликацию скрытых культурных коннотаций мема, восстановить ассоциативные связи, которыми обеспечен комический эффект.

2. Интернет-мемы представляют собой информацию (ссылки, тексты, картинки, разговорные конструкции), передаваемую пользователями друг другу через сеть, основной целью которых является развлечение. Мы узнали, что первоисточники мемов разнообразны: предметы искусства, фильм, персонаж, чье-либо высказывание. Таким образом, мемы сохраняют в себе информацию, которая послужила источником для их появления. Следовательно, мем имеет культурную коннотацию, ведь эффективность коммуникации зависит от умения интернет-пользователя осуществить экспликацию скрытых культурных коннотаций мема, восстановить ассоциативные связи, которыми обеспечен комический эффект. Выделяются текстовые, графические, звуковые, видео- и комбинированные интернет-мемы.

3. Англоязычные интернет-мемы, как и любые другие, проходят следующие основные стадии: возникновение, пик популярности, использование, угасание. Характеристики происхождения, распространения, степени популярности могут варьироваться. Важно отметить, что большинство рассмотренных мемов находятся на третьей стадии развития мемов – стадии использования. Однако можно сделать вывод, что мемы угасают не так быстро. Некоторые остаются популярными в течение нескольких лет (*One does not simply..., Philosoraptor*), а некоторые еще только набирают популярность. Среди рассмотренных нами мемов есть те, которые прошли все четыре стадии и теперь имеют новый статус, например *LOL* и *Rage comics*, которые все чаще используются в качестве стикеров в социальных сетях.

4. Язык, используемый в мемах, имеет следующие типичные особенности грамматики: 1) использование графических средств для передачи фонетических осо-

бенностей речи, 2) сокращение форм слова, 3) отступление от грамматических правил и пунктуационных норм.

Литература

1. Бретт, Т. Руководство по мемам: путеводитель пользователя по вирусам сознания / Т. Бретт. – URL: <http://asocial.narod.ru/material/memes.htm> (дата обращения: 12.04.2023). – Текст : электронный.

2. Иванов, Л. Ю. Язык в электронных средствах коммуникации / Л. Ю. Иванов // Культура русской речи / Л. Ю. Иванов. – Москва : Флинта – Наука, 2003. – 840 с.

4. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; перевод с английского под научной редакцией О. И. Шкаратана. – ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

5. Кронгауз, М. А. Мемы в интернете: опыт деконструкции / М. А. Кронгауз. – URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/21327/> (дата обращения: 12.04.2023). – Текст : электронный.

6. Brodie, R. Virus of the mind: the new science of the meme / R. Brodie – URL: <https://media.evolveconsciousness.org/books/consciousness/Virus-of-the-Mind-The-New-Science-of-the-Meme-Richard-Brodie.pdf> (дата обращения: 12.04.2023). – Текст : электронный.

7. Blackmore, S. The Meme Machine / S. Blackmore. – Oxford University Press, 2000. – 464 p.

8. Dawkins, R. The Selfish Gene / R. Dawkins. – Oxford : Oxford University Press, 1976. – 224 p.

9. Dennett D. C. Breaking the Spell / D. C. Dennett. – URL: http://skepdic.ru/wpcontent/uploads/2012/11/Daniel_C_Dennett_Breaking_the_Spell_Religion.pdf (дата обращения: 12.04.2023). – Текст : электронный.

A.A. Chervyakov

ON INTERNET MEME AS LINGUISTIC AND SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENON

Correct perception and use of memes in speech displays a person's successful integration into a linguistic and cultural surroundings as well as social surroundings in general. For successful intercultural communication a foreign speaker should not only learn grammar and lexis but also have extra-linguistic knowledge and skills of adequate speech and cultural behaviour. A person who is able to understand memes in a foreign language has linguistic and intercultural skills. It is necessary to understand the nature of memes, their history, development, distribution, classification and grammar features.

Meme, typology, grammar features, perception, intercultural communication.



Ю.А. Черных

Пермский государственный научно-исследовательский университет

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СОБАКА» В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается лексика, связанная с концептом «собака», в русском поэтическом дискурсе XVIII–XXI вв. Зооморфизмы, будучи результатом метафорического наделения людей поведенческими качествами животных, представляют собой широкое поле для исследования методами когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, стилистики, семантики и других дисциплин, изучающих словообразовательные возможности языка и предпосылки для них в национальной культуре. Поэтический дискурс, по своей природе особенно богатый метафорами, представляет читателю мотив и результат такого рода переноса «качество животного – сходное качество у человека», постоянно выдвигая анималистическую лексику в претенденты на прочное обособление во фразеологизмах, паремиях и иных лексических единицах, фиксируемых впоследствии в словарях.

Собака, концепт, метафора, зооним, зоосемизм, поэзия, дискурс.

Лингвистический термин «концепт» является одним из основных понятий современного языкознания, благодаря которому в том числе исследуется влияние определенного языка на мировоззрение и культурную самоидентификацию его носителя. Концепт подразумевает содержательную сторону того или иного осязаемого, интерпретируемого явления, из-за чего присутствует как одно из ключевых языковедческих понятий не только в когнитивистике, но и в семантике, лингвокультурологии, психолингвистике и иных научных направлениях.

По мнению польского исследователя А. Вежбицкой, концепт есть «...объект из мира “Идеальное”, имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире “Действительность”, который нам дан в мышлении (не в восприятии) именно через язык, а не непосредственно, причем одному и тому же имени (слову) в психике разных людей могут соответствовать разные ментальные образования. Тем самым, не только разные языки преломляют действительность по-разному, но и за одним и тем же словом данного языка в сознании разных людей могут стоять разные концепты» [22, с. 23]. Подобным образом этот термин трактует Л.О. Чернейко: «Конструкт, репрезентирующий ассоциативное поле имени, но не равный ему» [20, с. 314]. Она же полагает, что «содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает все множество прагматических элементов имени, проявляющихся в их сочетаемости» (Там же, с. 287–288). Интересным для рассмотрения может быть точка зрения философа-концептолога С.Х. Ляпина, предложившего достаточно универсальное определение явления: «Концепты – самоорганизующиеся интегративные функционально-системные многомерные идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный базис, закрепленный в значении какого-либо знака» [18, с. 47; 11].

Говоря о поэтическом дискурсе, следует отметить, что трактовка данного понятия (дискурс) может различаться в зависимости от интерпретирующей его стороны. Типы дискурса определяются в рамках сферы своего функционирования и назначения. К примеру, поэтический дискурс обладает особым набором инструментов и методикой их применения для передачи эмоционального восприятия мира и художественной коммуникации с потенциальным читателем. Русский национальный поэтический дискурс – многомерное понятие, в котором авторы тех или иных текстов зачастую оперируют привычными народу понятиями в метафорической интерпретации для передачи той или иной формы эмоционального самоопределения и манифестации чувств.

Метафора становится когнитивным решением, а не средством витиеватого «украшательства» произведения, поэтому метафора, обращенная к любому широкому известному концепту, моментально анализируется носителем языка и культуры и понимается верно, как и должна пониматься по задумке автора.

Лингвокультурологический термин «зооморфизм» обозначает процесс наделения людей качествами животных, тогда как обратный процесс называется «антропоморфизм» – наделение животных качествами людей. Оба они чрезвычайно важны для формирования зооморфного кода любой культуры и отражения в языке концептов, связанных с животными и переносом их поведенческих качеств на людей. Компоненты значения того или иного зооморфного концепта способствуют осмыслению поведения человека через присущие животным бихевиориальные маркеры. Таким образом, животный мир способствует метафоризации языка, постепенно становясь полноправным участником почти всех входящих в него дискурсов.

Зоосемизмы (иначе – зооморфизмы) трактуются как вторичные, метафорически обусловленные наименования, спродуцированные на основе названий жи-

вотных – зоонимов [4; 14; 16; 19]. Зооморфный код любой культуры выявляет глубинное мировосприятие принадлежащих к ней людей и всегда отличается национальным своеобразием. Как домашние, так и дикие животные играют роль символов в мифологической и поэтической картинах окружающего мира, становясь эталонными носителями определенных качеств человека. По мнению Р.Д. Сетарова, национальное своеобразие может проявляться в типичных ассоциациях, связанных с тем или иным образом, то есть в индивидуальной специфике образной основы [15, с. 95]. Моделируя общую картину мира, зооморфные метафоры приобретают очерченные концептуальные черты, закрепляясь во фразеологическом и паремиологическом лексиконе и образуя понятный всякому носителю языка концепт.

Метафора играет в поэтическом дискурсе одну из ключевых ролей, способствуя развитию и взаимодействию языковой, художественной и концептуальных сфер, в том числе благодаря слиянию образа и смысла и выбору кратчайшего пути к сущности объекта. Благодаря удивительным, почти бесконечным возможностям метафоры, стихотворение может передавать реципиенту не только художественно-описательное содержание эмоций автора, но и легко расшифровываемый дополнительный смысл, аллюзии, обращающие внимание читателя на философское содержание замысла произведения.

Концептуальный образ собаки в русской философской и литературной сокровищнице зачастую метафорически отражает спектр чувств и намерений, связанный с нравственным выбором. Выбор может осуществляться как человеком, так и собакой, чье поведение в гротескной или драматической форме также обращено к человеку или его совести. Не только в поэзии, но и в прозе сквозь призму собачьей судьбы читатель может легко найти отсылки к собственным поступкам, которые могут оказывать и негативное, и позитивное влияние на его личность. Трагическое произведение Ивана Тургенева «Му-му» – великолепный пример такого рода литературы. Кроме того, собаки, вышедшие из-под пера поэтов или литераторов, выполняют роль макетов для разнообразных людских характеров, чьи черты легко узнаваемы в обывателе.

В русской поэзии концепт «собака» получил многогранное раскрытие; к нему обращались Г.Р. Державин, Б.В. Заходер, И.А. Крылов, С.В. Михалков, З.Н. Гиппиус, С.А. Есенин, Ю.П. Мориц, Э.А. Асадов, Н.М. Рубцов и многие другие. Современные российские поэты, набирающие популярность в XXI веке, также не обошли своим вниманием особую связь человека и его вечного спутника – собаки.

Так, Гавриил Державин оставил потомкам два знаковых стихотворения, посвященных собакам. Первое из них может рассматриваться как стихотворный философско-сатирический фельетон, уже основываясь на его названии: «На смерть собачки Милушки, которая при получении известия о смерти Людовика XVI упала с колен хозяйки и убилась до смерти». *Увы! Сей день с колен Милушка / И с трона Людовиг пал. – Смотри, / О смертный! Не всё ль судьб игрушка – / Собачки и цари?* [9, с. 91, 158]. В данном случае кон-

цепт «собака» интерпретируется Гавриилом Державиным как подразумевающий некое существо, не способное выжить при роковом стечении обстоятельств. Автором проводится отсылка к слепому фатуму, который уравнивает как малых животных, так и великих правителей, подчеркивая тщетность попыток управлять своей судьбой. Второе стихотворение представляет собой эпитафию, высеченную на условном надгробном камне, под которым покоится его любимая собака небольшого размера по кличке Горно-стайк, в обиходе – Тайк(а). *Здесь пёсик беленький лежит, / Который Горностаиком звался. / Он был тем мил и знаменит, / Что за хозяина вступался / И угрождал не низкою какой, / А твёрдой львиною душой; / Ворчал, визжал – но так забавно, / Что и сердясь, пел сопрано.* Державин подчеркнул в эпитафии качества характера ушедшего питомца: несмотря на свой размер, он имел сильную волю, а не вел себя заискивающе перед большими, по сравнению с ним, существами (возможно, другими собаками или людьми) – вплоть до того, что готов был защищать хозяина. Сравнивая его поведение и привычки с поведением условного человека (пел сопрано, сердился), поэт не рассматривал Тайка как неразумное существо, но максимально наделял маленького друга поведенческими привычками человека. В 1807 году поэт создал оду другой своей собаке, назвав ее «Милорду, моему пуделю» [26, с. 393], а год спустя еще одну эпитафию «На памятник прекрасного пуделя» [6]. Данные произведения, очевидно, относятся к бурлескному жанру, то есть комической поэзии. Тем не менее, и в них наблюдается тенденция к переносу анималистических поведенческих черт на поведение людей: *Под камнем сим Милорд, кудрявый пёс прекрасный, / Почует по-гребён, счастливейший из псов: / Он ел, он пил, он спал, он вел век сладострастный, / Деля жен множеству нежнейшую любовь; / А сверх того всегда не упускал резвиться / Между прекрасных дев, в диванах, по коврам. / Милорды роскошь! придите прослезиться / У гроба здесь его: он был подобен вам* [26, с. 436].

Великолепное наследие для изучения зооморфного дискурса в русской поэзии оставил баснописец Иван Андреевич Крылов [17]. Практически все его творения посвящены тем или иным чертам характера, которые нравственному человеку следовало бы воспитывать, преодолевая себя. Буквально все басни косвенно высмеивают нежелательное поведение, описывая его на примерах зверей, в чьих поступках легко угадываются определенные человеческие замашки. Русская речь получила в наследие от Крылова бесценный запас паремий с анималистическим компонентом, прочно обосновавшихся в языке в качестве крылатых выражений и фразеологизмов, которые не покинули актуальный лексикон носителей языка до сей поры. Концепт «собака» встречается в баснях достаточно часто, обладая разными коннотациями и аллюзиями к тем или иным неблагоприятным поступкам, присущим людям. К примеру, произведение «Две собаки» наполнено сатирическими метафорами, высмеивающими угодливость и притворство, обличая несправедливое отношение к дворовому псу (символизирующему, скорее всего, низкооплачиваемых ра-

ботяг) со стороны элиты и тех, кто в нее недавно влился. Герой «Двух собак» Жужу волею судеб попал в барский дом. Барбос же, второй, менее везучий представитель собачьего рода, остался сторожить имущество во дворе: «...ты как живёшь?» – «Я, – отвечал Барбос, / Хвост плетью опустя и свой повеся нос, / – Живу по-прежнему: терплю и холод, / И голод, / И, сберегаячи хозяйский дом, / Здесь под забором сплю и мокну под дождём; / А если невпопад залаю, / То и побои принимаю». Барбос спрашивает у Жужу о том, как ему удалось остаться в барском доме, и получает вполне предсказуемый ответ: «Да чем же ты, Жужу, в случай попал, / Бессилен бывши так и мал, / Меж тем как я из кожи реусь напрасно? / Чем служишь ты?» – «Чем служишь! Вот прекрасно!» – / С насмешкой отвечал Жужу. / «На задних лапках я хожу» [7, с. 33].

Моська – другой кинологический герой басен Ивана Андреевича Крылова, чье имя было выбрано, скорее всего, из-за вошедших в моду в пору написания басни «Слон и Моська» мопсов, которых в обиходе зачастую называли «моськами». Моська – метафорический образ человека, который наводит искусственные суету и переполох, презентуя себя как оратора, не страшась обличать влиятельных особ, дабы остальные увидели, насколько он силен духом и готов к прилюдной пикировке с тем, кого остальные боятся. *Вот то-то мне и духу придаёт, / Что я, совсем без драки, / Могу попасть в большие забавки. / Пускай же говорят собаки: / «Ай, Моська! знать, она сильна, / Что лап на Слона!»* [8, с. 8].

Обращение к собаке как образной метафоре есть и у А.С. Пушкина. По воспоминаниям близких, его дневниковым записям классик очень любил собак, однако национальные культурные стереотипы способствовали выбору воспринимаемых современниками ругательств в его поэзии, в том числе и основанных на интерпретации концепта «собака». К примеру, во «Влахе из Венеции» («Песни западных славян»): *Я неволен, как на привязи собака* [1, с. 33]. У него же в различных произведениях упоминаются «собачий сын» и «собачья дочь», «старый пёс» и т. д. В «Скупом рыцаре» Альбер по отношению к недругу: *...Иль рыцарского слова / Тебе, собака, мало?; ...Да знаешь ли, жидовская душа, / Собака, змей! что я тебя сейчас же / На воротах повешу* [12, с. 34]. В 1824-м Пушкин написал любопытную язвительную эпиграмму на профессора М.Т. Каченовского (издателя «Вестника Европы»), ошибочно принятого им за автора разозлившей поэта статьи «Второй разговор между классиком и издателем “Бахчисарайского фонтана”». Она гласит: «...охотник до журнальной драки, / Сей усыпительный зоил / Разводит опиум чернил / Слюною бешеной собаки» [21, с. 26]. Здесь, очевидно, существенное «собака» в сочетании с прилагательным «бешеная» подразумевает не заправляемое животное, а символизирует нечто неуправляемое, пышущее злобой в отношении врага или соперника.

У Пушкина концепт «собака» используется часто и в основном для придания негатива образам людей, которых он номинирует в своих произведениях производными от этого понятия как в творчестве, так и в личной переписке. К примеру: письмо к П.А. Плетне-

ву из Болдина от 29 октября 1830 года: «Что моя трагедия? отстойте ее, храбрые друзья! не дайте ее на съедение псам журнальным» (речь о готовившемся к публикации «Борисе Годунове») [29]. Слово «щенки» – о детях и молодых людях. Вновь «Борис Годунов»: «Народ, народ! в Кремль! в царские палаты! Ступай! вязать Борисова щенка!» [30]. В «Утопленнике»: «Вы, щенки, за мной ступайте!» [23]. Однако истинное отношение Пушкина к собакам отчетливо заметно в любовном описании пса по кличке Соколко, персонажа «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях». Он в этом произведении – существо, способное отличать добро от зла. Соколко с первой встречи стал верным другом царевны, а вот черницу, персонажа недоброго, пытался отвести от двора. Впоследствии он же мешал царевне надкусить ядовитое яблоко и продемонстрировал богатырям причины смерти царевны ценой своей жизни: *Братья в ту пору домой / Возвращались толпой... / Им навстречу, грозно воя, / Пёс бежит и ко двору / Путь им кажет... Вбежав, / Пёс на яблоко стремглав / С лаем кинулся, озлился, / Проглотил его, свалился / И издох...* [24]. Следует упомянуть о том, что знаменитое выражение «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!» (так автор однажды сказал о себе, будучи рад, что окончил произведение) в стилистическом отношении является антифразисом – приемом, при помощи которого негативная коннотация слова «сука» (самка псовых) выражает грубоватое, шутовское, но все же одобрение [31].

Начиная с периода Серебряного века образ собаки в поэзии стал приобретать все более гуманистические черты, постепенно переставая ассоциироваться с чем-то презрительным, если речь идет о метафорическом переносе качеств или поведения животного на людей. Сергей Есенин, Иван Бунин, Рюрик Ивнев посвятили собакам стихотворения, которые положили начало их интерпретации как друзей и символа преданности. Тем не менее, многогранному концепту «собака», уточненному органически ей принадлежащими прилагательными («злая собака», «бродячая собака», «преданная как собака»), присущи богатые возможности литературной метафоры, описывающей не только друзей или бродяг, но и, к примеру, изгоев общества. Зинаида Гиппиус, написав стихотворение «Бродячая собака», очевиднейшим указала на судьбу эмигрантов, покинувших Советскую Россию, но не нашедших себя в чужих землях. Интересен каламбур, содержащийся в названии произведения: знаменитое дореволюционное петербургское артистическое кабаре называлось «Бродячая собака»; его постоянными посетителями были многие поэты Серебряного века, в том числе и не нашедшие себя при новой власти или эмигрировавшие в противоречивую с точки зрения общественно-политической жизни Германию, либо в более спокойные страны Европы. *Не угнаться и драматургу / За тем, что выдумает жизнь сама. / Бродила собака по Петербургу / И сошла собака с ума. / Долго вyla в своём подвале, / Ей противно, что пол нечист. / Препитанных невинных нету в зале, / Всегда-таем стал чекист. / Ей бы тёплых помоев корыто, – / Чекистских красных она не ест. / И обезумев, стала открыто / Она стремиться из этих мест. / Беженства всем известна картина, / Было опасностей без*

числа. / Впрочем, собака до Берлина / Благополучно добрела. / «Здесь останусь, – решила псина, – / Будет вдоволь мягких помой; / Народ знакомый, родные лица, / Вот Есенин, а вот Толстой». / Увы, и родные не те уж ныне! / Нет невинных, грязен подвал. / И тот же дьявол-чекист в Берлине / Правит тот же красный бал. / Пришлось собаке в Берлине круто. / Бредёт, качаясь, на худых ногах – / Куда? Не найдёт ли она приюта / У нас, на сенских берегах? / Что ж? Здесь каждый – бродяга-собака, / И поглупел – скажу не в укор. / Конечно, позорна собака, однако / Это еще невинный позор [25].

Советские и современные поэты и по сию пору не оставили связанные с собаками метафоры, как исчерпавшие себя. Напротив, дискурс взаимоотношений людей и собак обогатился, став более гуманистическим, а иногда и назидательным.

Сергей Михалков в своем коротком произведении для детей «Важный совет» описывает, как не следует обращаться с собаками, опосредованно намекая на важность доверия между воспитателем и воспитуемым, и читателю очевидно, что речь идет не только о кинологических премудростях, но и о человеческих взаимоотношениях. *Нельзя воспитывать щенков / Посредством крика и пинков. / Щенок, воспитанный пинком, / Не будет преданным щенком. / Ты после грубого пинка / Попробуй подзови щенка!* [2, с. 54].

Эдуард Асадов использует концепт «собака» как маркер сильной человеческой преданности, противопоставляя ее эгоистичному нраву, закрепившемуся, по его мнению, за представителями кошачьих. *Люблю я собаку за верный нрав, / За то, что всю душу тебе отдаю, / В голоде, в холоде или разлуке / Не лижет собака чужие руки. / ... / У кошки-дуры характер иной. / Кошку погладить может любой. / Погладил – и кошка в то же мгновенье, / Мурлыча, прыгает на колени. / Выгнет спину, трётся о руку, / Щурясь кокетливо и близоруко. / Кошке дешёвая ласка не стыдна, / Глупое сердце не дальновидно. / ... / Собаки умеют верно дружить, / Не то что кошки – лентяйки и дуры. / Так стоит ли, право, кошек любить / И тех, в ком живут кошачьи натуры?!* [3, с. 51]. Можно предположить, что за образом кошки здесь скрывается некая ветреная женщина или собирательный образ таковых; собака, по Асадову, является символом верности до последней минуты жизни, не забывает хозяйина и на чужбине, и в тяжелой ситуации.

Знаменитый советский актер и режиссер А.Л. Кайдановский оставил после себя лишь одно небольшое стихотворение, ставшее, впрочем, не менее памятным для его образа, чем работы в кино. Дело в том, что на самом деле это стихотворение было написано советским поэтом Игорем Моисеевичем Иртеневым специально для собаки актера – Зины. Однако в народной памяти оно осталось именно в исполнении А.Л. Кайдановского. Зина была обыкновенной дворняжкой, подбранной однажды в подвезде. Актер и режиссер, по словам близких, говорил: «Жены приходят и уходят, а Зина с Носиком (кот Кайдановского) остаются» [28]. Оставляя за рамками возможные проблемы хозяйина этих питомцев в отношениях с людьми, следует рассмотреть своеобразную эмоционально-смысловую инверсию, которая становится очевидна при сопоставле-

нии двух стихотворений – написанного Иртеневым и народного. Второе – русская «докучная» поэтическая сказка неизвестного автора, прочно укоренившаяся в народном фольклоре и знакомая всем. *У попа была собака, / Он её любил, / Она съела кусок мяса, / Он её убил, / В землю закопал, / И надпись написал:* (иногда ставится «что») */ У попа была собака...* Далее слова повторяются. Как видно из текста, негативно-уничжительная трактовка нравственных качеств относится не к собаке, а к представителю духovenства – жестокому хозяину, способному убить живое существо из-за обнаруженной недостачи в съестных запасах. Тем не менее, образ животного как расходного материала в хозяйстве, чья насильственная смерть – обычное дело, представляет интерес с точки зрения его репрезентации в народном сознании. Судя по всему, в прежние, более сложные с точки зрения выживания времена, превалировало пренебрежительное отношение простых людей к собакам, являющимися функциональными предметами, а не одушевленными существами. Данный стих вполне очевидно демонстрирует справедливость этого предположения: пес причинил финансовый ущерб и подлежал утилизации, проявив себя как негодный инструмент, больше не приносящий пользы (охраны имущества, а не его присвоения). В пользу этой гипотезы говорит и наличие в фольклоре множества соответствующих пейоративов, а также инвективной лексики, интерпретирующей условия жизни (дворовых в особенности) собак и присущих им черт характера («Собаке – собачья смерть», «Пёс подзаборный», «Псу под хвост», «Злой как собака», «Как собачьим нерезанным», «На какой пёс», «Как побитая собачонка», «Собачья жизнь», «Устал как собака» и т. д.). Сравнение вышеупомянутого фольклорного артефакта с интерпретацией И.М. Иртенева / А.Л. Кайдановского дает понимание того, как далеко продвинулись люди в нравственном отношении по отношению к братьям нашим меньшим: *У меня была собака, я её любил, / Она съела кусок мяса – я её любил; / Она писала на коврике – я её любил; / Она тапочки сожрала – я её любил...* / И сказал я той собаке: «Видишь, всё терпело!» / И ответила собака: «Я тебя люблю» [28].

Наша современница, поэтесса Вера Полозкова, постепенно ставшая если не классиком, то известным представителем русской литературы XXI века и знаменитостью русского сегмента поэтического Интернета, написала стихотворение «Друг», в котором концепт «собака» рассматривается в аспекте «щенок, друг детей, верный напарник, тот, о ком надо заботиться» и также не содержит пейоративных коннотаций. *Это мой новый друг, / Только ещё щенок. / Ходит юлой вокруг / Собственных ног. / Папа его принос. / Пахнет речной водой. / Лучший на свете пёс, / Но молодой. / Мир ему весь открыт: / Нюхать, кушать, трясти. / Только он спит и спит, / Чтобы расти. / Станет он ловек, быстр, / Будет катать детей. / Прыгать со мной до искр / Из-под когтей. / Будет могуч, умён, / Станет грозой врагу. / В общем, героя сон / Я стерегу* [27]. Прохладно, отстраненно, без сентиментальности Полозкова, тем не менее, перечислила все качества собаки, которые люди подсознательно от нее ожидают: быстроту, поведенческие привычки щенка и взрослого пса, готовность защи-

тить хозяина, а также привязанность хозяина к своему питомцу.

Произведение «Стихи о собаке» другого нашего современника – Дмитрия Воденникова – является, безусловно, прорывом в русском поэтическом дискурсе. Будучи признанным новым классиком, он стал одним из спонтанных инициаторов максимально гуманистической трактовки образа собаки, не избегая, впрочем, переноса антропоцентрических понятий на присущее ей поведение и обратно. Особенно ярко это видно в нижеприведенном отрывке одного из его стихов, посвященных собаке Чуне: *...Потому что я сам считаю её – своей последней любовью. Ну а последняя любовь – она ведь всегда такая. / Однажды она спала (трёх месяцев с чем-то от роду) / и вдруг завyla, затаивала, как будто бы догоняя / небесного сенбернара, огромного, будто облако. / А я подумал, что вот – рассыплется в пыль собачка, / но никогда не сможет мне рассказать, какая / была у них там, в небесах, – веселая быстрая скачка / и чего она так завyla, в небесах его догоняя. / Но всё, что человек бормочет, видит во снах, поёт – / всё он потом пересказывает – в словах, принятых к употреблению. / Так средневековой монахине являлся спящий Тот / в средневековой рубашке, а не голенький, как растение [5, с. 193].*

Воденников интерпретирует историю взаимоотношений человека и собаки если не как союз равных, то, по крайней мере, как тандем существ, способных понять друг друга. Зооним «собака» в его произведении выходит на новый уровень: это существо, которое, как и человек, имеет свои чувства, намерения, сны и желания, а не только служебную, в лучшем случае – напарническую – функцию. Также в произведении опосредованно и довольно вольно трактуется понятие «Бог» в фантазиях о посмертном опыте, где **Он** метафорически ассоциируется с огромным сенбернаром, который в свою очередь должен встретить его собаку по ту сторону бытия. *А когда настоящая смерть, как ветер, за ней придёт, / и на большую просушку возьмет – как маленькую игрушку: / глупое тельце её, прохладные длинные уши, / трусливое сердце и голый горячий живот – / тогда – я лягу спать (впервые не с тобой) / и вдруг приснится мне: пустынная дорога, / собачий лай и одинокий вой – / и хитрая большая морда бога, / как сенбернар, склонится надо мной (Там же, с. 195).*

Нельзя не заметить, что тоска из-за будущей и совершенно точно предопределенной смерти собаки поддерживается пониманием, что смертны все живые существа; как относиться к этому факту поэт не говорит, но на примере горячо любимой Чуни смотрит в горние дали, представляя, что ждет людей за горизонтом бытия.

В русском поэтическом дискурсе концепт «собака» по праву занимает важное место, обусловленное значимостью друга человека и богатыми возможностями метафорического переноса, потенциально доступного поэту при интерпретации этого образа. Исследование русской поэзии в рамках когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и поэтики открывает перспективы сопоставления восприятия собаки в русском и иностранных литературных поэтических

текстах, уточнения объема понятия «собака», детализации сем, входящих в этот концепт, функций метафорической номинации людей производными от главного понятия (напр., пес, псина, щенок, та еще жучка и т. д.). Эти исследования будут направлены на дальнейшее понимание и фиксацию синхронической и диахронической языковой картины мира носителей русского языка.

Литература

1. Абрамов, М. А. Структурные и циклические закономерности в природе, обществе, искусстве : учебное пособие для студентов всех специальностей / М. А. Абрамов ; Министерство образования Российской Федерации, Саратовский государственный технический университет. – Саратов : Саратовский государственный технический университет, 2001. – 895 с.
2. Александров, В. П. Сергей Михалков: Биография творчества / Владимир Александров. – 3-е изд., испр. – Москва : Современник, 1988. – 271 с.
3. Асадов, Эдуард Аркадьевич (1923–2004). Избранное : [стихотворения, поэмы] / Эдуард Асадов. – Москва : Эксмо, 2015. – 574 с.
4. Битокова, С. Х. Метафорическое использование зоонимов в формировании языковой картины мира / С. Х. Битокова // Проблемное описание и преподавание романогерманских языков. – Нальчик, 1996. – С. 24–30.
5. Воденников, Д. Б. Небесная лиса : [стихотворения и поэмы: 16+] / Дмитрий Воденников. – Санкт-Петербург : Азбука : Азбука-Аттикус, 2018. – 222 с.
6. Жанр надписи в творчестве Г. Р. Державина (стихи на смерть собаки) // Русская литература. – 2021. – № 2. – С. 31–39.
7. Крылов, И. А. Басни : [для начальной школы] / И. А. Крылов ; рисунки А. Лаптева. – Москва ; Ленинград : Издательство и ф-ка детской книги Детгиза, 1947. – 78 с.
8. Крылов, И. А. Избранные басни: [12+] / Иван Андреевич Крылов. – Тверь : Триада, 2019. – 32 с.
9. Леонов, И. С. Поэтика русской эпиграммы XVIII – начала XIX века : 10.01.01 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Леонов И. С. – Москва, 2006. – 210 с.
10. Ли Имо. Русские зоосемизмы в зеркале русско-китайского словаря / Ли Имо // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2020. – Т. 12, вып. 3. – С. 49–58.
11. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – Архангельск : Издательство Поморского университета, 1997. – Вып. 1. – С. 11–35.
12. Пушкин, А. С. Маленькие трагедии: [для старшего школьного возраста: 12+] / А. С. Пушкин ; художник Ф. Д. Константинов. – Москва : Детская литература, 2021. – 140 с.
13. Пушкин, А. С. Стихотворения Александра Пушкина / подготовил: Л. С. Сидяков ; ответственный редактор: Ю. М. Лотман, С. А. Фомичев. – [2-е изд., стер.]. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 640 с.
14. Рыжкина, О. А. Системное исследование зооорфизмов в русском языке (в сопоставлении с английским) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. А. Рыжкина. – Москва, 1980. – 37 с.
15. Сетаров, Р. Д. Метафорическая номинация в национальном языковом сознании / Р. Д. Сетаров. – Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 92–98.
16. Складневская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складневская. – 2-е изд. – Санкт-Петербург, 2004. – 150 с.

17. Степанов, Н. Л. Басни Крылова / Н. Степанов. – Москва : Художественная литература, 1969. – 110 с.
18. Федоров, М. А. Основные понятия лингвокультурологии : учебное пособие / М. А. Федоров ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2015. – 95 с.
19. Цай Сяо-лин. Наименования лиц с негативным значением в русском языке / Цай Сяо-лин // Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы : Международная интернет-конференция (май 2004 г.) : труды и материалы / Московский государственный университет леса. – Москва, 2004. – С. 313–315.
20. Чернейко, Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – Москва, 1997. – 319 с.
21. Эпиграммы (Пушкин, Вяземский, Соболевский и другие). – Москва : Огонек, 1929. – 56 с.
- Электронные ресурсы
22. Academia. – URL: www.academia.edu/5923208/Wierz_bicka_Anna_1985_Lexicography_and_conceptual_analysis (дата обращения: 19.09.2022). – Текст : электронный.
23. Культура. РФ. – URL: www.culture.ru/poems/4828/utoplennik (дата обращения: 17.09.2022). – Текст : электронный.
24. Культура. РФ. – URL: www.culture.ru/poems/4449/skazka-o-mertvoi-carevne-i-o-semi-bogatyryakh (дата обращения: 10.10.2022). – Текст : электронный.
25. Культура. РФ. – URL: <https://www.culture.ru/poems/26916/brodyachaya-sobaka> (дата обращения: 12.10.2022). – Текст : электронный.
26. Сочинения Державина. – URL: https://imwerden.de/pdf/derzhavin_sochineniya_tom3_1866_ocr.pdf (дата обращения: 12.10.2022). – Текст : электронный.
27. Библиотека. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/polozkova-vera/stihi-iz-onlajn-2013-2017> (дата обращения: 05.10.2022). – Текст : электронный.
28. Prosodia. – URL: <https://prosodia.ru/catalog/stikhotvo-renie-dnya/aleksandr-kaydanovskiy-u-menya-byla-sobaka/> (дата обращения: 07.10.2022). – Текст : электронный.
29. Pushkin-lit.ru. – URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/pisma/361.htm> (дата обращения: 16.10.2022). – Текст : электронный.
30. Pushkin-lit.ru. – URL: http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/boris-godunov/godunov_5.htm (дата обращения: 12.10.2022). – Текст : электронный.
31. РББ. – URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1815_30/01text/1825/1355_172.htm (дата обращения: 03.11.2022). – Текст : электронный.
32. Дмитрий Воденников : официальный сайт. – URL: http://www.vodennikov.ru/poem/dva_stihovorenija_2007.htm (дата обращения: 15.10.2022). – Текст : электронный.

Yu.A. Cheremnykh

REALIZATION OF THE CONCEPT «DOG» IN RUSSIAN POETIC DISCOURSE

The study deals with the lexical units associated with the concept of «dog» in the Russian poetic discourse of the 18th–21st centuries. Zoomorphisms, being the result of metaphorically endowing people with the behavioral qualities of animals, represent a wide field for research using the methods of cognitive linguistics, linguoculturology, stylistics, semantics and other disciplines that study the word-formation possibilities of the language and the prerequisites for them in the national culture. Poetic discourse, which is especially rich in metaphors by its nature, presents the reader the motive and result of the transfer of «the quality of an animal to the similar quality of a person». Due to the transfer the animalistic vocabulary tends to be introduced into phraseological units, idioms, proverbs, etc., which subsequently are fixed in dictionaries.

Dog, concept, metaphor, zoonym, zoosemism, poetry, discourse.

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 001:378; 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации;
5.9.5. Русский язык. Языки народов России



С.А. Громько

Вологодский государственный университет

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 999.014.03 В 2022 ГОДУ

В статье сообщается об успешной работе диссертационного совета Д 999.014.03 в Вологодском государственном университете. В совете рассматриваются диссертации по филологическим наукам (специальности: 10.01.01 – русская литература и 10.02.01 – русский язык). Диссертационный совет функционирует на протяжении более чем 25 лет, и количество защищаемых в нем диссертаций неуклонно растет.

Филологические науки, диссертационный совет в ВоГУ, успешные защиты в 2022 году.

В октябре 2022 года в связи с изменением номенклатуры научных специальностей диссертационный совет Д 999.014.03 завершил свою работу. Итогом семи лет работы объединенного диссертационного совета, функционирующего на базе Вологодского государственного университета, Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, Череповецкого государственного университета стали 35 успешных защит диссертаций, три из которых на соискание ученой степени доктора филологических наук. География диссертантов велика: Вологда, Череповец, Сыктывкар, Петрозаводск, Киров, Белгород, Новгород, Рязань, Курск, Кострома, Москва. 2022 год внес существенный вклад в общее количество защищенных диссертаций: четыре кандидатских и одна докторская.

14 апреля на базе Череповецкого государственного университета состоялось три заседания диссертационного совета. Защита кандидатской диссертации *Николая Александровича Дегтерева* на тему «Духовное образование и духовная культура персонажа в русской беллетристике 1860–80-х гг.: аспект художественной аксиологии» была посвящена ушедшему из жизни научному руководителю работы бессменному члену диссертационного совета доктору филологических наук профессору Череповецкого государственного университета Наталье Владимировне Володиной. Исследование было выполнено на материале трех наиболее заметных произведений о духовной школе в литературе второй половины XIX века: «Дневник семинариста» И.С. Никитина, «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского и «Миражи» Г.И. Недетовского.

Диссертант пришел к выводу, что картина мира, изображенная в произведениях, раскрывает ценностные установки и ориентации персонажей, увиденные через призму авторской аксиологии. Духовная культура персонажей находится в сложных, противоречивых отношениях с системой обучения и воспитания в бурсе и семинарии и, с точки зрения писателей, раз-

вивается скорее вопреки, чем благодаря этому образованию. Ведущая организация и официальные оппоненты отметили, что все положения, вынесенные на защиту, убедительно аргументированы, отличаются новаторством и вызывают на дальнейшие размышления. В диссертации решена важная научная задача, что имеет существенное значение для исследований в области художественной аксиологии, жанрологии и поэтики прозы.

Алина Альбертовна Дивеева (г. Череповец) представила работу на тему «Русский рэп-текст: структура, семантика, прагматика». Научный руководитель соискателя – доктор филологических наук профессор Череповецкого государственного университета Елена Валерьевна Грудева. В рамках диссертационного исследования было проанализировано более трехсот русскоязычных рэп-текстов, созданных в период с 2000 года по настоящее время известными группами и исполнителями «25/17», Оксимирон, Хаски, Face, Guf и др.

В диссертации доказаны положения о том, что русские рэп-тексты фиксируют изменения в современном русском языке: обилие сленгизмов, вульгаризмов, варваризмов, сочетание высокой и низкой лексики и пр., что отчасти разрушает привычное представление о типологии языковой личности, связанной с выделением носителей элитарной, средней или низкой языковой культуры. В качестве текстообразующего механизма, оказывающего влияние на ритмическую организацию рэп-текста и обеспечивающего целостность и связность каждого языкового уровня, выступает паронимическая аттракция. Она является отличительным признаком в строении рэп-текста, что существенно отличает рэп-текст от рок-текста. Диссертационный совет пришел к заключению, что результаты работы профессионально выверены, представляют ценность не только для филологического осмысления рэп-культуры, но и для современной лингвистики, одной из задач которой можно

считать включение в научный оборот всех текстов современной культуры.

Олеся Андреевна Метелева (г. Киров) защитила кандидатскую диссертацию на тему «Проблематика и жанровое своеобразие поэзии В.И. Майкова». Научный руководитель – доктор филологических наук профессор Вятского государственного университета Анна Геннадьевна Маслова. В центре внимания исследователя творчество одного из известнейших русских поэтов 1760–1770-х годов В.И. Майкова, поэтическое наследие которого обширно: оды, поэмы, басни, идиллии, философская лирика.

Важнейшим положением диссертации является мысль о том, что в поэзии В.И. Майкова изменился взгляд на проблему смысла жизни человека, который перестает оцениваться как часть государственного механизма, на первый план выдвигается личность и ее духовный мир. На расширение тематики и проблематики русской поэзии в творчестве В.И. Майкова повлияли его масонские взгляды, предопределившие внимание поэта к философским и нравственным вопросам как в традиционных жанрах торжественной оды и пасторали, так и в развивающихся и формирующихся жанрах философской оды и усадебной поэзии. По мнению официальных оппонентов, диссертация О.А. Метелевой является законченной научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований определяется вклад В.И. Майкова в развитие русской поэзии, предлагаются новые пути анализа художественных текстов с учетом феномена диалога как основы любого произведения искусства. Автор диссертации предложил актуальные подходы к исследованию классической поэзии, позволяющие раскрыть нравственные и философские позиции поэта, близкие современному поколению читателей.

Проблематика диссертаций вызвала большой интерес у членов диссертационного совета. Соискатели квалифицированно отвечали на многочисленные задаваемые им вопросы. Члены диссертационного совета единогласно проголосовали «за» присуждение соискателям искомой ученой степени. Председатель диссертационного совета доктор филологических наук профессор ВоГУ Г.В. Судаков тепло поздравил молодых кандидатов филологических наук с защитой и пожелал им дальнейших успехов в научной работе.

29 июня состоялась еще одна защита кандидатской диссертации. *Арина Александровна Гончар* (г. Череповец) представила работу на тему «Функционирование авторской афористичной формулы как малоформатного текста в театральной дискурсивной практике (на материале жанра интервью)». Научный руководитель – доктор филологических наук профессор Череповецкого государственного университета Светлана Юрьевна Лаврова. В качестве материала исследования было использовано 381 интервью театральных деятелей, опубликованное в печатных и электронных источниках. В них выделено 334 высказывания, проанализированных как малоформатный текст – авторская афористичная формула.

В диссертации доказаны положения о том, что авторская афористичная формула есть констатирующе

обусловленное высказывание с метафорическим потенциалом подтипа афористического малоформатного текста, а доминирующим способом представления авторской афористичной формулы театральной коммуникации является бисубстантивная конструкция, семантически выраженная с помощью метафорического синтаксического концепта. Дискурсивно-прагматические коммуникативные стратегии авторов афористичных театральных предложений позволяют изучить ситуацию их употребления и установить основные функциональные типы высказываний в жанре аналитического интервью.

В ходе защиты установлено, что диссертация А.А. Гончар является актуальным и квалифицированным исследованием, не вызывающим сомнений в достоверности полученных результатов. Диссертация представляет собой работу, в которой содержится решение задач, имеющих существенное значение для таких отраслей филологии, как синтаксис русского языка, лингвистика текста, теория дискурса.

Заключительным заседанием диссертационного совета стала защита докторской диссертации, состоявшаяся 22 сентября в Череповецком государственном университете. *Светлана Александровна Соловьева* (г. Череповец) представила работу на тему «Синтаксис художественной прозы Б. Пастернака: лингвокогнитивный аспект». Научным консультантом выступила доктор филологических наук профессор Череповецкого государственного университета Елена Валерьевна Грудева. Работа посвящена выявлению особенностей семантико-синтаксической организации прозаических текстов Б.Л. Пастернака на уровне их макроструктуры и глубинной организации, позволяющих квалифицировать их как тексты монтажного типа, при создании которых система отношений «автор – текст – читатель» основывается на предлагаемой читателю интерпретационной стратегии.

В диссертации доказаны положения о том, что монтаж – основной принцип построения текстов художественной прозы Б. Пастернака. Он основывается на соположении в пространстве-времени двух или более отличающихся друг от друга по денотатам или структуре ситуаций и является условием конституирования концептологической организации текста. Система признаков монтажного текста в художественной прозе Б.Л. Пастернака позволяет охарактеризовать ее как один из типов актуализирующей прозы.

Диссертационный совет пришел к выводу, что диссертация С.А. Соловьевой является самостоятельным, оригинальным и завершенным исследованием, содержит принципиально новый взгляд на исследуемый языковой и эстетический феномен, является существенным вкладом в изучение художественного текста, творчества Б.Л. Пастернака, а также современного синтаксиса, а значит, полностью соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Совет единогласно проголосовал за присвоение С.А. Соловьевой ученой степени доктора филологических наук.

В конце 2022 года Вологодский государственный университет, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина и Череповецкий государственный университет подали ходатайство на

открытие нового объединенного совета по обновленным специальностям 5.9.1. «Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)» и 5.9.5. «Русский язык. Языки народов России

(филологические науки)». Надеемся, что 2023 год станет годом рождения нового диссертационного совета, который продолжит традиции защит актуальных, глубоких и оригинальных диссертационных исследований.

S.A. Gromyko

DISSERTATION COUNCIL (Д 999.014.03) CONTINUES TO WORK: 2022 RESULTS

The article tells about successful work of the Dissertation Council at Vologda State University. The Council specializes in dissertations on Philology (10.01.01 – Russian Literature, 10.02.01 – Russian). The Council has been working for more than 25 years, the number of defenses is gradually increasing.

Philology, Dissertation Council at Vologda State University, successful dissertation defenses in 2022.



Л.В. Егорова
Вологодский государственный университет

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЗЕЛЕЗИНСКАЯ Н.С. ГДЕ БУМАЖНОЕ СТАНОВИТСЯ РЕАЛЬНЫМ:
НОВЫЕ МОТИВЫ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
Монография. Минск: Изд. центр БГУ, 2022. 144 с.**

Рецензия на первую на русском языке монографию об англоязычной подростково-молодежной литературе, написанную белорусским ученым Н.С. Зелезинской. В центре внимания исследования – мотивы и мотивные комплексы современного подростково-молодежного проблемного романа.

Жанр, подростковый и молодежный роман, мотив, мотивный комплекс, подростково-молодежный проблемный роман, поэтика и аксиология подростково-молодежного проблемного романа.

Не только в белорусском, но и в российском литературоведении это первая монография об англоязычной подростково-молодежной литературе. В № 4 за 2020 г. «Вестник ВоГУ» представлял исследователя – Наталью Станиславовну Зелезинскую, кандидата филологических наук, доцента кафедры теории и практики перевода Белорусского государственного университета, ее первую монографию – «Быть или не быть: мотив самоубийства в творчестве Уильяма Шекспира» (БГУ, 2020). Уже тогда Н.С. Зелезинская углубилась в подростково-молодежную литературу как наиболее быстро, тонко, остро улавливающую тенденции развития общества, подчеркивала плодотворность изучения мотива в современной литературе (на фоне традиции), подчеркивала важность трудов А.Н. Веселовского как теоретической базы для понимания природы мотива.

Предисловие вводит в проблематику книги. Вторая вводная часть «Мотив – событие – се-бытие» посвящена методологии исследования. В первом разделе в четырех главах Н.С. Зелезинская освещает генезис подростково-молодежного проблемного романа, пишет о подростковой литературе как зеркале общества, об индивидуализме как этико-философском основании подростково-молодежного романа, об архетипе безответственного родителя.

Во втором разделе выявлены и контекстуализированы мотивы и мотивные комплексы, привнесенные в подростково-молодежную литературу глобальными проблемами современности. Из мотивов акцентированы следующие: самоубийство; смерть и потеря близкого; теракты, военные конфликты, убийства, неблагополучия, часто военизированная социально-экономическая среда; ребенок на Второй мировой войне, холокост; смертельная болезнь; насилие над детьми и похищение ребенка; жизнь во лжи и ложь родителей; детское донорство; интеллектуальная или физическая недостаточность и дезаптированность особенного ребенка; физиологические возрастные изменения, обретение сексуальности, подростковая беременность и родительство; дискриминация детей из религиозных,

расовых, национальных, этнических, сексуальных меньшинств; другие психологические травмы, например развод родителей, смерть питомца (с. 56).

После монографии, посвященной мотиву самоубийства у Шекспира, этот квалифицированный подход к проблемам самоубийства, смерти и на данном материале воспринимаешь как закономерность. Мотив самоубийства рассмотрен на примере романа Джея Эшера «Тринадцать причин почему» (2007). Топосы смерти показаны на примере романа Элис Сиболд «Милые кости» (2002). Мотив смертельной болезни – на примере романа Джуди Пиколт «Ангел для сестры» (2004). В подразделе «Любовь как ответственность» рассмотрено «этическое поле» романов о подростках с аутизмом.

В трех главах третьего раздела автор углубляется в анализ расширения географических и аксиологических границ жанра (с привлечением произведений белорусской, немецкой, русской, французской, шведской литературы), в аксиологию негативности подростково-молодежного проблемного романа, характеризует героя, вернее, «не-героя» данного типа романа.

Поэтика и аксиология подростково-молодежных проблемных романов рассмотрена в ракурсе философско-этических размышлений Э. Лавинаса, М. Бубера, М. Фуко, М.М. Бахтина, Дж. Линдси, Ж.-П. Сартра, Х.У. Гумбрехта, П. Слотердайка. Термин «проблемный роман» в отношении данной (подростково-молодежной) литературы, широко применяемый в англоязычном литературоведении, в русскоязычный литературоведческий дискурс введен именно Н.С. Зелезинской. Она не уклоняется от разбора базовых вопросов, например, почему именно в англоязычной традиции и современности подростково-молодежный роман отделился от детской и взрослой литературы, почему он максимально отчетливо и пронзительно отражает реальный мир с его вызовами и катастрофами. Исследователь не заблуждается относительно художественного качества романов и с самого начала отмечает, что ни один из нашумевших подростковых романов не представляет собой будущую классику или выдаю-

щуюся современную книгу (с. 5). У данной литературы «нет ни своего Генри Джеймса, ни Э.М. Форстера, ни Милана Кундеры. То есть ни один писатель не написал манифест подростковой литературы. Ни один практик не говорит от ее имени» (с. 6). При этом данная литература широко востребована не только подростками, молодежью, но и взрослыми.

Н.С. Зелезинская показывает, как мотивы смерти, домашнего насилия, школьной травли, педофилии, суицида, неизлечимой болезни становятся жанрообразующими для проблемного романа. Учитывая открытия А.Н. Веселовского («мотивы получают свое содержание и смысл не сами по себе, а через сопоставление и связь с другими мотивами»), исследователь исходит из анализа мотивных комплексов (с. 129). В рассмотренных проблемных романах выявлены трехчастные мотивные комплексы: «“проблемный” мотив (мотив смертельной болезни, мотив самоубийства, мотив убийства, мотив насилия в семье и др.) + эмотивный мотив (мотив вины, страха, отчаяния и др.) + этический мотив, художественно воплощающий значимую социальную или философскую идею (любовь, свобода, ответственность, инаковость, эмпатия и др.)» (с. 129).

Предсказуемо, что выбор эмотивного мотива зависит от «проблемного» и «этического»: все писатели решают проблемы в аксиологическом ключе. Исследователь демонстрирует, что именно в ситуации, когда речь идет о детях и подростках, аксиологические смыслы сгущаются: «Единственный способ помочь подросткам (и обществу в целом) справиться с тяжелым коллективным или индивидуальным опытом – “раскрыться навстречу боли”, проговорить психологическую травму, помочь осознать суть выбора и саму возможность жить и быть с тем, что имеешь. Один из очевидных путей к осознанию и принятию проходит через литературу» (с. 131).

За счет «этического мотива» осуществляется и проблематизация образа героя-подростка. Его харак-

теристики тяготеют не просто к неидеальности, но к подчеркнутой обыденности и «уязвимости» (физического или интеллектуального плана, а также психологическими проблемами или травмой, социальной дезадаптацией). Призвание подростка, прежде всего, – в самоидентификации, принятии себя и других. Исследователь убедительно показывает, что сюжет в подростково-молодежном проблемном романе подчас теряет значимость, а принципиальной становится активизация эмпатии, нацеленной на принятие ответственности за себя и близких. Важно понимать, что подростково-молодежный проблемный роман является, с одной стороны, продуктом глобализации, с другой – культуры присутствия с ее вниманием к проживанию каждого момента, телесности, размыванию бинарных оппозиций.

Отмечу и богатую фактологию монографии. Читатель узнает, что первая книга специально для подростков была опубликована в США в 1942 г. («Семнадцатое лето» Морин Дейли); почему Сюзан Хинтон написала роман о подростках «Изгой», будучи подростком (в 16 лет); о необыкновенной популярности и поразительных тиражах нацеленного на подростков (в мире продано, например, более 85 миллионов экземпляров книг Джуди Блум); о становящейся все более очевидной направленности читательских и критических реакций – от жестокой цензуры к принятию; о причинах интереса подростков к фэнтези и паранормальной литературе и – сближению и взаимопроникновению реалистического и фантастического направлений; о расхождениях в семантике, структуре и прагматике мотивов социального романа и подростково-молодежного проблемного романа и много другого из почти уже вековой истории подростковой и молодежной литературы.

Ценность представляет как библиография, так и приведенный список упомянутых и проанализированных романов.

L.V. Egorova

**BOOK REVIEW: ZELEZINSKAYA N. S. WHERE THE WORD ON PAPER TURNS REAL:
NEW MOTIFS OF ENGLISH-LANGUAGE YOUNG ADULT LITERATURE:
Monograph. Minsk: Belarusian State University Publishing Center, 2022. 144 p.**

Review of the first monograph in Russian on young-adult literature in English written by a Belarusian researcher Natalya Zelezinskaya. The focus is on the motifs and their complexes in the topical young adult novels of modernity.

Genre, young adult novel, motif, motif complex, a topical young adult novel, poetics and axiology of a topical young adult novel.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акбаева Файруз Борисовна

старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Северо-Кавказской государственной академии (Черкесск, Россия)
akbaevafai@mail.ru

Бахлаева Марина Алексеевна

магистрант кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)
norkasum@gmail.com

Белов Никита Васильевич

магистрант филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
belovnikita1997@yandex.ru

Блинов Константин Александрович

аспирант кафедры русской и зарубежной филологии Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир, Россия)
c.blinoff@yandex.ru

Брусиловская Яна Вадимовна

аспирант кафедры русской литературы XX–XXI вв. Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия)
yav_brusilovskaya1@student.mpgu.edu

Бытко Сергей Станиславович

аспирант кафедры истории и документоведения Нижневартковского государственного университета (Нижневартковск, Россия)
labarum92@rambler.ru

Громько Сергей Александрович

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
ling2007@yandex.ru

Дианова Елена Васильевна

доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)
elena-dianowa@yandex.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Жукова Вероника Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
zhukovavs@vogu35.ru

Коршунков Владимир Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета (Киров, Россия)
vla_kor@mail.ru

Краснова Ольга Николаевна

аспирант кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)
olg.isupowa@yandex.ru

Маслова Анна Геннадьевна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета (Киров, Россия)
usr11021@vyatsu.ru

Нестеров Дмитрий Александрович

старший преподаватель кафедры всеобщей истории, права и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара, Россия)
mister.cesar@yandex.ru

Первошиков Дмитрий Викторович

кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (Ижевск, Россия)
dmitryzh76@mail.ru

Романовская Ирина Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)
romanovskaia.irina@gmail.com

Саблин Василий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
sablin@inbox.ru

Сафрон Елена Александровна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германской филологии и скандинавистики Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)
E-mail: 00inane@gmail.com

Ситников Кирилл Алексеевич

преподаватель кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России (Воронеж, Россия)
kirillsa@mail.ru

Столетова Анна Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета; доцент кафедры философии и истории Вологодской ГМХА (Вологда, Россия)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Судаков Гурий Васильевич

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
gvs035@rambler.ru

Червяков Алексей Аркадьевич

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kpskl@yandex.ru

Черемных Юлия Александровна

аспирант кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного научно-исследовательского университета (Пермь, Россия)
cheremnyh.julia@yandex.ru

Шарапенкова Наталья Геннадьевна

доктор филологических наук, заведующий кафедрой германской филологии и скандинавистики, профессор отдела подготовки НИП Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)
natshar@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Akbaeva Fayruz Borisovna

Senior Lecturer of the Department of Linguistics and Intercultural Communication of the North Caucasus State Academy (Cherkessk, Russia)
akbaevafai@mail.ru

Bakhlaeva Marina Alekseevna

Postgraduate Student of the Department of German Philology and Scandinavian Studies, Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
norkasum@gmail.com

Belov Nikita Vasilyevich

Postgraduate Student of the Faculty of Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
belovnikita1997@yandex.ru

Blinov Konstantin Aleksandrovich

Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign Philology, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs (Vladimir, Russia)
c.blinoff@yandex.ru

Brusilovskaya Yana Vadimovna

Postgraduate Student of the Department of Russian Literature of the 20th-21st centuries, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
yav_brusilovskaya1@student.mpgu.edu

Bytko Sergey Stanislavovich

Postgraduate Student of the Department of History and Document Science, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russia)
labarum92@rambler.ru

Gromyko Sergey Alexandrovich

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
ling2007@yandex.ru

Dianova Elena Vasilyevna

Doctor of History, Associate Professor of the Department of National History, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
elena-dianowa@yandex.ru

Egorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Zhukova Veronika Sergeevna

Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of National History, Vologda State University (Vologda, Russia)
zhukovavs@vogu35.ru

Korshunkov Vladimir Anatolyevich

Candidate of History, Associate Professor of the Department of History and Political Sciences, Vyatka State University (Kirov, Russia)
vla_kor@mail.ru

Krasnova Olga Nikolaevna

Postgraduate Student of the Department of General and Applied Philology, Literature and Russian Language, Institute of Humanities, Altai State University (Barnaul, Russia)
olg.isupowa@yandex.ru

Maslova Anna Gennadievna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University (Kirov, Russia)
usr11021@vyatsu.ru

Nesterov Dmitrii Aleksandrovich

Senior Lecturer of the Department of World History, Law and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia)
mister.cesar@yandex.ru

Perevoshchikov Dmitry Viktorovich

Candidate of History, Research Fellow of the Department of Historical Studies, Udmurt Institute for Research in History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia)
dmitryzh76@mail.ru

Romanovskaya Irina Valerievna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of German Philology and Scandinavian Studies, Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
romanovskaia.irina@gmail.com

Sablin Vasily Anatolyevich

Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University (Vologda, Russia)
sablin@inbox.ru

Safron Elena Aleksandrovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of German Philology and Scandinavian Studies, Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
00inane@gmail.com,

Sitnikov Kirill Alexeevich

Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Voronezh Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation (Voronezh, Russia)
kirillsa@mail.ru

Stoletova Anna Sergeevna

Candidate of History, Associate Professor of the Department of National History, Vologda State University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin (Vologda, Russia)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Sudakov Gury Vasilevich

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Journalism and Communication Theory, Vologda State University (Vologda, Russia)
gvs035@rambler.ru

Chervyakov Alexey Arkadyevich

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
kpskl@yandex.ru

Cheremnykh Yulia Alexandrovna

Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Stylistics, Perm State University (Perm, Russia)
cheremnyh.julia@yandex.ru

Sharapenkova Natalia Gennadevna

Doctor of Philology, Head of the Department of German Philology and Scandinavian Studies, Professor of the Department of Academic Training, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
natshar@mail.ru